

Часть I. Проза

[Стирающая память]

Зайдя в ванную комнату, я с ужасом бросила взгляд на квадратное зеркало – такое искреннее и чертовски колкое в критической оценке. Исподлобья на меня смотрело странное существо: высокая, худощавая, сутулая женщина, изрядно потасканная жизнью. Изящные музыкальные пальцы сжаты в кулак, на руках отчетливо проступают вены, бледная кожа отдает неестественно болезненной синевой. Темные круги под глазами, тонкие поджатые губы и длинные волосы землисто-серого цвета наводили ужас на их обладательницу:

«Ненавижу себя и проклинаю! Жалкая, потерянная, ничтожная для всего человечества. Когда я успела? Как?! Лучшая ученица в классе, а после студентка и преуспевающая бизнес-вумэн. Что привело меня к полному растлению души и тела, к убийственным переменам?»

Веки устало опустились, не в силах выдерживать и дальше тяжесть омерзительного отражения. Кожа на подушечках пальцев тонкая и сухая – вот-вот треснет. Ком подкатывает к горлу, соленые капли стоят в глазах. Из-за стены раздаются чьи-то мерзкие вопли, превращающиеся в тошнотворный гул. Я резко поднесла ладонь к дрожащим губам, разомкнула их, стараясь издать крик отчаяния, дикий звериный вопль, несущий в себе мою печаль, посланный прямо к Господу Богу, позволившему сделать шаг на пути к пропасти, рухнуть с обрыва скромной, но приятной повседневности в злачную яму разочарования, предательства и обид.

«Не могу так больше: во мне нет ни сил, ни желаний, ни стремлений. Я – никто, пустое место на поверхности Земли, песчинка, средоточие невыносимых людских страданий!»

Мысли путаются в голове, на часах уже половина первого. Тошнит. Оторвала кусок своей блузки, заткнула слив в раковине и открыла кран. Холодная вода тонким ручейком полилась на без того замерзшие ладони. Хочется выпить текилы, бутылка стоит неподалеку. Я тянусь к ней рукой, обнимаю за горлышко, стараюсь сжать пальцы, поднять стеклянный сосуд, но он внезапно содрогнулся от моего касания и со звонким свистом обрушился на пол. Осколки разлетелись в разные стороны, комнату наполнил резкий запах алкоголя, медленно подбирающегося к моим босым ступням. Я молниеносно отпрянула и прислонилась к стене, устало сползая по ней к холодному кафельному полу. Обхватила голову руками, изо всей силы нажимая на виски и стараясь унять мигрень, преследующую меня на протяжении последних недель.

В глазах все плывет. Мой бойфренд Майки сейчас, должно быть, на балконе, смотрит с пятнадцатого этажа на редких прохожих, радуется тому, что они живы и чувствуют себя отлично в столь поздний час. Да, он не утратил эту чудесную способность радоваться за других, ему это не чуждо. Но он уже давно не рад мне и моему присутствию в нашем доме. Я – обуза, слишком тяжелая ноша. Пригрел на своей груди, а теперь об этом жалеет. Его пьяные дружки листают наш старый фотоальбом, вырывают из него удачные кадры и скручивают в тонкие трубочки. И ради этого я потратила свою жизнь, молодость, красоту, способность любить, быть любимой и умиляться каждому новому дню!

Злорадный хохот раздается из комнаты, сердце сковывает тоской. Время не повернешь вспять, ничто не изменно в этом мире, никакие вердикты судьбы не подлежат обжалованию. Я не плачу, но так сильно этого хочу, хочу рыдать, хочу чувствовать, вместо того чтобы корчиться от боли и стонать, извиваясь в адских муках! Мобильный

лежит на полу, осталось только дотянуться. Запястье такое тонкое, боюсь, как бы не переломилось, но все-таки пытаюсь коснуться своего спасения. Беру трубку в руку, подношу к лицу. Тушь размазана по щекам неряшливыми черными разводами. Ничего не вижу, глаза застилает пелена слез, горьких... таких, как зерна кофе или же горошины черного перца.

Ищу знакомый номер. Дон, Сара, Фрэнк, Саймон, Лиза и дальше по списку – убудки и лицемеры. Да пропади они пропадом! Ну где же ты... где? Спустя мгновение я нашла телефон человека, которому не звонила так давно и которому обязана позвонить именно сейчас. Одно нажатие на кнопку, и ожидание длиною в несколько секунд. Приятный женский голос разрывает тишину:

– Але. Кристина, где ты? Почему не звонишь?! Я так волнуюсь, места себе не нахожу! Не представляешь, что произошло за время твоего отсутствия! Рори окончил школу с красным дипломом, отец устроился менеджером в фирму по продаже бытовой техники, больше не грустит, увлеченный любимым делом, и мне не приходится утешать его по ночам, когда он смотрит на твою фотографию, что стоит на камине, и тяжело вздыхает. Он любит тебя и часто произносит твое имя.

Мы тебя вспоминаем. Ты по-прежнему наш маленький ангел. Тяжело в этом признаваться, но твой брат винит во всем себя. Если бы вы тогда не поссорились, ты бы не ушла из дома, правда? У него сейчас нет друзей, ведь... возможно, ты не знаешь, что была его единственным другом с самого рождения. Он пишет письма, но не знает, на какой адрес их отправить. Однажды я видела, как бедняга плакал, забравшись на чердак, но в тот момент не стала его утешать – одиночество на подростка иногда действует с пользой. Мальчик оправится, но только тогда, когда снова увидит тебя.

Наш пес, Донни, ты еще помнишь его? Он... погиб. Сбит машиной, за рулем которой сидел обезумевший наркоман. Это был еще один удар для Рори. Но он сильный, выдержал. Надеюсь, все будет в порядке. Как ты там? С кем, где, чем занята? Я, правда, переживаю... возвращайся скорее! Мы... мы все тебя очень любим. Столько нужно рассказать, столько нужно поделиться. Я, наверное, тебе уже надоела, но... так рада вновь выйти на связь. А сейчас не молчи, Кристин. Умоляю, не молчи... Кристина... Кристина, пожалуйста, ответь! Прошу тебя, не молчи!..

– Прости меня, мама.

Разум заволокло пеленой блекло-серого тумана, состоящего из воспоминаний. Я видела прошлое, видела себя, родителей и брата, бегущего по двору за нашим любимым псом. Я представляла улыбки и лица близких мне людей, но сейчас, казалось бы, и они медленно стираются из недр моей памяти. Уже не различаю границ и силуэтов, только невесомые образы, едва ли не мифические, тонкие ароматы и застывший на моих губах привкус пирога с черникой, что готовила мама. Детство кончилось так недавно и в то же время так давно. Я не помню друзей и знакомых, их имен и дней рождения. Я помню лишь то, как сильно была нужна кому-то в прошлой жизни. Сейчас же нет меня и нет моего прошлого.

Мобильный выскользнул из рук и с шумом ударился оземь. Сознание отключилось, а тело рухнуло на пол. Бледная кожа соприкоснулась с кафелем, холод плитки проник в самое сердце. Последним, что мне удалось увидеть, была вода, миновавшая края раковины, ударяющаяся о пол и разлетающаяся мелкими брызгами по ванной комнате. Скоро все пройдет. Скоро откроется новый путь, новое начало. Я так хочу этого, но надежда... несбыточна? Рада хотя бы тому, что еще не разучилась мечтать.

Я осторожно открыла глаза, лениво и чуточку сонно. Сочная зеленая трава щекотала веки, путалась в ресницах. В воздухе пахло счастьем – неподдельным и настоящим. Я приподнялась на локтях: вокруг было поле, сплошь усеянное разноцветными огоньками полевых цветов, и небо столь ясное, чистое, безоблачное. Круглолицее солнце сияло над головой в сотни раз ярче привычного. Не знаю, когда в последний раз мне удавалось видеть подобную красоту. Знакомое бирюзовое платье с тонким черным ремешком,

любимые лодочки, что подарил отец ко дню совершеннолетия. Волосы такие длинные, насыщенного рыжего цвета, как когда-то.

Я поднялась с земли и сделала первый несмелый шаг. Боже, как трудно он мне дался! Словно это первый шаг за всю мою жизнь. Узкая тропинка вела куда-то вдаль, я следовала по ней, постоянно оглядываясь по сторонам и впитывая в себя диковинную красоту окружающего мира. Вскоре на горизонте показался дом, стены которого были выкрашены в ослепительно белый цвет, а треугольная крыша покрыта красными черепицами. Я чувствовала, что бывала здесь раньше, но не могла вспомнить – когда. На поляне около дома я заметила юношу. Высокий, стройный, лицо усеяно веснушками, а волосы отливают медью при свете дня. Черты лица так знакомы. Они напоминали мне о ком-то близком. А если это он и есть? Пойдите, не может быть... это – мой брат?!

Я постаралась вспомнить его имя, но все попытки потерпели крах. Спустя секунду двери дома открылись, и оттуда вышла улыбающаяся пара. Мужчина держал женщину под руку. Они подошли к мальчику и обняли его – так трепетно и бережно, будто он единственное, что составляет смысл их жизни. Лицо отца семейства было беспокойно: седые брови сдвинуты домиком, улыбка выглядит натянутой. Он так постарел. Папа... Женщина, напротив, очень трогательно радовалась. Ее длинные ресницы были заметны издали. Она хлопала ими изумленно и чуточку наивно.

Я ощутила острую необходимость приблизиться к ним, коснуться, почувствовать их близость. Сердце неприятно ныло в груди и билось чаще обычного, слишком часто. Я сделала робкий шаг... еще один... побежала навстречу семье. Но именно в этот момент брат хлопнул отца по плечу, и трое направились в дом. Я бежала изо всех сил, рвалась за ними, но не могла вспомнить имен, чтобы окликнуть, чтобы позвать. Голос пропал, не было сил выкрикнуть хоть слово вдогонку. Как только я приблизилась к крыльцу, двери перед моим носом захлопнулись. Я билась о них, стучала, нажимала на ручку – все без толку. Подойдя к окну, увидела, как мама отправляет сына наверх. Они же вместе с отцом остались в гостиной. Он ласково обнял свою жену за плечи, а после подошел к камину и снял с него фотографию. Долго смотрел на нее, сжимая в ладонях. Лишь тогда, когда в глазах появился выраженный влажный блеск, я поняла, кто изображен на том фото.

Папа медленно высвободил черно-белый снимок из створок серебристой рамки, показал его матери, а после коснулся солеными губами. Секунды не прошло, как фотография отправилась в камин. Языки пламени недолго ласкали ее в своих объятиях, и вскоре от памяти не осталось ничего, кроме горстки пепла. Я впервые за долгое время смогла заплакать, несколько раз ударила кулаком по толстому стеклу, умоляя пустить меня, простить и принять назад. Но родители взяли за руки и поднялись по лестнице к единственному своему ребенку – единственному, достойному быть их ангелом. Свет потух, солнце скатилось за горизонт, а я осталась совершенно одна рядом с домом, чьи двери для меня отныне навсегда закрыты. Тело обвевал холодный ветер, рыжие волосы разметались по плечам, глаза болели от слез. Но вскоре этот сон развеялся, и я очнулась.

Медленно приподнявшись на локтях, я ощутила, как нехватка сил дает о себе знать: практически безжизненное тело камнем рухнуло на влажный кафель, впитавший в себя аромат текилы, а еще моей продрогшей кожи. Ручеек из крана больше не струился – кто-то перекрыл его вовремя, иначе случился бы непредвиденный потоп. Я встала на колени, сжала в руке мобильный, собрала всю волю в кулак. Вот опираюсь на одну ногу, вот уже на две. Подойдя к раковине, намеренно растягиваю тишину и сомневаюсь несколько минут, прежде чем кинуть телефон в воду, но все-таки делаю это – раз и навсегда. Сигнал тут же пропал, экран потух.

Отражение в зеркале по-прежнему выглядело, мягко говоря, паршиво. Чей-то смех все так же доносился из-за стены. Лениво стерев тушь со щек, я направилась в комнату. Майки взглянул на меня равнодушно и презрительно, а после протянул фотографию, где были изображены мы с ним – светлые и улыбчивые, в парке аттракционов два года тому назад. Я присела на диван и осторожно свернула снимок в аккуратную трубочку, а после

склонилась над глянцевой поверхностью журнального стола и втянула в себя короткую дорожку белого порошка, проглотила ее через нашу невинную в прошлом любовь, представленную на фото, а после откинулась на спинку и сдавленно улыбнулась своим мыслям.

Мое сознание больше не чувствовало печали, тоски, любви или угрызений совести. Лишь мимолетная радость до следующего приступа катастрофического одиночества. Сердце не рвалось из груди, а тихо тосковало в темнице выдохшейся оболочки. И я больше не помнила... ни брата, ни отца, ни Донни. Последние слова сорвались с моих губ, и этими словами было тихое, короткое, но бесконечно значимое: «Прости меня, мама».

[Рассвет.ru]

– Сашка, а ну беги на кухню чай пить! – Звонкий голос мамы не вовремя вернул меня на Землю, вынуждая оторваться от прослушивания любимых песен, доносящихся до разума по проводам наушников. Тон был, мягко говоря, диктаторским, что меня жутко раздражало.

– Да иду я! Пять минут...

– Сию же секунду!

– Пять минут, сказала!!!

Как обычно, пришлось выругаться себе под нос. Все равно никто мою брань не слышит. Разве что ленивый рыжий кот, греющий свое толстое пузо на батарее. Домашние коротко величали его Пашкой. Лишь я не могла смириться с этим простецким именем и немного преобразовала его на свой манер: Пабло. Он был единственным моим другом – верным и преданным. Каждый вечер он переступал порог хозяйской комнаты, чтобы в очередной раз забраться поближе к окну, туда, где тепло и светло. Я любила беседовать с ним на умные темы, мол, по какой причине Ренуар в моем понимании проигрывает Дега, а еще чем Ио в компании с Ганимедом превосходят остальные спутники Юпитера. Трогательное «мр-р-р» служило одобрением, пронзительное «мя-я-яу» – несогласием. Порою котяра просто тихо слушал, дремал под мои утомительно-занудные речи, но в то же время никогда не пренебрегал ими, мог повести ухом или дать любой другой сигнал, означающий полное взаимопонимание. Мы вместе делали домашнее задание и изучали искусство. Для душевных разговоров дома было другое место, дикое и неведомое остальным членам семьи. Оно находилось в заточении драгоценного и важного предмета, без которого невозможно обойтись... компьютера.

К Интернету я привыкла быстро. Множество сайтов и форумов приняли юную душу с распростертыми объятиями. Там я набралась и наглости, и дерзости, и уверенности в себе. Пользователи хвалили фотографии, сделанные мною. Это было некое хобби: щелкнула что-то и тут же выложила в Сеть на всеобщее обозрение. Душевная теплота просачивалась сквозь монитор, накрывая прозрачным одеялом, в которое так приятно закутаться с головой. Во Всемирной паутине у меня было по меньшей мере все. Бесконечное общение, красочные смайлики-улыбки, даже бойфренд.

Мы с Уиллом (так юноша просил себя называть) столкнулись совершенно случайно. Он ненароком вышел на меня в системе Skype. Поначалу мы просто весело болтали, связанные через вэб-камеру: я любовалась симпатичным лицом собеседника и темными волосами с длинной неуклюжей челкой. Он стал называть меня своей «малышкой» уже через пару-тройку разговоров. Чувства захлестнули с головой. Эмоций в душе было невиданное множество: страсть и нежность, да что там – целый мир вплеся в полотно моей прекрасной любви! Я искренне надеялась на встречу и жалела о том, что красавец живет за многие километры от моей Москвы – в далеком Владивостоке. Так хотелось подойти, обнять, почувствовать рядом. Вглядеться в ясные очи цвета карамели и просто стать самой счастливой хотя бы на мгновение. Перспективы не было. Либо она была так незначительна, что попросту ускользала от моего взора.

Пока за окном кипела жизнь, я усталая возвращалась домой, бросая набитую книжками сумку в кресло и задвигая шторы. Солнце? Ха, ну для чего оно мне?! Глаза слепит, потом еще несколько минут ничего не видишь. Иногда мне приходилось засиживаться с домашкой до самого утра, чтобы потом вновь брести в ненавистное здание вымотанной и совершенно разбитой. Тогда в окно стучался рассвет, приближающий к началу учебного дня. Поэтому я ненавидела его. Темное полотно, свисающее с карниза, казалось едва ли не единственным спасением. Оно ни разу не пропустило дневной свет, ни разу не позволило солнечным зайчикам упасть в мои ладони, и за это я была ему признательна.

Мама звала меня компьютерной маньячкой. Периодически она заходила в комнату без спросу, на что получала в ответ выброс девичьих гормонов в виде отборной брани. «И откуда она всему этому научилась?» – рассуждала несчастная женщина, вынужденная перестроить себя и заходить в спальню дочери с предварительным стуком. Папе было все равно. Он жил в своем мире, наполненном газетами и телевизором. Заваривал кофе и пялился в экран без толку. По выходным то «Поле чудес» посмотрит, то «Кто хочет стать миллионером?» Видимо, несбыточная мечта. Жалкая работенка не приносила больших доходов, приходилось довольствоваться тем, что есть, и обеспечивать двух голодных женщин, безвылазно сидящих дома. Отец никогда не предъявлял претензий, всегда сохранял спокойствие и проявлял удивительную выдержку даже во время семейных войн и скандалов, возникающих на почве моей безнадежной лени. Я объясняла маме, что в аське ждут, не могу задерживаться, но она с трудом запоминала названия всех этих виртуальных штучек и твердила лишь одно: «Скажи своей Аське, пусть подождет, пока посуду вымоешь!»

В школе дела обстояли совсем туго. Преподаватели не жаловали, считая, что я себе на уме. Товарищи не давали спокойно дожить последний учебный год, вечно обзывая «заснайкой». Все дело в том, что я с ними практически не общалась. Бывает, исключительно по серьезному поводу спрошу что-нибудь, уточню, но душу никогда не изливала, считая это ненужной крайностью. Я жила в Интернете, там было тепло и уютно: никто не приставал, не отвлекал от рассуждений, не пытался украсть и спрятать пенал, в конце концов! Для продуктивной деятельности мозга мне было необходимо уединение со своими мыслями и одиночество, в котором порою так нуждалась. Ненавидела выходить к доске под звонкий хохот. Ненавидела свой дневник и гелевую пасту, от которой руки покрывались синими разводами.

Единственным, кого могла терпеть, был Удальцов. Высокий, худощавый блондин в забавных очках. Он удостоился «великой чести» называться «ботаником» и не вызывал ничего, кроме косых взглядов со стороны одноклассников. Я же его вечно выгораживала. Должно быть, из жалости. Точнее, не знаю, почему делала это. Просто хотелось помочь человеку, вселить в него уверенность, но ничто не помогало – Женька словно замкнулся в себе: зубрил формулы, чертил графики, а на контакт с людьми не шел. Вот я и заботилась о бедняге.

– Пять минут пролетели, как одна. Каторга подоспела.

Какой бы упрямой ни была, ответственности и пунктуальности это не отбавляло. Оторвав свою пятую точку от стула, я схватила Пабло на руки и направилась в сторону кухни, зайдя туда с равнодушной миной и тихо прошептав:

– Ну и где ваш обещанный чай, маман?

– Александра! Зачем кота тащишь?! Мы здесь едим, вообще-то! Немедленно неси обратно, зараза какая! – бранилась хозяйка.

– Кот этот почище будет, чем ваша речь, полная негодования. – Я демонстративно поцеловала животное в кончик носа и поставила на пол, позволив брести к привычной батарее.

– Вот вредная ведь, и все тебя уму-разуму не научишь. Давай мой руки и марш к столу. Петр, скажи ей! – Мать бросила свирепый взгляд на отца, тот лишь вздернул брови, уткнувшись в сводки еженедельной прессы.

– Да-да, Саша... Чай стынет... – коротко пробубнил папа.

– Сговорились, что ли?! Ай, ну вас!.. – Я покинула помещение, а вскоре вернулась с чистыми руками и вымученной улыбкой. – Довольна?

– Не дерзи! – отрезала женщина, благодаря которой я появилась на свет.

– Не дерзю...

Вскоре чай был благополучно выпит, а плюшки съедены все до одной. Родители удивились внезапно проснувшемуся во мне аппетиту:

– Сань, а Сань... Чего такая голодная? – Мама расплылась в улыбке.

– Не знаю. Голодная, и все тут.

– Влюбилась, что ль?

– С чего взяла?

– Я в молодости, когда с твоим папкой познакомилась и на свиданки бегала, помирала с голоду. Видимо, в нашем роду по женской линии так любовь отзывается.

– Ну да... – гордо вздернув нос и вставая из-за стола, ответила я. – Влюбилась. И что с того? Все равно голод не от этого. Мы слишком разные, мама. Тебе меня не понять.

С этими словами я удалилась, оставив родителей в компании друг друга, но, еще не дойдя до комнаты, услышала в спину суматошный возглас:

– Ой, Саня, я и забыла совсем! Тебе опять письмо прислали, уже пятое по счету. Сейчас принесу. – Родительница промчалась мимо меня подобно торнадо.

– Не стоит. Все равно читать не буду. Что мне, своих поклонников не хватает?

– Да где ж у тебя поклонники-то?! – Мама, она же Настасья Павловна, подбежала ко мне с белоснежным конвертом в руках. – Вот, написано, как и в прошлый раз: «УЖЕ». Что сие значит? Может, поймешь? Ты же современная, компьютерный язык знаешь. Как молодежь общается? Это сленг такой?

– Сленг, сленг... Я спать, завтра занятия раньше начинаются.

Оставив недоумевающую женщину посреди прихожей с письмом в руках, ее дочь скрылась за дверьми своей комнаты, сняла новые сообщения в асе и на любимых сайтах, после чего потрепала за ухом Пабло и тихо прошептала: «Право и философию будем изучать завтра, мой друг».

Прошло семь месяцев, трудовой год приближался к концу. С учебной проблем не возникало, экзамены меня мало волновали. К ним была готова на все сто – хоть посреди ночи разбуди и посади за какую-нибудь мудреную задачку. Однажды я решила прогуляться, вдохнуть полной грудью аромат весны, который так давно не пробовала за время Интер-мании, непрерывной тяги к компьютеру. Что-то тянуло меня пройтись вдоль по незнакомой улочке, вечер манил слиться с ним в беззвучном танце, тонкая материя клетчатого пальто пропускала через себя прохладный ветер, овевающий стройные ноги. Я чувствовала единение с природой, пока на моем пути не появился парень из параллельного класса.

– Сашка?! Какая радость видеть тебя здесь! – Знакомый набросился с объятиями.

– Денис, постой. Чего такой веселый? – Я поежилась от перегара.

– Ну а че? Другу двадцать лет – разве не повод? – Едкая ухмылка коснулась довольной физиономии парня.

– Повод-повод. А вообще я гуляла, отдыхала, так что не мешай.

– От чего отдыхала-то?

– От всего. И от тебя хочу отдохнуть, без обид.

Я продолжила путь по улице, Дениска же преданно следовал за мной.

– Да какие обиды, Сашуля?! Но я правда так тебе рад! И приятель мой был бы очень, ну просто о-о-очень рад!

– Тот, у которого юбилей?

– Ага. – Возникла пауза длиною в несколько секунд. – Кстати, вот и он.

Внимание мое привлек темный силуэт в дутом пуховике, приближающийся с каждой секундой все ближе и ближе. В руке молодого человека виднелась бутылка. Черт знает, что в ней было. Я спрашивать не стала, а только тихо попятилась назад, боясь вляпаться в какую-нибудь историю:

– Ладно, пойду отсюда. Наверняка мама к ужину заждалась.

– Ты куда? Мы же только встретились! Ща Леха подойдет...

– Прости, но я тороплюсь. В другой раз как-нибудь.

Как только я тронулась с места, почувствовала, что рука Дениса больно ухватила за сгиб локтя и потянула на себя. Противный запах алкоголя вновь обдал мое лицо:

– Ты че сегодня такая несговорчивая? Да и всегда – странная, нелюдимая. Ни разу не подошла, не сказала доброго словечка. Я ведь и обидеться могу, слезки крокодилки стану лить. А ты и не вспомнишь. Пафосная, да? При всем невинную овечку из себя строишь? Мы с Лешей добрые, не обидим. Только не беги, а не то...

Я хотела было завопить, завопить изо всех сил так, чтобы все окрестные дома очнулись от последствий зимней спячки и кто-нибудь пришел на помощь, но страх пересиливал здравый смысл. В тот момент я чувствовала себя совершенно беспомощной, одинокой в пустынном переулке наедине с двумя мерзавцами. Высокая фигура подошла вплотную. Губы то и дело прикладывались к стеклянному горлышку. Я выжидала момент, чтобы из последних сил ринуться прочь, бежать, лететь подальше – хоть в рай, хоть в ад, лишь бы не оставаться здесь и сейчас! Сердце замерло. Помню, как считала его последние удары перед рывком отчаяния. Тук-тук... тук-тук...

Толкнув мучителя, я бросилась бежать, но путь перегородил Алексей, что было вполне ожидаемо. Грубые ладони схватили меня за плечи и вернули назад. Фактически упав в объятия Дениса – такие холодные и чужие, я трепыхалась и билась до последнего, до того момента, когда получила первый удар, за которым немедля последовал другой. Рухнув на землю, я ощутила под пальцами влажный асфальт, с которого уже сошел талый снег. Губа была разбита, холод окутывал тело. Я боялась потерять сознание, но и оставаться в здравом уме не желала. Душа болела, сердце обливалось кровью тысячи и тысячи раз подряд. Веки слипались, сквозь них я могла видеть лишь свет фонарей с другого конца улочки. Оттуда, откуда пришло мое спасение.

Очнувшись я у себя дома, в теплой постели. Правый глаз неприятно ныл, должно быть, под ним красовался огромный фингал. Рядом находилась семья. Отец держался за голову, на глазах матери выступили слезы. Когда родные поняли, что непутевая дочь пришла в себя, то разом встрепенулись и обратили взгляды в мою сторону:

– Саша! – Воскликнула маман.

– Ну да... а собственно... что стряслось? – простонала я в ответ.

– И ты еще смеешь спрашивать, что стряслось?! – Отец вскочил и сорвал овальное зеркало со стены. Никогда раньше не видела его таким. Голос был резким и пронзительным. Вскоре папа вынудил меня столкнуться со своим помятым отражением. – Посмотри на себя! Да знаешь... знаешь, что эти подонки могли сделать?! Думаешь головой или нет?! Черт тебя дернул гулять в такой час, сидела бы лучше в своем Интернете-шминтернете до посинения! Не расстраивай мать! И меня! Ясно говорю?!

– Ясно, ясно...

– Это все?!

– Мне нечего больше сказать.

Родитель избавился от зеркала, поднял растерянную маму со стула и повел к выходу. У самых дверей я окликнула его:

– Прости.

– Завтра... – Глава семейства замолк на мгновение. – Завтра в школу идешь, как обычно. С теми ублюдками сам разберусь.

– Постой, откуда ты знаешь, кто на меня напал?!

– Ласточка на крылышках донесла. Точнее орел, герой! Спи давай, тебе силы восстановить нужно.

Родные захлопнули двери, я же осталась в компании Пабло, который прижался к ноющему боку и уткнулся влажным носом в пододеяльник.

Поздно ночью я все-таки нашла в себе силы подняться с кровати и сесть за компьютер. Открыла аську, надеясь, что меня там кто-то ждет. Новых сообщений не обнаружила. Даже странно. Никто ведь не знает, что произошло. Жаловаться и ныть не хотелось, любимыми другими способами излить свою печаль – тоже. Никому до меня не было дела. Ни одному из друзей. Многие находились онлайн, но не удосужились начиркать хоть строчку, даже увидев меня в Сети. Тогда я решила проведать Уилла и постучалась к нему в Skype. Тот не сразу ответил на звонок и был взволнован. Сказал, что не может долго разговаривать, спросил, как дела. Я ответила, что паршиво, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Внезапно из коридора моего бойфренда донеслось тоненькое и противное «иди же скорей сюда, где ты там застрял?», после чего я услышала от юноши многозначительное «упс» и, недолго думая, прервала разговор.

С этого момента что-то щелкнуло внутри меня, перевернулось. Любовь к виртуальной жизни сошла на нет, я стала относиться к ней настороженно и скептически. «Каждый житель планеты может связаться с другим, но толку-то от этого, если у многих людей помимо сетевой есть реальная жизнь. Жизнь, которой я себя все это время добровольно лишала. Где искренность? Ведь эта чудо-прогулка до мерзкого инцидента казалась мне сказочной! Воздух был так чист и свеж. Хочу еще, хочу всего с большой буквы!» – с этими словами я решительно вырвала шнур из розетки.

В школе предстоял обычный день. Никто не спрашивал про синяк, ребята снова дразнились как маленькие. Опаздывая на урок, я спешила по коридору прямиком из столовой и нечаянно столкнулась с рослым юношей на углу, обронив учебники, до этого бережно прижатые к груди. Молодой человек помог мне их собрать. Когда мы встретились взглядами, удивлению моему не было предела: симпатичное лицо, волосы цвета спелой пшеницы и ярко-зеленые глаза. Кажется, я его знаю... так кажется или нет?!

– Прости, что толкнул. Такой растяпа. Сейчас все соберу... – Юноша утрамбовывал книги в мою сумку.

– Жень... где твои очки? – В моем голосе прозвучали нотки удивления.

– Ах очки. Не думал, что кто-то заметит. – Губы тронула теплая улыбка. – Я теперь эти... ну как их... линзы ношу. Школа кончается, образ «ботаника» пора сменить.

– Альтернатива впечатляющая, мягко говоря. Женька, ты такой славный!

– Из-за меня ты все рассыпала, а теперь еще и нахваливаешь. – Выпрямившись, друг протянул мне ношу. – Ну как? Оправилась после происшествия? – Длинные пальцы робко коснулись моей разбитой губы.

– Ведь так и знала...

– Что знала?

– Что ты меня спас, – смущенно прошептала я.

– Да, спас. Хотя...

– Что такое?

– Ничего. Приятно было пообщаться. – Наш герой тронулся с места. Меня такая резкая смена настроения задела, так что я напрочь забыла о начинающемся уроке и последовала за одноклассником.

– Скажи, чем я обидела? Прошу, не молчи!

Товарищ не откликнулся до тех пор, пока я не стукнула его первым попавшимся учебником. Парень облокотился о стену и обнял ладонями ушибленную голову.

– Женька! Женечка, я ведь не собиралась так сильно! Прости, пожалуйста, но ты ведь не слушаешь, а я хочу и имею право знать, чем огорчила своего защитника!

– Письма... – В воздухе повисла минутная пауза.

– Что?..

– Все... мои... письма! Я слал тебе их на протяжении нескольких недель, но ответ так и не приходил. А ты делаешь вид, будто бы ничего не произошло. Правильно тебя в классе зазнайкой называют! Никакого уважения к людям, все держишь в себе. Помогала мне за чем-то, защищала от нападок сверстников, словно я сам с ними не справлюсь! Ты ведь меня совсем не знаешь. И себя не знаешь настоящую.

– Я правда не догадывалась, кто автор посланий...

– А надпись на конвертах? Ее ты видела?! УЖЕ – каждая дворовая собака знает, что надо мной смеялись из-за такого глупого сочетания инициалов! Удальцов Женя, разве не понятно?!

После этих слов я прислонила палец к его губам, заставив замолчать и сменить гнев на милость. Тайный поклонник... надо же. Да ко всему прочему мужественный, смелый. О чем еще можно мечтать? Сейчас он казался таким светлым, таким родным и близким, расстроенным, но в то же время влюбленным в меня – слепую, не видящую ничего из-за своей искусственной реальности! Ответом на его откровенность стало беззвучное соприкосновение наших губ. В награду к пропущенному уроку оба получили замечания.

Весь день мы гуляли вместе и радовались, как дети. Счастье, которого так ждала, наконец, заполнило жизнь до краев. Я приняла трепетную заботу родителей, осознав, что была перед ними виновата. Все встало на свои места. Тех мерзавцев больше в школе не видела. Недаром мой папа в армии служил. Мы с Евгением любили подолгу засиживаться в зеленых скверах и кафе, фотографировали удивительные мелочи, живописные виды, но вовсе не для того, чтобы разместить очередной удачный кадр в Интернете. Снимали мы на старую добрую мыльницу, проявляя все пленки для совместного фотоальбома.

Я видела любимого, чувствовала. Мне не нужен был Skype для общения с ним, не нужны были вэбка и аська. Вполне хватало мобильного и трогательных SMS, что отправляли друг другу холодными зимними вечерами уже после окончания школы. Аттестаты оба получили с отличием, одноклассники злорадствовали и кидали в нашу сторону колкие взгляды, а в душе завидовали тем, над кем прежде смеялись.

Однажды, когда мы сходили с эскалатора, нам навстречу из вагона метро вышла комичная пара ребят: низенький, жутко сутулый брюнет с ниспадающей челкой и его подружка на высоченных каблуках, обгоняющая приятеля по росту едва ли не на две головы. Паренек вздрогнул, пытаясь разглядеть во мне кого-то знакомого, а затем окликнул по имени. В тот момент двери подземного поезда закрылись. Женя спросил меня, кто это был. Я же ответила, что впервые его вижу.

Вечером того же дня зеленоглазый юноша простился со мной у дверей квартиры. Домашние были рады удостовериться в том, что я цела и невредима после очередной прогулки. Впрочем, они удостоверились в этом уже не один десяток раз и были горды тем, что дочь повстречала на своем пути такого чудесного друга. Затем я наелась до отвала и попрощалась с родителями, ласково обняв обоих перед сном, а после закрывшись в своей комнате. Слышала лишь папин шепот: «Видишь, Настя, какая обжора! Все-таки вы с ней очень похожи. Девочка влюбилась».

В тот вечер я не могла уснуть. Ворочалась в своей постели и прокручивала в голове события уходящих лет. Не выдержав натиска мыслей, я села за письменный стол и увековечила этот рассказ на страницах школьной тетрадки. Уже утром подошла к спящему коту, бесцеремонно растормошила его, поцеловала в кончик носа и усадила на подоконник, распахнув при этом темные шторы. Никогда ранее не видела подобной красоты. Или просто не хотела ее видеть? Солнечные лучи скользнули по моим ресницам и губам, легкий румянец засиял на щеках, а сердце наполнилось теплом и любовью. Я такая глупая, но в то же время не безнадежная, что радуется и вселяет надежду на светлое будущее.

– Этим мрачным тряпкам здесь больше не место, Пашка! – сказала я, срывая ткань с карниза и бросая на пол.

Толстый, ленивый кот окинул меня недвусмысленным взглядом и произнес самое долгожданное «мр-р-р» за всю историю нашей дружбы. Больше мы не философствовали, не зубрили уроки. Общались только по душам: он выслушивал романтические рассказы про нас с Женей и тихо посапывал у меня на руках.

Внезапно желание включить компьютер стало невероятно сильным. На экране вновь появились знакомые символы и значки. Очутившись во Всемирной паутине, я удалила оттуда свои данные, все то, что хоть как-то могло задержать, а после оставила прощальное сообщение бывшим друзьям:

«Каждому из вас стоило бы взглянуть на себя другими глазами, постараться почувствовать тех, кто вокруг, а после преодолеть разделяющее вас расстояние для реальной встречи. Напишите жизнь с чистого листа, поселите на ее просторах понимание и комфорт. Свейте уютное гнездышко, где вы всегда будете жизнерадостны, улыбчивы и полны сил.

Я придумала симпатичное название для сайта – рассвет.ru, ведь сегодня утреннее солнце открыло для меня целый мир, наполненный многообразием красок. Я не намерена его лишаться. Суть этого адреса не найти в недрах оперативной памяти и на жестком диске. Он не значится в Интернете и живет лишь в моей душе. Это самое главное. А теперь удачи и не поминайте лихом!

Отныне не ваша, но счастливая... Саша».

[Привкус славы]

Я стояла в свете софитов и ритмично ударяла тонкими пальцами по клавишам синтезатора. Долгожданная слава была в моих руках. Признание и успех уже давно топтались на пороге моего дома. Я не спешила их впускать, надеясь оттянуть сладостный момент ожидания, но сердце чувствовало, что бежать отныне некуда, и я, однажды попав под прицел фото и видеокамер, навсегда стану их пленницей. Поначалу хотелось получить все и сразу на блюде с голубой каемочкой, но вскоре тот успех, что заключил меня в свои цепкие объятия, перестал дурманить и лишился интриги.

Казалось бы, что еще для счастья нужно? Но нет же – моя цель была выполнена: я добилась того, о чем мечтала, а после потеряла интерес к происходящему. Скучно и однообразно. Каждый день похож на предыдущий: просторный тур-автобус, до боли знакомые улыбчивые лица, поклонники и рука, уставшая от раздачи бесчисленных автографов. Я приняла решение сделать перерыв, уйти. Возможно, на время, возможно, и навсегда. Мне не хотелось думать об этом. Казалось, так легко сделать шаг назад, чтобы потом вновь испытать любовь поклонников, пережить сказку о Золушке с самого начала. Я поняла, что нужно в кратчайшие сроки бросить все к чертям. Но одно не давало мне покоя: как к этой безумной идее отнесется группа?

Лем, Алекс, Ри и Норман были самыми близкими мне людьми. Смелый барабанщик, чертовски уверенный в себе гитарист, застенчивый юноша на басах и дерзкий певец, вызывающий неподдельное восхищение с моей стороны. Последние двое не скрывали свою ориентацию, которая выбивалась из привычных стандартов. Они так мило флиртовали друг с другом на сцене, так заигрывали: нежные касания, томные взгляды... Боже! Каждый раз я судорожно сглатывала слюну и закрывала глаза, рисуя в своем воображении откровенные сцены с их участием.

Высокий темноволосый красавец Норман, его жесты, мимика, излучаемая сексуальная энергия, и робкий худощавый мальчишка Ри с длинной светлой челкой, ниспадающей на лицо и игриво прикрывающей один глаз. Они так гармонично дополняли друг друга: лед и пламень, день и ночь, кофе со сливками, в конце концов. Мне нравилось наблюдать за этой славной парочкой и за кулисами, в гримерке, где они весело щебетали о

прошедшем концерте, сияя очаровательными улыбками. Иногда мне так хотелось подойти ближе, присесть рядом, ненавязчиво спросить о чем-нибудь, но смелости вечно не хватало, ведь в их коллективе я была самой что ни на есть новенькой, все еще чужой.

Не прошло и месяца, как мы отправились с туром по Северной Америке. Контракт подписан, деваться некуда, меня практически все устраивает, но так тянет вернуться к истокам, навестить родителей, увидеть их счастливые лица. «Нет, я так не могу. Не нахожу себе места. Даже сейчас, как всегда занимаясь любимым делом, не смею совладать с паникой. Хочется спрыгнуть со сцены и бежать через толпы разгоряченных тел к выходу, а потом поймать такси и умчаться прочь – туда, где от бешеного стука сердца не останется и следа. А все потому, что я... влюбилась? В кого?! Не смешите меня, это наивно. Какая глупость, я не могу любить двоих! Таких разных, таких особенных, таких родных. Мерзавцы, что вы творите со мной? Зачем снова смущаете, волнуете и будоражите воображение?!»

Как только эта мысль пронеслась в моем разуме, пальцы внезапно соскочили с нужной клавиши и ударили по соседней. Противный звук вырвался из недр синтезатора. Лем и Алекс, не отрываясь от игры на музыкальных инструментах, удивленно переглянулись, прежде чем оценить меня недоумевающими взглядами. Лишь две другие звездочки были слишком увлечены собственным шоу. Я постаралась собраться с мыслями, снова поймать необходимую мелодию, но руки не слушались, а ладони дрожали. Еще несколько аккордов – и вот уже Ри смотрит на меня своими дивными глазами. «Да что же я творю?! Не могу играть, страх прохладным ветерком промчался по коже. Подвожу людей, срываю выступление, просто...» Через мгновение я отстранилась от синтезатора и со слезами на глазах выбежала за кулисы.

Расталкивая всех встреченных на пути, я бежала в гримерную комнату, чтобы спрятаться там от своего оглушительного позора. Размазывая черную тушь по щекам, смешивая ее со слезами, я давилась собственной горькой обидой. Вскоре двери за моей спиной захлопнулись. Я камнем рухнула на софу и обхватила голову руками. Соленые капли больше не струились из глаз: «Просто нужно отдохнуть и прийти в себя. Все пройдет». Я не двигалась с места несколько минут, затем схватила бутылку крепкого виски со стола, стеклянная поверхность которого мерцала в тусклом свете лампы сотнями лучезарных огоньков, и сделала несколько глотков. Еще немного, и тепло с током крови распространилось по телу. Так хорошо. Лишь бы никто не нарушил мой покой.

Спустя четверть часа дверь едва заметно заскрипела. Деревянные половицы простонали с ней в унисон. Кто-то зашел в помещение, я же по-прежнему сидела на софе, поджав под себя ноги и сжимая в ладонях опустошенный сосуд. Внезапно любопытство пересилило усталость, я нехотя подняла глаза: у двери стоял Ри, облокотившийся о косяк. Рядом со мной находился никто иной, как Норман, бережно выудивший стеклянный предмет из моих рук:

– Смотри-ка, а она не промах! – Лукавая улыбка тронула его губы.

– «Спасибо» ей за сорванное выступление. Хорошо, что концерт уже подходил к концу. – Невысокий блондин достал именную зажигалку и пачку сигарет из кармана джинсов, а затем неспешно закурил. – Пусть теперь успокаивает взволнованных зрителей. Половина из них разбрелась по своим домам сразу, как только наша славная девочка слиняла со сцены.

– Не злись на нее. Ты ведь не знаешь, почему она это сделала. – Норман ласково провел ладонью по моим волосам. – Кстати, милая, почему?

– Это сложно объяснить... я не в состоянии. Думать ни о чем не хочется, – тихо вымолвила виновница происшествия. – Доставайте своими вопросами кого-нибудь другого.

– Ну уж нет, детка, ты виновна в случившемся, ты и будешь за все отвечать. – Алые губы Ри разомкнулись и выпустили белоснежный дым, кольцами расплывшийся по воздуху.

- Иди к черту, я тут ни при чем. Ты виновен. И твой друг. Вы оба...
– Интересно, – ребята переглянулись, – что же мы такого сделали?
– Родились на свет когда-то давно... – Я медленно поднялась с диванчика и направилась к выходу, но бас-гитарист даже не думал двигаться с места, перегородив все возможные пути к отступлению.
– В чем дело? Я хочу выйти отсюда...
– Тсс... постой. Не держи зла, просто в нашем мире принято платить по счетам. И ты не исключение. Наломала дров, так будь добра – извинись и ответь за содеянное. – Молодой человек затушил горящую сигарету о гладкую стену.
– Отстань от меня, прошу... – Я сделала шаг вперед, но тело юноши решительно двинулось навстречу, соприкоснувшись с моим.
– Дорогая, ты не на тех напала, – слышался шепот у меня за спиной.

В этот миг смутные сомнения переполнили мою душу. Я почувствовала неладное, подобно раненой жертве, угодившей в расставленные опытными охотниками сети и из последних сил бьющейся за свободу. Чьи-то теплые ладони крепко обхватили мою талию, в мгновение ока я оказалась зажатой между двух музыкантов. Сердце в груди забилось страстно и трепетно. Ноги стали ватными, подкосились, сами того не желая. Я мечтала о близости тех мужчин, что не обращали на меня ни малейшего внимания, и вот – чудо наконец свершилось. Но ситуация выходит из-под контроля, не стоило мне столько пить, голова кружится, вот-вот рухну на пол. Руки, обнявшие меня со спины, прижали миниатюрную женскую фигурку к горячему телу их обладателя.

Через тонкую ткань юбки я чувствовала его тепло, сосредоточение мужской силы, касающееся моих ягодиц. Бабочки беспечно порхали внизу живота, дрожь сладостно расплывалась по коже. Ри приблизился ко мне вплотную и провел ладонью по нежной щеке, затем осторожно коснулся кончиком большого пальца нижней губы, слегка оттянул ее и мгновенно отпустил, я же в ответ клацнула зубами в паре миллиметров от его ладони, на что он отдернул ее и трогательно улыбнулся, шепча: «А ведь она с характером».

Вскоре его шаловливые пальцы схватили края моей блузки и резко развели их в стороны, на что ткань звучно треснула и разошлась, обнажив грудь, скрытую под материей бюстгалтера. Ладонь Нормана сжала мою шею и запрокинула голову назад, я же заметила краем глаза, как он заглядывает мне через плечо в попытке рассмотреть прелести женской фигуры.

Ри склонил голову, сладко коснувшись повлажневшими губами подбородка, изгиба моей шеи, двигаясь все ниже и ниже и вскоре столкнувшись с мешающей кружевной преградой сливового цвета. Он тяжело вздохнул и бросил взгляд в сторону друга, который повел плечами, после чего развернул меня лицом к себе. В считанные секунды я была подхвачена на руки и решительно усажена на трюмо, с которого секундой раньше были сметены все косметические принадлежности. Я интуитивно обхватила певца ногами, притянула к себе и коснулась его мягких губ, фактически изнемогая от умопомрачительного желания. Красавец сбросил с плеч свою рубашку, Ри это заметил и приблизился к нему, проведя по коже страстного брюнета влажным языком – от широкой спины до мочки уха.

Мы втроем жаждали объятий друг друга, мечтали ощутить жар самых чувственных касаний, интимных, сокровенных поцелуев. Терпеть не было сил: первой затрещала молния на джинсах Норма. Он резко придвинул меня к краю стола и плавно слился со мной в единое целое – живое и трепещущее. Каждый толчок распался на меня с новой силой, каждое ритмичное движение бедер, каждый звонкий стон любовника. Ри же с любопытством наблюдал за картиной сияющими радостью глазами. Через нашу с Норманом тесную связь я впитывала в себя его жизненную энергию и уверенность в себе. Вскоре все его влечение, все желание выплеснулось наружу в виде тепла, распространившегося внутри меня обжигающей негой.

Мы завершили нашу гонку и пришли к финишу практически одновременно. Я пробовала его губы: сладкие, нежные, податливые – чувствовала привкус славы, вдыхала аромат закулисной похоти. Вскоре Норман сделал шаг назад и позволил мне изящно спрыгнуть с трюмо. Я подошла к Ри вплотную и коротко провела по его губам кончиком языка. Мы неторопливо слились в жарком поцелуе, углубляя его с каждой секундой. Я целовала его щеки, скулы, глаза, скользила губами к груди, распахивая матерчатые створки рубашки. Вкусные поцелуи падали на его грудь и плоский торс, рассыпаясь по телу все ниже и ниже.

Минуты не прошло, как я дотронулась едва приоткрытыми губами до жаждущей моих прикосновений мужской сущности. Басист обнимал мою голову ладонью, путался пальцами в волосах, закрыв глаза и позволяя томным вздохам вырываться из своей груди. Когда он подошел к пику возбуждения, осознание того, что это самый волнующий момент за всю мою жизнь, переполнило неиспорченный разум. Вскоре я ощутила дурманящий вкус мужчины на своих губах. Когда я поднялась с колен, Ри улыбнулся, бросив довольный взгляд на брюнета. Тот ответил ему забавной ухмылкой, а я закрыла глаза, прокручивая в своей голове события уходящего вечера.

Внезапно я разомкнула ресницы. Вокруг стояли шум и гам, звучала знакомая музыка. Моему взору предстал любимый синтезатор. На просторной сцене были все участники группы, Лем и Алекс удивленно смотрели на меня. Я усмехнулась и принялась наигрывать знакомые аккорды. Вот что значит фантазировать на работе. Могла же и выступление сорвать! Норман продолжил сногшибательно исполнять очередной хит, а Ри, как обычно, играл на басах, бесцеремонно флиртуя с коллегой. Мы снова были рядом: с одной стороны, так близко, а с другой – ужасно далеко. И дело не в разделяющем нас пространстве, не в метрах сцены, а в том, что слишком разные люди не могли сплести свои жизненные пути – это не привело бы ни к чему хорошему. Пусть любимые дарят внимание друг другу, а я продолжу мечтать, но лишь тогда, когда концерт подойдет к концу, чтобы в очередной раз почувствовать фантазийный привкус славы на своих губах.

[Читай по губам]

– Сабрина, ты ведь прекрасная ученица – послушная и усидчивая. Мы оба это знаем. Никогда не боялась работать над собой, стремилась к совершенству, была подобна глине, меняющей очертания под натиском моих рук. И я дарил тебе знания, стараясь превратить некогда грязную уличную девчонку в женщину мечты. Сейчас ты такова, я имею все основания гордиться. Стать и благородная порода заложены в тебя с молоком матери. Я не раз убеждался – зря скрывала ты их от окружающих, пряча за внешней грубостью. Не жалею о том, что подарил тебе второе дыхание. В ответ же не прошу ничего, кроме уединения. Да, ты не ослышалась: после проделанной работы я хочу остаться в полном одиночестве, остро ощущая необходимость восстановить силы, собраться с мыслями. Поверь, мужчины не из стали. Они тоже проявляют чувствительность и оказываются ранимыми, порою неожиданно для самих себя. Я должен сказать тебе спасибо, но не могу сделать это сейчас. Трудно подобрать слова благодарности. Обычно такого со мной не бывает. Прошлые леди сами кланялись в ноги, но ты... ты ведь другая, правда? Чересчур серьезная, повзрослевшая слишком рано, лишенная всяческой детскости. Поэтому наша история иная, сценарий дал сбой. И сейчас я растерян, как мальчишка. Желание что-либо изменить болезненно отзывается в сердце. Разум, напротив, утверждает: перемены – не в этот раз. Терять независимость, ломаться и корректировать манеру поведения слишком тяжело. Завтра меня здесь уже не будет. Прости. И не звони больше, лишь вспоминай. Я это почувствую. А судьба... разве это про нас? Если так, то она встретит меня знаком, вынуждающим повернуть назад и признать свою неправоту. Adieu, mademoiselle. Adieu, mon ange.

Мужчина бросил телефонную трубку. До этого я вслушивалась в его холодную речь, внимала словам, упивалась родным голосом, отчего-то трогательно дрожащим, будто извечный скептик и суровый прагматик может превратиться в того, кем мечтала видеть его со дня знакомства. Наша связь была слишком тесна, тонка, пламенна. Боль пожирала мое эго, травила его желчным ядом обиды. Я была огорчена, взволнованна, рассержена, но не могла разочароваться – мысли такой не допускала. Не могла презирать, даже понимая, что долгие отношения были всего лишь привычным хобби для человека, пытающегося сделать окружающих лучше, имеющего губительную склонность идеализировать мир и находить прекрасное даже там, где его попросту не может быть. Сколько еще женщин побывает в его объятиях? Скольких он очарует своим шармом? Скольких соблазнит и скольких изменит, прежде чем найдет свою единственную? Увлекающаяся натура? Нет, это не про Гордона. Кажется, я бы тоже смогла открыть запутавшегося человека с другой стороны одним лишь жестом доброй воли, останься он хоть на день дольше в Сан-Франциско! Не знаю, что чувствую. Но чувствую, от этого никуда не деться.

Тоскливые мысли обуревали разум. Я долго не могла выпустить телефонную трубку из рук, словно на ней было запечатлено последнее дыхание того, кого так боялась потерять. Я вновь и вновь подносила ее к уху, сжимала ладонями, вслушивалась в гудки и не могла поверить в то, что теперь совершенно одинока в целом мире. Распахнутые настежь окна впускали в дом жестокую осень – ее аромат, энергию, импульсивность, скрытую в ледяном ветре, проникающем под одежду и побуждающем ностальгировать. Поднявшись с постели и стиснув зубы до скрежета, я набралась сил выдернуть телефонный кабель. Теперь мы по разные стороны нежности, дух обидчика больше не просочится в мою темницу.

Оказавшись в ванной комнате, я скинула с себя тяжелые одежды. Кожа искренне обрадовалась лучам света, пусть искусственного, но от этого не менее ласкового. Каждый миллиметр, обделенный любовью, противно ныл при воспоминании о Гордоне. Только он понимал язык моего тела и умел с ним обращаться, словно оно – ваза из благородного хрусталя. Только он считал способности недооцененными, а красоту – мощнейшим оружием, от которого нет спасения. Столько лестных слов было брошено в мой адрес. Кто знал в ту пору, что для самовлюбленного циника они не стоят и гроша?

Горячая вода из душа приняла меня как родную, убаюкивая и настраивая на волну расслабления. Тонкие струйки впивались в кожу то ласково, то дерзко, дразня и играя, как в прошлом делал это незнакомец, подобравший меня в Бэй-Вью-Хантерс – самом диком квартале, славившемся нищетой и преступностью. Пока капли ублажали тело, я рисовала в своем воображении картины, напрямую связанные с прошлым столь сладостным и столь прекрасным, что его невозможно вычеркнуть из биографии, разве что вырвать вместе с плотью, кровью – всем, чем приросла к минувшему году.

Облик того дня до сих пор стоит перед глазами: знойное лето, невыносимая жара, столб пыли, оседающей на ресницах. Местный парк, выжженный солнцем и напоминающий пустошь, огражденную символической решеткой. Ни души вокруг, слишком тихо и слишком спокойно – только редкие путники, нарушающие пустынное умиротворение. Бесконечные линии проводов над головой, потертые дорожные знаки, тяжелый смог и мои кеды, заношенные до дыр. Никого не волновало, во что одета сирота и оборванка, вечно снующая по знакомым улочкам. Колени разбиты, невзрачные каштановые волосы разметались по плечам, щеки измазаны, а в зубах зажата последняя сигарета. Покинутая Богом девушка прогуливалась около полудня, разрабатывая план на день. Думала, где бы достать еду и курево. В кармане на тот момент завалились две скомканные купюры и десять центов.

В один прекрасный момент я заметила на горизонте машину, по-видимому, совершенно новую. Главным критерием новизны для меня был ее глянцевый блеск, лишенный мутных разводов и потеков, как у многих виденных ранее. Серебристый

автомобиль с каждым мгновением приближался и вскоре остановился подле меня. За рулем сидел мужчина лет тридцати. Во внешности не было ничего особенного: губы, застывшие в наивной полуулыбке, прищуренные карие глаза, волосы цвета спелого каштана, почти черные, и вздернутые брови, благодаря которым лоб покрывался рядом глубоких морщин. Единственное, что меня поразило, – взгляд тех самых глаз. Умный, пронзительный, изучающий. Стекло опустилось, незнакомец высунулся в окошко и произнес первое слово:

– Гуляешь?

– Да, гуляю. Тебе-то что? – резко огрызнулась я, стараясь не проявлять ни малейшего интереса и глядя на водителя исподлобья.

– Да ничего. Увидел одинокую девушку и решил задать ей глупый вопрос. Прости.

– Нечего извиняться. Меня ничто уже не удивит, – пробубнила в ответ я, ковыряя носком кроссовка сухую землю и опустив глаза. – Не местный?

– Нет. Живу за городом. – Легкая ухмылка появилась на губах собеседника.

– У тебя есть свой дом?

– Да, есть.

– Супруга, дети?

– Я разведен. Женился в Лас-Вегасе на пьяную голову. Опомниться не успел, как уже спал в чужой постели. Девчонке хотелось самостоятельности, попасть в семью и побороть комплекс маменькиной дочки. Споила меня и схапала живьем. Еле избавился! – Мужчина рассказывал обо всем с огромным энтузиазмом, располагая тем самым к себе и заставляя улыбаться в ответ. – А потом бежал из города. Сменил не одно место жительства. Сейчас здесь. Пока мне все нравится.

– Как же тебя занесло в этот район? – поинтересовалась я.

– Не знаю... просто ехал куда глаза глядят. А ты почему здесь?

– Потому что тут каждая мелочь близка сердцу. Тут моя семья, учеба, свобода, в конце концов! – Пришлось приврать, дабы не упасть в грязь лицом.

– Ты ведь лукавишь сейчас. Должно быть, свобода занимает главенствующее место в этом списке? – Глаза его сузились до предела, колкий взгляд резал без ножа.

– А не все ли равно? Ты богатый, вот и поезжай к себе в особняк! Устраивай вечеринки и созывай подружек, у которых, кроме косметики и блестящих шмоток, ничего нет! Проводи дни без толку, попивай коктейли через трубочку, а мне и так хорошо!

Странник покачал головой, а после поднял стекло. Я огорчилась не столько тому, что обидела человека: мне было жалко слов, оставленных без ответа. В ярости стукнув по крыше кулаком и схватившись за ушибленную руку, я тут же дождалась ответной реакции. Дверца распахнулась.

– Эй, тише! Не срывай злость на любимом мною куске металла. Вот, держи... – Мужчина протянул аккуратно сложенные зеленые бумажки. – Хватит на то, чтобы купить себе еды, а после перебраться в другой квартал и снять где-нибудь комнату. Я отыщу тебя и помогу по мере возможностей.

– Сколько здесь? – спросила я, взяв деньги и перебирая купюры. – Черт побери, да ты псих!..

– Отчасти все мы психи. Возьмешь или нет? У тебя тридцать секунд на раздумье.

– Я... не могу! И не хочу! Признайся, ты маньяк? Купить меня собрался, а потом найти и выпотрошить?! Слышала о таких. Отказываюсь! Забери свои подачки и вали с моей улицы!

– Подумай еще раз. Другого такого шанса может не быть, – проговорил странник удивительно серьезным, сдержанным тоном.

– Издеваешься? Да я таких каждый день здесь вижу! Ко мне люди тянутся, не пропаду. Можешь не волноваться.

– Судя по тому, сколько лет твоей одежде и как долго ты не смотрелась в зеркало, те, кто появляется здесь «каждый день», не так уж щедры.

Сомнения окутали разум. Разумеется, я хотела взять деньги. Разумеется, взяла бы их в любом другом случае. Но этот парень был мало того, что настойчив и убедителен, так еще и слишком бескорыстен. Я чувствовала искренность и безвозмездную самоотдачу. Было неловко и стыдно. Я с ужасом осознала, что просто не заслуживаю этого божественного дара. На душе становилось все хуже. Минуту моих раздумий прервал уже полюбившийся тембр голоса:

– Да что же ты такая робкая! Садись, поговорим по дороге.

Паническая неуверенность – вот что я испытывала в тот момент. Мялась, топталась на одном месте. Время капало, новый знакомый смотрел на свои часы и считал секунды перед тем, как захлопнуть дверцу. Нужда заставляла решать: остаться в ненавистном месте – голодной и никому не нужной, либо наступить на саму себя и все предрассудки, устроившись рядом с водителем. В конечном итоге я сделала выбор, изменивший мою судьбу.

Пока мы ехали прочь из города, я успела поинтересоваться, как зовут благодетеля. Имя звучало красиво и величественно – Гордон Росс. Улицы и дома мелькали перед глазами: я с радостью провожала взглядом привычные места и знакомые лица, ничуть не тоскуя по прошлому. Новые ощущения нежданно ворвались в мою некогда размеренную жизнь. Я никогда ранее не пересекала пределы города. Сейчас же передо мной открылась удивительная возможность стать другой, почувствовать себя в окружении непривычных вещей.

Вскоре мы подъехали к кирпичному зданию с треугольной крышей. В нем было две спальни. Меня приятно удивили огромная гостиная в бежевых тонах и телевизор, которого я с рождения была лишена! Как только друг завез машину в гараж, он отпустил меня изучать дом. Первым местом, куда я направилась, явилась кухня.

Все, что попадалось мне на глаза, было надкусано хотя бы пару раз. Голод сделал из меня жуткого фаната еды, даже той, которую в прошлом не переваривала. Росса это забавляло: он смеялся и снисходительно качал головой, пока я с безумным остервенением рылась в чужом холодильнике.

– Поживешь пока здесь, потом что-нибудь придумаем. – Хозяин дома осторожно прервал мою трапезу. – Эй, ты... обжора! Прекращай. Скоро мы отправимся в ресторан, главное – как следует тебя отмыть.

– Ресторан? Господи, куда я вляпалась?! Даже вилку в руках держать не умею, – возмущалась гостья. – Кстати, где твой пес?

– У меня нет пса.

– А для чего же тогда будка? – пробормотала я, дожевывая сэндвич.

– Когда мне было семнадцать, мечтал о четвероногом друге, даже кличку придумал – Ларри. Но родители говорили, что я недостаточно внимателен и ответствен. Они не потакали моим желаниям. Тогда пришлось копить ничтожные карманные деньги, на которые позже приобрел несколько крепких досок у одного строителя. Из них смастерил будку, надеясь, что когда-нибудь стану самостоятельным и заведу долгожданное животное. Предков это злило, они были в ярости. Никто меня не поддерживал. Отец говорил, что я не смогу заработать себе на жизнь, мать слепо вторила ему. В колледже я был самым скромным, отношения с противоположным полом не складывались. Местная шпана твердила, что так будет всегда. Да мне и не нужны были те размалеванные шлюхи! Я мечтал об идеале – своем, близком, не похожем на других. Подрабатывал где придется, откладывал деньги. Сразу после учебы ушел из дома и положил начало новой жизни.

– Такой же свободной? – спросила я, пытаюсь найти в нас общие черты.

– Не совсем. Трудился без отдыха, нашел свое призвание, обрел успех и благословение фортуны. Выстраивал стратегию, рассчитывая каждый свой ход. Теперь обо мне говорят в десятке городов. И лишь тогда, когда весь мир завертелся вокруг, я обрел долгожданную свободу – материальную и духовную, а еще независимость от чьего-либо мнения.

– А будка? Ты возишь ее с собой?

– Нет, что ты! – Приятель улыбнулся. – Каждый раз отстраиваю заново или покупаю. Несбыточная мечта надолго поселилась в сердце. В этом смысле меня никто никогда не понимал... и вряд ли поймет.

– Так почему не купишь собаку? – Голос мой был полон удивления.

– Все не так просто. Мне слишком часто приходится переезжать. Это этап, который не удается завершить по сей день – ниточка, связывающая меня с прошлым, с родителями и запретами. Просто нет сил переступить границу, чтобы окончательно почувствовать себя полноценным человеком. Я не готов. А сейчас... – Гордон резко сменил тему, – беги в душ! Он на втором этаже. Потом зайди в дальнюю комнату и поройся в шкафу, выбери себе платье. Вечер близится.

– Постой, откуда у тебя женские платья? Сам носишь?

– Боже упаси! От бывшей жены остались. Стащил парочку из Вегаса.

Усмехнувшись, я пожала плечами и ринулась наверх. Пришлось тщательно смывать с себя грязь и копоть, осевшие на коже за годы скитаний по улицам Сан-Франциско. К слову, в шкафу у Росса оказалась целая дюжина платьев, если не больше. Меня это не насторожило. Может быть, он просто фетишист, «позаимствовавший» одежду у бывших подружек?

Вечером мы отправились отведать французскую кухню. Перед этим новый друг провел со мной долгую поучительную беседу, познакомил с азами этикета, в результате чего я начала уверенно обращаться со столовыми приборами. Мы с ними сразу же полюбили друг друга! Не помню, что было в меню. Какие-то диковинные блюда, названия которых даже не выговорить. Все вокруг выглядело необычно и радовало глаз: совсем другие люди, шикарные интерьеры. Наряд, что я себе подобрала, был насыщенно фиолетового цвета. Он здорово сочетался с моими зелеными глазами, как считал Гордон. Я доверяла вкусу спасителя, поскольку у него был внушительный опыт в подобных делах.

Прошло больше года. Вы спросите, что происходило за это время? И беды, и радости, мелкие ссоры и душевные примирения. Всего не упомнишь. Помощник вселял в меня уверенность, по камушку выстраивал образ с самого фундамента. Я стала жгучей брюнеткой, бросила курить, начала стильно одеваться и чувствовать себя раскованно даже в самых дорогих бутиках. Замарашка превратилась в леди, которую создатель холил и лелеял. Я думала, что он любит меня, надеялась на это, потому что сама испытывала к нему сумбурные, противоречивые, но от этого не менее искренние чувства. Восхищение вызывали его мудрый взгляд на жизнь, ласковая улыбка, тонкие пальцы и по-мужски утонченная фигура. Манеры, привычки, бескорыстная забота, которой учитель одаривал меня с самого утра и до поздней ночи, – и так каждый день!

Я стала любить себя, разложила по полочкам жизненные ценности и приоритеты, о которых раньше даже не задумывалась. Личностные принципы обрели видимые очертания. Благодаря своим связям Росс помог мне устроиться на приличную работу. Ответственность и серьезный подход к проблемам фирмы сказались на отношении коллег, которые поначалу сторонились, а после начали проявлять уважение к девушке без должного образования. Гордон часто говорил со мной на французском, заставлял учить красивейший язык европейцев. Звал ангелом и хвалил за успехи. Единственное, что отсутствовало в нашей совместной жизни, – секс. Впрочем, всему в один прекрасный день наступает конец. Так оборвалось и расстояние между телами, жаждущими взаимного тепла.

Как-то раз поздним вечером мы вернулись домой с шумной вечеринки, устроенной в честь дня рождения одной из коллег. Прилежная ученица была пьяна настолько, что кое-кому пришлось вытащить обессиленное тело из автомобиля и, перебросив его через плечо, занести в дом. Я глупо хихикала всю дорогу, болтала ногами и едва заметно постукивала друга по спине сжатым кулаком. Думаю, в эти моменты он улыбался.

Опустив меня на кровать, Гордон не заметил, как я ухватилась за его галстук и потянула на себя. Столкновение губ было неизбежно. Тишина разделяла нас до тех пор, пока тот, кого так сильно желала, не воспринял мою инициативу словно зеленый свет. Не успела я опомниться, как была прижата к постели гибким телом. Секунду мужчина просто смотрел в мои глаза, при этом положив ладонь на щеку и нежно проведя большим пальцем по нижней губе. В ответ я едва коснулась подушечки его пальца кончиком языка. В этом не было ни грамма пошлости – только чувственность, прелесть которой оба ощутили едва ли не с первых ласк. Ранее мы робели и смущались при одной только мысли о близости, но сказочная ночь располагала и подталкивала в нужном направлении, вынуждая меня поддаться соблазну.

Через мгновение Росс наклонился надо мной, сняв с себя рубашку. Еще позже коснулся теплой ладонью гладкой кожи ног, поднимаясь к изгибу бедра и по дороге собирая ткань юбки в мелкие складки. Я боялась его прикосновений, боялась разочаровать, потому что точно осознавала незаменимость Гордона в своей жизни, но в итоге ничего не могла поделать с нахлынувшими чувствами. Искусный соблазнитель прикинул губами к моей шее, оставляя на ней розоватые следы от жарких поцелуев, одновременно с этим распахивая невесомую блузку и изучая контуры женского тела на ощупь.

Кровь закипала, щеки пылали вишневым румянцем, а с губ срывались тихие стоны. Первое интимное касание заставило дернуться в крепких объятиях, закрыть глаза, растворяясь в ласке и покрываясь мурашками. Ногтями я бессознательно истязала плечо любовника. Другой рукой спустилась к его пояснице и скользнула под ткань брюк, сжав дрожащие пальцы. Позже мужчина изучил губами каждый мой позвонок, каждую клеточку тела: от припухших губ до изящных ступней, от усталых век до ложбинки на груди. Мы сплетались телами – изучая, вдыхая и осязая. Это было восхитительное чувство, невероятное, фактически граничащее с волшебством, – особенно последние секунды, заполненные радужными красками и головокружительной сладостью, доводящей до эйфории и заставляющей судорожно глотать воздух, которого в моменты неподдельного счастья так не хватало.

Наутро я очнулась в постели одна, поблизости никого не было. Завернувшись в одеяло, я спустилась на первый этаж – там тоже было пусто. Машины в гараже не оказалось. На кухонном столе лежало аккуратно сложенное письмо. В строках, запечатленных на бумаге выверенным почерком, Гордон был как никогда откровенен, признался в том, что все это нереально, неправильно, что я не должна влюбляться в образ спасителя, фактически выудившего юную замарашку из дерьма. Говорил, что поиск девушки из грез стал привычным делом, работой, с которой он путешествует по Америке. Что не может влюбиться, пока не почувствует абсолютное единение душ. Главная миссия была завершена – я действительно стала идеальной, как и многие другие его ученицы. Но видимо, не настолько, чтобы составить компанию в долгом пути по счастливой семейной жизни.

Ранило каждое слово. Боль, холод и невыносимое отчаяние наполнили собой мое сердце. За окном стоял сентябрь, первые числа осени атаковали календарь. Росс не взял с собой мобильный, зная, что буду названивать. Ближе к ночи, придя в себя, я пролистала все справочники, имеющиеся дома. Звонила в каждый отель, искала нужного человека, руководствуясь лишь именем и фамилией. И ведь нашла его, после чего выслушала долгий монолог, закончившийся словами «Adieu, mademoiselle. Adieu, mon ange».

Он ждал знака, сигнала свыше, хотел убедиться в каком-то божественном понимании, которого до этого был лишен. Что я могла сделать? Заставить звезды рассыпаться по небу в ином порядке? Попросить Богов не отнимать самое дорогое – человека сложного, упрямого, со своими комплексами и проблемами, но болезненно любимого мною?! Выйдя из душа, я попыталась смириться с тем, что это конец. Утешала

себя горячим кофе и мыслями о том, что, как бы Гордон ни отпирался, сильное чувство ко мне все-таки живет в глубине его души. Надеялась на это и ждала помощи Небес.

Я выглянула в окно: темнота ночи наступала на окрестности, ставшие мне родными. Лишь силуэт будки сверкал в лунном свете, искрился и выглядел отрешенным от пейзажа. События прошедшего года мельтешили перед глазами: я вспоминала нашу первую встречу, вспоминала то, как приехала сюда. Вспоминала его слова, рассказ о собаке и желании укрепить свои жизненные позиции с ее появлением. Так вот где кроется разгадка!..

Вернув кабель на место и снова взявшись за телефонную книгу, я принялась обзванивать различные питомники. К великому сожалению, все они были закрыты в столь поздний час. Страх потери медленно, но верно убивал меня изнутри. Тогда я набралась смелости приехать к Россу и высказать ему в лицо все, что накопело, – всю боль и обиду вылить на этого мерзавца, пока он бесследно не исчез из моей жизни. Накинув плащ и выйдя из дома, я тщетно пыталась поймать машину на ближайшем шоссе. В кармане оказались всего лишь пара долларов и десять центов. Черт, черт, черт! И почему я не позаботилась об этом раньше?!

Я брела вдоль дороги на протяжении получаса, пока не услышала, как кто-то жалобно скулит, забившись в кусты возле обочины. Боязливо приблизившись к источнику звука и раздвинув ветви, я обнаружила там маленького щенка без роду и племени, выброшенного кем-то, продрогшего и забытого, а после, взяв его на руки, попыталась поверить собственному счастью.

Остановить транспорт все-таки удалось. Пожилой джентльмен подобрал нас с Ларри на улице и любезно предоставил свои услуги за те немногие деньги, что были у меня с собой. Когда я оказалась около отеля, то спрятала малыша за пазухой. Узнав номер у портье, вежливо поблагодарила его, нашла нужную комнату, оставила зверюшку у порога и несколько раз стукнула в дверь так, как ударила однажды серебристую машину незнакомца, а затем побрела домой, чтобы выспаться и оправиться от потрясения.

Утром меня ждал удивительный сюрприз. Пока я спускалась на первый этаж, краем глаза заметила вазу в гостиной. Она была полна белых роз – все еще юных, не до конца распустившихся. Подойдя к столу и склонившись над букетом, я с великим удовольствием вдохнула дивный, легкий, ненавязчивый аромат. Во дворе слышался чей-то задорный смех вперемешку со звонким щенячьим повизгиванием. Выглянув в окно, я увидела Росса, играющего с псом. Тот еще и ходить толком не научился, а хозяин уже заставлял его приносить старый теннисный мячик. Гордон так долго этого ждал, не мог самостоятельно поставить жирную точку на страницах своего не в меру одинокого и печального прошлого. Я сделала это за него – раз и навсегда.

Сейчас мы вместе, уютом и теплом наполнена каждая мелочь совместного быта. Я чувствую любимого необычайно тонко. Проникаюсь каждой новой идеей и каждым желанием человека, не побоявшегося открыть свою душу и ставшего единым целым со мной. Он позволил мне родиться заново, я же в ответ превратила его из расчетливого первооткрывателя в застенчивого романтика, способного идти на компромиссы. Раньше он не знал, как именно поблагодарить меня, но сейчас сделал это тонко и мило, произнеся короткое «Pardonnez-moi» и бережно обняв со всей возможной теплотой.

За время нашей совместной жизни я обрела главное, то, чего не хватало одинокому мужчине в общении с другими девушками, – понимание. Научилась читать по губам и знаю, что необходимо любимому для полного счастья. Теперь же эту уникальную способность никто не отнимет... Пусть только попробуют!

[Мозаика из чувств]

Доминик был необычайно силен, об этом говорило уверенное рукопожатие, которым он встретил меня, такую маленькую и невесомую, перед входом в клинику, где мне

предстояло работать девочкой на побегушках. Я сразу ему понравилась: еще юная и неопытная, но обладающая безудержной тягой к работе. Должно быть, первым делом он оценил мою фигурку, облаченную в элегантный костюм, строгую прическу и украшающую переносицу оправу из-под очков, которую позже босс и вовсе запретил мне носить. Меня же впечатлили его руки. Я сразу прониклась уважением не столько к человеку, сколько к его рукам – тяжелым и мускулистым. «Лучше бы занимался боксом с такими бицепсами, нежели прозябал в этом жутком заведении», – промелькнуло у меня в голове, пока ладошка теплилась в объятиях мужских пальцев. Как только закончился первый рабочий день, новый знакомый пригласил меня на чашечку кофе в уютный ресторанчик, располагающийся неподалеку от прелестного зеленого сквера, где мы с ним гуляли на протяжении нескольких последующих недель.

Глаза – зеркало души. Его же глаза стали для меня воротами в новый мир, необъятный и чарующий своей изысканностью, своей простотой. Я обратила на них внимание сразу после того, как деловые контакты наших рук сошли на нет. Все внимание сконцентрировалось на глубоком, умном, трогательном взгляде. Цвет радужки был похож на игру солнечных бликов в воде и песках побережья Майами, где мы с молодым человеком отдыхали вдвоем. Влюбленность накрыла обоих с головой, унося прочь от скучной рутины и даруя новые, неизведанные ранее ощущения. Мы не переступали границ и наслаждались нравственностью отношений, которую так редко встретишь в наши дни. Я любовалась Домиником, считала его не чьим-то, а непременно своим собственным. Он же отвечал абсолютной взаимностью и лаской сияющих теплом золотисто-бирюзовых глаз, которыми я восхищалась.

Прямой заостренный нос, едва ли не касающийся верхней губы, у кого бы то ни было казался мне ужасным, до тех пор пока я не повстречала человека, полностью перевернувшего мое мнение о людской красоте. Порою нам нравилось шутливо сталкиваться лбами и пристально смотреть друг на друга. Именно тогда я стала замечать всю прелесть лица избранника. Мы были в Париже и Венеции, любовались испанскими закатами и выходили в свободное плавание по Средиземному морю на роскошной белой яхте. Европа распахнула перед нами резные створки своего огромного сердца, и я была счастлива, как счастлив ребенок, радующийся самым простым жизненным мелочам, будь то прохладная роса на траве, приятно ласкающая обнаженные стопы, или же радуга, пронзающая своим стройным силуэтом грозные облака. Мы были по меньшей мере идеальными половинками одного целого – преданной любви, которой нет равных на всем белом свете.

Плечи Доминика стали моей надежной опорой. Широкие, массивные, но в то же время беззащитные перед жаром трепетных касаний. Я прижималась к ним щекой, вслушиваясь в ритм тока крови, берущего начало от самого любящего органа. Я нежно целовала изгиб шеи, ее основание, лопатки и ключицы, любила его обнаженную спину, покрытую мириадами крохотных веснушек, собирала их губами, вращивая в своей груди чувственность, на отдачу которой меня нагло провоцировало желанное тело. Я старалась беречь его, не подозревая о том, что милый чрезвычайно самостоятелен и в моей опеке вовсе не нуждается. В ту пору жизнь казалась сказочной, а дом являлся райским убежищем двух людей, которых сблизила банальная работа. Судьба не шутит, ничто не происходит просто так. Всему есть свое оправдание, и у всего есть свои последствия. Это истина. Незатейливая истина моей жизни.

Я любила гадать по ладоням: широким, немного грубым, но в то же время необыкновенно притягательным. Друг не сопротивлялся, напротив, разворачивал их навстречу солнцу и отдавал в мое полное распоряжение, наблюдая за тем, как тщательно обвожу линии кончиком пальца и задумчиво нахмуриваю брови. К этой части тела я относилась с особым интересом, думая, что вся жизнь прописана на руках, а все ее повороты и важные события запечатлены в крохотных морщинках. Доми, как ласково звала мужчину своей мечты, не понимал всех этих тонкостей и относился к своему телу с

долей иронии. «Ну не из золота же я сделан, в конце концов!» – отшучивался он каждый раз, когда я так и норовила прижать любимую кисть к своей щеке. Я обожала его черты – одновременно все вместе и каждую в отдельности, по-разному, страстно и безумно. Собирала фотографии, на которых они хорошо просматривались, хранила в своем сейфе под сложным кодовым замком и любовалась в те моменты, когда жених уходил на работу, откуда мне, полностью занятой хлопотами по дому, пришлось уволиться.

Его губы... такие теплые, мягкие и раскрасневшиеся от бесконечной череды поцелуев. Я боготворила их, чтילה каждое касание, запоминала его подробности, позже вновь и вновь листая в памяти. Первый поцелуй был прост и скучен, даже банален, если можно так сказать. Мы лишь соприкоснулись ртами, обдавая лица друг друга приятным дыханием, продержались в таком положении несколько коротких мгновений, а после отстранились, будто ничего и не было. Этот крохотный инцидент, вырванный из совместной биографии – ничто по сравнению с последующими раскованными ласками. Желание зрело в душе каждого долгие месяцы: поначалу оно было мимолетно, позже стало набирать обороты, становясь все более дерзким и смелым. Жажда близости цвела, пока не достигла своего апогея и не обрушилась на меня в виде самой долгой и самой радостной ночи, когда два тела впервые за всю историю любви коснулись друг друга, не скованные путами одежды.

Капли пота скользили ручейками по упругому, гладкому торсу. Я прижималась к нему вплотную, а то и вовсе отстранялась для того, чтобы Доми силой вернул меня назад – на почетное место подле себя. Медовый месяц был проведен в удовольствии. Взаимность была обоюдной: мы отдавались друг другу без остатка, а просыпались вместе совершенно вымотанными и сбитыми с толку. Я с трудом вспоминала о том, какой сегодня день, и снова падала на подушку, чтобы увидеть очередной светлый сон, в котором наша интимная связь повторялась снова и снова. Жилистые руки будоражили воображение, смешанные воедино ароматы разгоряченной кожи и чарующего соблазна витали вокруг нашей спальни, привкус каждой клеточки любимого тела сопровождал меня до самой взлетной полосы, откуда мы отправились домой, чтобы больше никогда не расставаться. Я верила в то, что мы навеки связаны высшими силами.

Иногда я запускала пальцы в его волосы, намеренно их взъерошивая, любила уткнуться носом в висок, обняв при этом голову ладонями. Густые пряди солнечно-медного оттенка обрамляли красивое лицо мужчины средних лет. Мужчины, в которого я была без памяти влюблена. Моя любовь вмещала в себя все краски мира, звездные галактики и целые вселенные, которые я была готова воздвигать в честь Доминика! Она росла, росла на глазах, становилась все ярче, полноценней, объемней. Она овладевала моей душой, моим сердцем, памятью, жизнью, которую я не представляла без мужа, его заботы и поддержки! Вскоре я стала обращать внимание на особенности, которые ранее ускользали от моего взора: морщинки возле глаз, легкая сутулость, уши, которые раньше бы вызвали у меня разве что усмешку. Недостатки начали трансформироваться в моем понимании, превращаться в самые настоящие достоинства. Я по-прежнему собирала фотографии (они копились в личном сейфе) и слепо боготворила объект своих воздыханий. Он был лучшим.

Ноги начали интересовать меня в последнюю очередь. Я опускала взгляд и видела, как ходит мой любимый. Его стало настораживать то, что я постоянно дышу в спину, вечно следуя по пятам. Доми озирался, не понимая, в чем дело, но я ведь не могла признаться в том, что меня дьявольски привлекают его ступни! Он бы не понял, подумал, что сбрендил, а я не могла этого допустить. Не могла позволить нашим заоблачным отношениям провалиться сквозь землю, берегла их старательно, как могла. Однажды мне удалось сфотографировать стопы Доминика, пока тот спал мирным сном, укутавшись в одеяло и слегка разомкнув губы. Сделав очередные снимки, я неторопливо направилась к сейфу, хранящему калейдоскоп радужных воспоминаний, частей тела, увековеченных на пленке. Набрала самый надежный код – дату рождения мужа, но пальцы предательски

дрожали, тряслись. Меня колотило от чувств, так много их было в душе! Я холила и лелеяла свою преданность, боялась проронить хоть каплю. И в тот момент, когда дверцы сейфа отворились, оттуда градом высыпалось огромное количество снимков, напоминающих о том, ради чего живу на белом свете. Я мигом упала на колени и начала собирать их горстями. Должно быть, именно это разбудило Доминика.

Он приблизился со спины и схватил меня за плечи: поднял, встряхнул, а после кинул на кадры полный недоумения и ярости взгляд, который раньше казался мне ангельским. Я испугалась, расстроилась, хотела было заплакать. Меня прошибал озноб, разум сковывали страх и холод отчуждения самого дорогого человека. Вдруг что-то щелкнуло внутри. Я закатила истерику, металась по комнате, ругала саму себя на чем свет стоит. Сильная рука коснулась моего лица, но не ласково, как прежде. Это была пощечина – болезненная не столько физически, сколько душевно. Удар не по лицу, а по самолюбию. Его спина, помню эту спину! И я прокляла ее в момент нашего расставания, отчетливо видя то, как Доминик уходит! Я рыдала, стонала от горя и обиды и ненавидела того, кто в прошлом был для меня олицетворением добра, тепла и света. Ненавидела потому, что очнулась.

Внезапно все вокруг заволокло искусственным светом. Стены медленно выцветали и становились мягкими, обтекаемыми. Мебель исчезала на глазах, буквально растворялась в воздухе. Руки... я перестала чувствовать их. Стянутые тугими ремнями, они были скрещены на груди. Минующий порог муж облачался в ткань белоснежного халата, а захлопнувшиеся двери нашего райского гнездышка покрывались толстым слоем металла, посреди бескрайней глади которого виднелось крохотное окошко, заделанное перекрестной решеткой. Мои мечты таяли, обрушивались вместе со слезами на холодный пол. Душа была ранена, а осколки сердца, разбитого вдребезги, кровоточили, обливая изнутри жаром, как некстати приливающим к лицу.

У моих ног лежали фотографии. Раньше на них красовались мы вместе, сейчас же – я одна. Это прошлое – то, которым дорожила, прежде чем попала сюда. В нем были и радость, и отчаяние, в нем была жизнь: красочная, полноценная и привычная. В нем был уютный дом, где жила до тех пор, пока не ушла в себя... одинокая, обидчивая и никому не нужная, мечтающая об идеальном принце, идеальном до мельчайших деталей... принце, которого так и не встретила на своем пути. Быть может, найди меня вторая половинка в свое время, не было бы этого кошмара, не было бы боли, которая терзает по сей день. И не отрезви меня доктор Доминик одним ударом по щеке, я бы по-прежнему жила в мире грез, не ощущая свою никчемность так остро.

Сейчас же мысленно составляю мозаику из чувств, испытываемых к вымышленному образу. Соберу его черты и напишу историю заново. Быть может, в этот раз финал окажется удачным: любовь и свадьба, дети, их улыбки, жизнь вдвоем и старость бок о бок. Быть может, не проснусь до самого победного конца, до самой смерти. Ведь это то немногое, единственное, на что все еще смею искренне и слезно надеяться.

[Щиничный соблазн]

– Брукс, я на месте. Ищу благоприятную позицию. Следите за объектом и дайте знать, когда он появится на территории торгового комплекса.

– Отлично, Одри. Ты знаешь, на что идешь. Помни – не раскрываться. Это жизненное кредо любого агента. Будь сдержанна, бдительна. И никаких привычных соплей! Ошибка может дорого стоить. Противник точно так же вооружен... – услышался черствый голос в ответ.

– Что? Ты говорил, оружия не будет! – возмутилась я.

– ...Знаниями, дорогуша. Он вооружен зна-ни-я-ми. Я перезвоню.

Просунув ладонь за пазуху твидового плаща, я нажала на кнопку, оборвавшую мою связь с Аланом. Каким бы суровым ни был этот парень, он являлся знатоком своего дела и не допускал осечек. Под руководством деспота я училась выживанию – одинокая,

брошенная, забытая всеми обрела кров и веру в будущее. Десятки подобных миссий были за моей спиной. Да, женщины сентиментальны и уязвимы гораздо больше, нежели представители сильного пола, но наше главное оружие – невинность и красота служат на руку и зачастую позволяют выйти сухой из воды. Больше всего на свете я страшилась не смерти, а позора, боялась разочаровать человека, заменившего мне отца. Хотя нет, не заменившего – ставшего чем-то большим. К слову, папа наверняка перебрался через границу, скрываясь от налоговой инспекции, и пьянствует где-нибудь в Мехико.

В нашем деле берут пленных. Множество таких же работяг, как я, было поймано во время секретных операций. Признаться честно, вся эта шпионская возня приедается со временем: вроде бы и чувствуешь тягу идти дальше до заслуженного повышения, а с другой стороны – сеть интриг опротивела донельзя, но деться некуда, ведь дороги в прошлое стертые вместе с именем и паспортными данными. От меня не осталось ничего, кроме псевдонима и кода, в котором заключается вся соль игры.

Личный номер из восьми символов присваивается каждому члену той или иной организации. Всего одна крошечная татуировка на теле, которая может разоблачить тебя в один момент, выдать заказчиков – тех, кто стоит намного выше, фактически подорвав репутацию твоей «семьи». Суть – соблазнение с целью увидеть номер, от которого зависит финал миссии. Расшифровкой займутся другие, мне плевать, кто кого заказал и кому нагадил в душу. Это игры взрослых, солидных и обеспеченных. Я – пешка, которая, однако, ни разу не была повержена.

Около полудня я выбрала симпатичное кафе на втором этаже ТК и устроилась за столиком, скрыв глаза под полями шляпы. Непримечательная, блеклая одежда, элегантный дневной макияж и минимум украшений. Единственное, с чем никогда не расставалась, – кольцо, подаренное Аланом Бруксом, которое украшал массивный раухтопаз. Оно не первый год являлось моим талисманом. В остальном – серая мышь для окружающих, фактически невидимка, призрачная тень, но яркий огонек в глазах жертвы, который манит к себе до победного конца, не отпуская внимание и сохраняя дистанцию. А после можно праздновать победу над группкой идиотов. Как всегда.

Так, что у нас сегодня: Коди Нильсон, тридцать четыре года. Несмотря на незначительный возраст для агента, уже в отставке. Необходимо вычислить корпорацию, которая нанимала его прежде. Профессионал. Холостяк, детей нет. Ловелас и казанова. Надеюсь, прошлое его хоть чуточку отпустило... Нужен план действий. Подсесть ни с того ни с сего? Рассекретит. Столкнуться с ним на выходе и рассыпать содержимое сумочки? Банально. Кажется, запас моих женских штучек стал иссякать. Хотя... есть идея! Дешево и сердито. Что ж, для бабника сойдет.

Едва сдерживая рвотные позывы, я представляла героя угрюмым и сутулым злыднем, но когда в зал, на который мне открывался чудесный вид, зашел высокий, подтянутый мужчина, моему удивлению не было предела. Брукс мигом начал сигнализировать, это и стало отправным толчком для дальнейших действий с нападающей стороны.

– Ты видишь его? – спросил собеседник. – Говори тише, чтобы он не мог прочесть по губам. А лучше вообще отвернись или задерни лицо воротником.

– Задернула. Что дальше? – Голос мой дрожал.

– Ты меня спрашиваешь?! Где план, эмоции, инициатива? Вперед! Время отключать аппаратуру. Выйди в дамскую комнату: как встанешь из-за стола – налево, на двери будет табличка, не промахнешься. Надеюсь, мне не придется самому вести растерявшуюся леди до туалета? – Алан ехидно усмехнулся.

– Отбрось свои никчемные пошлости!

– Ладно. Угловая кабинка закрыта на ремонт, но это лишь прикрытие. Проникнешь туда, найдешь черную сумку. Спрячешь провода, мои ребята их подберут. Оставь при себе только мобильный. И не раскрывайся, умоляю!

– Да сколько можно об этом повторять?!

– Милочка, я делаю все для того, чтобы твое личико не окунули в дерьмо, так что будь добра – заткнись и действуй согласно моим настоящим рекомендациям!

– Хорошо, шеф... – нехотя выдавила я. – Не время спорить.

– Первая умная мысль с твоей стороны. Объект не будет ждать вечно.

Закончив разговор, я поднялась с места и не спеша направилась по указанному «адресу». Дверца, ведущая в необходимую кабинку, никак не хотела отворяться, словно замок запаляли. Мне пришлось воспользоваться пилкой для ногтей, дабы переместить преграду в виде металлической задвижки, кое-как приделанной сюда чьими-то «умелыми» руками. Весь профессиональный инвентарь был отправлен в сумку, выуженную из бачка, а после силой втиснутую туда же. Не прошло и четверти часа, как я снова оказалась в кафе. Внезапно в сумочке что-то зажужжало. Я достала оттуда телефон, на дисплее которого высветилась знакомая надпись – «отец».

– Я забыл пожелать тебе удачи. Детка, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю... – усмехнулся Алан.

– Нашел время! И без твоей удачи как-нибудь справлюсь. До скорого, «папочка». А за «люблю» – спасибо. Не так часто удается услышать от тебя подобные слова.

Душа озарилась светом. Я убрала телефон и бросила взгляд на место, где ранее находился Коди. К этому времени он немного переместился и оказался у витрины с дорогими костюмами. «Странно, почему так долго не уходит», – вертелось у меня в голове, но мысль прервал голос официанта, от звуков которого я невольно вздрогнула:

– Кофе?

– Нет, спасибо. Не могли бы вы сделать мне одолжение? – Я достала из кармана шариковую ручку и написала на салфетке пару строк, приложив к ней несколько зеленых купюр. – Отдайте это вон тому джентльмену, а чаевые оставьте себе.

– Сию минуту, мисс!

Радостный паренек спустился вниз по лестнице и отдал исчирикannую бумажку Нильсону, указав на меня рукой. Я же пару раз согнула кончики пальцев, что служило неким подобием приветствия, и лукаво сверкнула глазами. Минутой позже цель уже восседала напротив меня, изучая откровенно флиртующую особу пристальным взглядом.

– Как вас... – начал было агент, но я не дала ему договорить.

– Одри. Одри Льюис. А вы?

– Мистер Блэк. Для очаровательной незнакомки просто Сэм. – Обольститель оторвал мою кисть от поверхности стола и коснулся бледной кожи губами, обратив при этом внимание на кольцо. – Вы замужем?

– Нет.

– Обручены?

– Нет, нет и еще раз нет. Просто этот подарок мне хочется носить на безымянном пальце, только и всего, – потупила взгляд раскрасневшаяся шпионка.

– Человек, вручивший ценность, которая для вас имеет такое значение, явно не дурак. – Губы «жертвы» искривились в подобии улыбки. – А может быть, наоборот, полный идиот.

– С чего такие выводы? – возмутилась я.

– Он ведь не делает вам предложения. Возможно, сегодня прекрасная девушка нежится в его объятиях, чувствует себя самой счастливой на свете, любимой, нужной, а завтра на смену ей придет другая. Это обычный случай. «Других» могут быть тысячи, тысячи ваших клонов, но вы ведь даже не задумаетесь об этом, пока не поймаете своего кавалера с поличным. Мужчине наверняка уже за сорок, он любит бренди и фильмы ужасов, а еще лучше детективы. – Нильсон склонил голову и заглянул в мои глаза. – Возможно, вы для него всего лишь игрушка, героиня романа, в котором не может быть хеппи-энда. Бросайте это дело и найдите достойную замену, дорогая.

После этих слов сердце мое чуть не остановилось, а шквал эмоций всецело охватил сознание: «А если он прав? Если я не нужна Бруксу и тот выкинет меня при первой же

возможности – использованную и жалкую? Нет-нет, нельзя слушать Коди. Я не имею права, он – отклик вражеской стороны, угроза, которой нужно опасаться. Но почему мне так хочется ему доверять? Взгляд ведь не лжет?! Он ясный, светлый, добрый... Пропади все пропадом!» Тихий шепот прервал поток мыслей:

– И почему на вас лица нет? Я что-то не то сказал? – Большие и лучащиеся дружелюбием глаза мужчины в тот момент были по-детски наивны. А кто может быть невинней ребенка?

– Все нормально. Мне кажется или мы с вами очень похожи?

– Во мне нет ничего общего с обворожительной курносой блондинкой, – улыбнулся Нильсон.

– Я не об этом. Не прикидывайтесь, что не понимаете! И хватит с меня этой доброй улыбки, она сбивает с толку. Речь идет о родстве душ. Как думаете, оно возможно?

– Да. Нам есть о чем поговорить. Надеюсь, будет и в будущем.

Эта фраза обнадежила меня. С Бруксом не оставалось ничего, кроме как верить в будущее, которого могло и не быть. Здесь же я чувствовала полную отдачу.

Весь день мы провели вместе: гуляли, смеялись и радовались знакомству. Кто бы мог подумать, что эта авантюра завершится так трогательно? Вечером новый знакомый пригласил меня к себе. Мы выпили по бокалу вина, обстановка становилась все более раскрепощенной – и вот я уже тону в крепких объятиях мужчины своей мечты. На его теле, около правой лопатки, я заметила татуировку. Даже странно, что эти цифры отныне ничего не значат. Моя же была скрыта под слоем тонального крема, который, смешавшись с капельками пота, растворился в сумасшедшей страсти двоих людей. Ну и пусть! Плевать я хотела на все деловые условности. Отныне свободна!

Наутро я проснулась в роскошных апартаментах совершенно одна. Вещи были разбросаны по комнате, сумка ютилась в кресле. Думалось, ничто не сможет нарушить мой покой, как вдруг в замочной скважине повернулся ключ и послышались чьи-то шаги. Не успела я протереть глаза, как человек в черной тряпичной маске ловко прикрутил к пистолету глушитель и навел дуло на меня. Пуля покинула орудие убийства и разбила женское сердце вдребезги. Незвестный исчез.

Нильсон тем временем прогуливался по улицам города. Внезапно в его сумке зазвонил мобильный. На дисплее высветилась надпись – «отец». Коди снял трубку:

– Одри, где тебя черти носят?! Мы спутали этого Нильсона с другим, он НЕ уходил в отставку! Ему поручили разоблачить нас, детка! Уноси ноги, пока не поздно!!!

Ничего не ответив, джентльмен сбросил звонок, направляясь туда, где его оценят по достоинству и наградят заслуженным повышением, которого так и не дождалась легкомысленная Одри. «Не раскрывайся и будь бдителен» – вот кредо истинного агента.

[В тени хозяина]

Нил Джефферсон прожил в тени пятьдесят лет: прятался, скрывался от целого мира и истинно верил в никчемность солнечного света, что мог бы привести худосочного, долговязого старика к бесповоротной потере самого себя. Он был лишен круга знакомых, уютных посиделок с супругой за чашкой чая. Не было в его просторном доме памятных мелочей: ни фотоальбома, ни писем, ни открыток. В прошлом красавец и ловелас, он наслаждался единственной крохотной радостью – мраком, который раньше на дух не переносил. Безумцу было чуждо самобичевание. Он презирал свет и страшился его больше смерти, которая, возможно, принесла бы крупицу долгожданного облегчения. Забытый дневник покоился в пыльном сундуке, а годы шли, наполняя каждый день смыслом, понятным только одному человеку.

Изолированный и покинутый всеми джентльмен подчас упивался мнимой свободой в плену одиночества, а то и вовсе проклинал ее – такую надменную, жестокую, восседающую за его спиной и хохочущую чрезмерно звонко, словно гром с небес ринулся

в сердечные недра и там пустился в пляс. Нилу нравилось сидеть возле зашторенного окна. Между полотнами ткани, ниспадающей с карниза, находилась крохотная щель. Поутру огненный диск поднимался над особняком, рассыпая в округе золотистые блики, которые скользили по полу, стараясь прильнуть к ступням отшельника и согреть его. Стоило лучам дотронуться до глаз мужчины, как лицо его становилось хмурым и угрюмым: насупленные брови, уныло опущенные уголки губ, переходящие в глубокие морщины, и главное – сомкнутые веки... до той поры, пока не исчезало солнце. Это и была его жизнь. Точнее, настоящая жизнь оборвалась давным-давно. Осталась лишь безликая повседневность – скользкая и серая, как сырая земля под ногами в начале апреля. Почтальоны сторонились здешних мест, обзывая их проклятыми. Соседи не навещали бедолагу, а лишь высмеивали его горестные мучения. И больше всего на свете мистера Джефферсона беспокоило то, что у него нет ни малейшей возможности оставить след после себя, рассказать миру о том, что разрывает душу на части. Но как он жил полвека тому назад? Шумные вечеринки, реки алкоголя, погоня за юбками и нынче преданная забвению тетрадка, в которую темноволосый юнец записывал свои мысли. Так начиналась эта история.

13 июля

«Новый город не так уж и плох! Здесь весело, люди полны задора, в глазах каждого читается интерес к моей персоне. Не зря я бросил чертову дыру, откуда был родом. И кому нужна эта убогая провинция? Нет уж! Нил здесь и готов к новым подвигам! Марк и Терренс со мной. Сегодня на пляже мы повстречали двух удивительных красоток. Светловолосая улыбнулась именно мне. Посмотрите на растяп, которые плелись следом: неужели хоть одна леди посмотрит в их сторону? Я, разумеется, уважаю ребят, но отнюдь не за отсутствие обаяния. Марки умен и хитер, везде пробьется. Мне бы его способность выкручиваться из самых гнусных переделок! А Терри добр и безотказен, у него щедрая душа. Так вот – цыпочка окинула меня игривым взглядом. Ответная улыбка коснулась моих губ. Жаль, номер телефона не попросил. Что ж, как-нибудь в другой раз».

Все бы ничего – живи и радуйся бесцельно потраченным дням, прожигая отцовское состояние, не так давно перешедшее в наследство неугомонному отпрыску. Море удовольствий – целый рай, распахнувший свои ворота перед юным Нилом. Все для него, все ради него, стоит только щелкнуть пальцами! Но сложившееся благополучие начало рушиться. Причиной тому явился дикий, неумный страх. Страх, выключив свет, остаться наедине с противными шорохами и скрипами, пусть то ветер шумел листвой или дверные петли отыгрывались на нервах. Именно по этой причине под рукой всегда находились двое приятелей. Они успокаивали несчастного в момент отчаяния и никогда не покидали его, гордясь тем, что человек такой породы – состоятельный и недостижимый для остальных, протянул им руку помощи и выудил из ямы неудач. Так и пролетала вереница дней: в самозабвенном величии и бесконечных радостях-глупостях, влекущих за собой продолжительные мигрени и пробуждающих тягу к семейному и спокойному, чего Джефферсон отродясь был лишен.

«Даешь вечность в постоянных утех!» – лозунг, приносящий удачу. Трое молодых людей не пытались найти свое место под солнцем, а нагло воровали чужие, выбивая своей агрессивной энергией почву из-под ног окружающих. И в тот момент, когда жажда удовольствий перевалила за грани дозволенного, небеса обрушили на пылкого авантюриста суровое наказание.

24 июля

«Ха-ха, я видел тех девчонок с пляжа сегодня утром около кафетерия! Блондинка сама подошла ко мне и первой начала разговор. Она спросила, откуда я, есть ли у меня семья и почему не взял ее телефон в тот день. Довольно странное тестирование для первого знакомства, но, по-видимому, виной тому изнурительный зной, вскруживший женскую голову. Надеюсь, ее подружка не обидится. Той на меня плевать, даже взгляда не бросила. Вся темная, мрачная, кожа выжженная – видно, на солнце долго пробыла. Зато другая... ну просто ангел! Глаза бездонные, волосы искрятся, как первый снег. Вот-вот бы коснулся, а ведь не позволила! Увернулась, нос вздернула и ушла, к удивлению пригласив к себе на ужин. Я не дурак, чтоб упускать такой шанс».

25 июля

«Собственный дом отчего-то кажется нарочито глухим и жутким. Эти остолопы уже спали, когда я вернулся от той белокурой. Не скажу, что вечер прошел зря, хотя голова трещит, словно в нее молния ударила. Мы выпили прилично, но я не пьян... нет, точно трезв! В танце красавица приставала ко мне с расспросами: чего хочу от жизни, почему до сих пор одинок, кем стану в будущем. Я всячески отбивался, мол, для начала хочется вдоволь насладиться мирскими благами. Зная о том, как представительницы слабого пола клюют на обеспеченных и независимых мужчин, я дал ей понять, что могу себе это позволить. Попытался поцеловать, приблизившись к ее губам, – таким нежным и сладким! Мир вокруг таял, будто ванильное мороженое, а нимфа изящно кружилась, постоянно ускользая от моего взгляда. И в тот момент, когда терпение лопнуло и я ринулся вперед, сжимая чаровницу в объятиях (лишь бы ощутить долгожданный привкус победы), голова вдруг стала тяжелой, а ноги ватными. Кажется, я упал?.. Очнулся уже около родных стен, в машине. Завез ее в гараж. Как добирался домой – не помню. Чувства переполняют до сих пор. Бывают же женщины! Ух, чертовка».

4 августа

«Неважно себя чувствую. Должно быть, болен. Разбил градусник... не к добру. Голова холодная, пульс есть, и на том спасибо. В глазах двоится, словно все вокруг сошло с ума – шевелится и ползет куда-то. В полдень был на улице и заметил, что тень моя ведет себя не менее странно, чем Терри и Марки, которые вдруг решили съехать. Мать Божья! Кормил, поил, выхаживал, как неуклюжих птенцов кукушки, а что в ответ?! С электричеством творится что-то неладное. Накупил свечей. А тень... бывало ли такое с другими? Вот смотришь на нее – повторяет контуры твоего тела точь-в-точь, а как отвернешься, краем глаза замечаешь, будто двигается сама по себе. Неужто ожила? Бр-р-р!.. Вот ведь чушь. На ночь распахну все окна, пусть в доме гуляет сквозняк. Я буду слышать шепот ветра, так проще справиться с тишиной просторных комнат. Надеюсь, завтра балбесы вернуться и мне не придется постоянно ночевать одному».

14 августа

«Прошло десять дней. Чертовы ублюдки! Да, да, да! Ненавижу!!! Они меня окончательно бросили и теперь ошиваются с девицами, которых мы в первый день повстречали на пляже! Я видел всех вместе вчера! Пусть Бог и Дьявол станут им судьями».

18 августа

«Дома жарко. Слишком жарко, душно и нечем дышать. Но самое страшное то, как ведет себя моя тень. Ни намека на жалость и сочувствие с ее стороны. Дразнится, при

свете огня колеблется, обретает причудливые формы. Но тем не менее она единственный верный друг на сегодняшний день. Недавно я прочел роман о завоевателях. А что, одухотворяет. Вселяет силы для новых свершений. Я уже почти готов к ним. Решил своей тени дать имя – Люк. Хожу по комнате кругами, периодически пытаюсь включить свет. Щелк-щелк... щелк-щелк... Есть! Как долго я тебя ждал!!!»

22 августа

«Книги валяются на полу. Лень их собирать, сделаю это завтра. Люк неадекватен. Как только выхожу на улицу, начинает плясать под ногами. Интересно, остальные это замечают? Похоже, я схожу с ума».

31 августа

«Последний день лета. Приходит конец зною, а я все больше времени провожу дома. Счета почти пусты, не знаю, когда успел все растратить. Это чудовищно! Придется устраиваться на работу. Солнце режет глаза... скорей бы оно исчезло».

6 сентября

«Сегодня он заговорил! Что со мной?! Я сидел в кресле за книгой. Блики света обнимали мою голову, отбрасывая ее контуры на паркет. Вдруг мне показалось, что кто-то тихо и вкрадчиво зовет меня по имени. Прислушался. Решил, что непутевые друзья вернулись. Обошел весь дом, выглянул в окно – никого. Тогда бросил взгляд на Люка и вновь услышал этот сдавленный, шипящий звук: «Ни-и-ил... Ни-и-ил». Лег на пол и прислонился к нему ухом. Подумал, может, голос из подвала и это просто чья-то злая шутка, но и там оказалось пусто. Стоп! Снова прислушался. Шепот все-таки исходит от ТЕНИ! Точно рехнулся».

14 октября

«На улице холодно и сыро, автомобиль постоянно вязнет в лужах, полных склизкой грязи. Я устал мыть покрышки. Подрабатываю ночью. Днем теневая сторона мешает, бормочет что-то. Вчера я стал свидетелем невнятного бреда, набора слов: «тело... подарок... навсегда». Самым смешным было услышать «грешник» из уст темного пятна на земле. Да что он знает обо мне, черт возьми?! Ну да, никогда не переводил старушек через дорогу, не снимал котят с деревьев, но это ведь не повод! Завтра все образумится. Надеюсь на это».

15 октября

«Я НЕ МОГ СОМКНУТЬ ГЛАЗ! Он душил меня во сне! Душил!!! Больше в моем доме не будет ни одной лампы! Я разобью их все к чертям, и никто меня не тронет! Я не позволю тебе уничтожить себя!!! Слышишь, НЕ ПОЗВОЛЮ!!!»

Эти строки стали завершением дневника Нила Джефферсона. Полностью лишив себя света, юноша оказался во власти страха. Герой потерял сознание, а в его темные волосы вплелась густая седина, подобно стеблям ядовитого плюща. Утром небесное светило в очередной раз неторопливо прогуливалось по окрестностям. Накрыв замерзшее тело, оно совершило самую волшебную метаморфозу, какую только видел мир.

Около полудня мужчина поднялся и отряхнул колени. Он был спокоен и молчалив, а тень, напротив, неистовствовала и бушевала под ногами. Поначалу Нил не придал этому

ни малейшего значения: он обошел дом, как будто впервые знакомясь с ним, побывал на кухне, на чердаке, пролистал дневник и погрузил его в старый сундук, чтобы никогда больше не доставать, не предаваться ничемным воспоминаниям. Все до единой свечи отправились в подвал, вместе с книгами и ненужной утварью. Теперь мирная обитель отдавала пустотой, но это нисколько не смущало нашего героя.

Люк до самого вечера не мог уgomониться. Нил давал ему последний шанс, пытаюсь выслушать и разобрать невнятный лепет. Ближе к ночи, когда последние искорки тепла прощались с этой стороной Земли и отправлялись навестить другую, Джефферсон понял, что хотела донести до него тень. Слова то и дело повторялись и были, в общем-то, довольно просты: «Верни... верни меня на место!» Улыбка тронула губы седовласого джентльмена, «грешник» – послышалось из его уст. И только по скрипучему, ледяющему тону можно было догадаться, кто сейчас находится в теле ранее борзого мальчишки.

Не спорю, это жестокое наказание. Огоньку надежды неоткуда появиться в дивном особняке, а значит, истинный Нил отныне раз и навсегда лишен права на жизнь по ту или иную сторону света. Теперь виновник полностью во власти своей мрачной стороны. Чем он заслужил такую немилость? Ну, если убийство отца и подделка завещания считаются грехом... К слову, найдите свою цель в жизни, стремитесь к ней, будьте внимательны к окружающим, тогда у вас не будет ни малейшего шанса оказаться в тени более властного хозяина. А как же Терренс и Марк? Те были очарованы незнакомками с пляжа. Будем надеяться, что им повезло больше.

[Навстречу солнцу]

Холодно... сегодня в нашем доме так холодно. Первые деньки осени после знойного лета кажутся едва ли не даром свыше. Ты постоянно подогревал замерзающий огонь наших долгих, трепетных чувств, зная, что я люблю прохладу. Особняк, оставшийся мне как напоминание о том, что мы когда-то были рядом, были вместе, теперь растерянно пустует посреди полей у выхода в бескрайнее море, увенчанного каменистыми скалами.

Я помню день, когда мы переехали сюда, и сейчас, прогуливаясь по веранде, собираю в ладони каждую каплю света, уходящего в путешествие к другой стороне Земли. Он так мягок, так нежен и отливает сотнями жемчужных брызг на моей оливковой коже. Ты любил солнце, бескрайнее небо, тысячи созвездий, за которыми наблюдал при помощи телескопа. Ты любил быть в центре внимания, любил намеки и недосказанности, любил крепкий кофе по утрам, который я с удовольствием приносила тебе в постель. Ты любил интриги и был склонен к изменам, но я все прощала, поскольку не могла иначе и всецело принадлежала одному тебе. Ты любил дворец, замок, что мы общими усилиями возвели на крутом берегу, где жили, пока судьба не разлучила нас. Любил устроиться с газетой в кресле-качалке у окна, умилительно сдвинув очки на кончик носа. А еще ты любил меня, хоть и не мог устоять перед соблазном ухватиться за какую-нибудь молоденькую смазливую юбчонку. Я знала, что любил, иначе бы давно ушел – подобно своенравному орлу вспорхнул над нашим домом и умчался в огненную закатную высь. О, Кристофер... помню тебя, как сейчас.

Тихие шаги вновь нарушают вечное молчание. Я поднимаюсь по ступеням на второй этаж в нашу общую спальню. Ты любил это место, чтил его, как неприкосновенную святыню. Здесь в свое время мы хранили все наши интимные тайны и секреты. И я молилась около дверей этой райской комнаты, когда ты погиб. Я знала, что здесь твоя душа непременно появится, прежде чем покинет мир и окончательно растворится в безбрежной вселенной, хотела, чтобы ты меня услышал, понял, почувствовал в последний раз, и упивалась терпким горем, сжимая в ладонях ткань твоей рубашки, окропленной моими горячими слезами. Я ждала знака, сигнала, поддержки и получила ее в виде легкого дуновения ветра, украдкой прошмыгнувшего сквозь распахнутую форточку. Он

обвил меня холодом, словно воплощая в себе дыхание умершего человека, ведь ты не мог уйти не простившись. Теперь мы были квиты.

Я осторожно переступаю порог и медленно подхожу к широкой постели – на цыпочках, невесомо и легко. Вспоминаю, как сидела у тебя на коленях, как ты гладил меня по волосам – бережно и заботливо. Вспоминаю, как сгребал меня в охапку, устраиваясь поудобней и заставляя почувствовать себя самой крохотной дюймовочкой из когда-либо живущих. Я целовала твое лицо, не пропуская ни одной строгой черточки, шептала что-то и приговаривала. Гладила одной ладонью огрубевшую щеку, другой же обнимала тыльную сторону шеи. Ты нежился в моих объятиях, мурлыкал, расплывался в довольной и приветливой улыбке. А после мы сливались в самом долгом поцелуе, готовом стать началом незабываемой ночи для двоих влюбленных: таких разных, таких особенных, но непременно жаждущих тепла. И каждый стон отзывался эхом, отталкивающимся от гладких стен фисташкового цвета, и каждый жест сопровождался скрипом старых половиц, долгие годы служивших нам верой и правдой. Страсть поцелуев сплеталась с робостью касаний, дерзость мыслей сменялась трогательностью твоего взгляда – преданного, честного и открытого для меня в любое время суток. И так до утра, пока мы снова не начинали жить своей беспечной жизнью в мире, полном несправедливости и печали.

Мы оба верили в судьбу, но отрицали существование любви с первого взгляда. Наша любовь была рождена с первого крика, когда ты сбил меня на дороге, вынудив рассыпаться на асфальт покупки, а я выругалась в ответ, будучи своенравной молодой девчонкой, от которой сейчас у меня остался разве что все еще юный голос – задорный, игривый, такой забавный. Я вновь окидываю печальным взглядом свое отражение в зеркале, возвышающемся над трюмо. Ах, время! Оно вырвало из меня жизнь, вытянуло силой, заставив сгорбиться, прирасти к полу, лишив изящества и грации невинной нимфы, в которую ты был когда-то влюблен. Морщины скрывают красоту лица, прячут ее от целого мира. Но нет времени грустить – в душе я все еще молода и полна сил для совершения подвигов во имя любви к тебе, мой милый.

Вскоре я вышла на улицу, опять миновав лестницу с узорными перилами и предаваясь все новым и новым воспоминаниям, без конца терзающим мой разум. Зеленая трава была еще так свежа и сочна: кто бы мог подумать, что не пройдет и двух недель, как она поникнет и приобретет грязновато-песочный оттенок. Я спокойно и неторопливо брела к конюшне, где в прошлом обитал твой вороной красавец Фицджеральд, которого мы оба так любили. Теперь его законное место пусто, там бродят сквозняки и тот самый холод твоего дыхания, который накрывает все здешние места.

Сегодня удивительное небо – нежно-голубое с золотистыми отливами, ясное и романтическое, на которое хочется любоваться, окунаясь в грезы. Солнце плывет на запад, за ним же улетают стаи птиц – туда, где им не будет так же одиноко, как мне без тебя, Кристофер. Единственным другом остался статный конь, в прошлом несший мою утонченную фигуру со скоростью света по бескрайним полям. Я подошла к нему, коснулась гривы и утонула в ней пальцами. Такой преданный и близкий друг не может отказать своей хозяйке в последней просьбе. Сегодня мы прокатимся с тобой, прекрасный спутник, чтобы взглянуть поближе на чуткое солнце.

Я ловко и осторожно запрыгнула на спину Орфея, предварительно распахнув деревянные дверцы стойла. Навык все еще течет в моей крови, опыт не растерять с годами, как и талант, коли он у вас есть. Мы вышли с конем во двор, он нес меня на своей сильной, мускулистой спине гордо и величественно. Я так давно не была в седле, но все еще ощущаю привкус первых выездов в обществе любимого мужа. Легкой рысью мы помчались прочь от белоснежного особняка, вдаль от воспоминаний и утрат. Холодный ветер мчался нам навстречу, дерзко бил по щекам и путался в волосах. Аромат свежести, листы на деревьях и луговой зелени витал в воздухе, наполняя собой мои легкие.

Никаких препятствий, никаких границ – только линия горизонта, сплошь усеянная остроконечными пиками деревьев. И счастье... такое, о котором можно только мечтать.

У кромки леса я остановила Орфея и прижалась щекой к его шее, слушая, как часто он дышит, а потом подняла глаза ко все еще голубому небу, на котором крохотными огоньками начали проступать первые звезды. Затем, сделав глубокий вдох и проведя ладонью вдоль спины любимца, я приказала ему развернуться в противоположном направлении и тронуться с места. Страх сковывал мысли, вечерний воздух оседал на лице влажными капельками росы. Я знала, что делаю, знала – игра стоит свеч. Скакун набирал темп, слушался меня, позволял указывать путь. Огненное светило, повисшее над водой вдали от дома, с каждым рывком становилось все ближе и ближе. Сердце билось безумно и яростно, разгоняя вновь ожившую кровь по телу пожилой женщины. Мысли путались в голове, а душа рвалась наружу: хотелось кричать, плакать, стремиться навстречу солнцу, и я делала это – летела к такой далекой, но в то же время близкой звезде! Земля сокращалась, океан приближался к нам с невиданной скоростью. Последним словом, что шепнула в порыве чувств Орфею, было доброе и светлое «прости», после чего мы миновали обрыв. Мне осталось только зажмурить глаза, в очередной раз вспоминая лучезарную улыбку Кристофера.

Распахнув ресницы, я поняла, что мы все еще в небе. Падения не было, иначе я бы его ощутила. Конь нес меня по воздуху, летел на невесомых крыльях прямоком к закатному свету. Когда я взглянула на свои руки, то осознала, насколько они прозрачны, невесомы и... молоды? Тяжесть в теле пропала, усталость незримо рушилась вместе с покидающим меня страхом. Когда я обернулась, чтобы окинуть взором дом, виднеющийся вдалеке, то заметила на прибрежных скалах под обрывом тела белоснежного скакуна и старой женщины, отжившей свой век и готовой с ним проститься. Они словно отдыхали, убаюканные вечным сном.

Я снова вспомнила тот ужасный день, когда Фицджеральд, взбесившись, нес моего мужа на верную смерть. Я кричала им вслед, рыдала, но ничего не могла поделать. Их тела лежали на скалах точно так же тихо и спокойно, перед тем как отпустить две души в удивительное путешествие к небесам. Жаль, что я так поздно разгадала эту тайну. Но теперь ничто не помешает нам встретиться. И в тот момент, когда самые светлые мысли забрели в мой разум, на фоне солнечного круга показался знакомый силуэт – вороной пегас, несущий на своей спине прекрасного мужчину, отправившегося встретить меня этим вечером. Да, милый, счастье все-таки возможно. Больше не покидай свою супругу, ведь то расставание, что я пережила, и без того было самым сильным ударом за всю мою жизнь. Увидимся за облаками, так что вперед – наперегонки до седьмого неба! О, Кристофер... люблю и помню тебя, как сейчас.

[Две стороны лжи]

Тридцать три часа, сорок две минуты и пятьдесят одну секунду на ногах не каждый выдержит. А если ко всему прочему не отсиживаться перед экраном телевизора, а брести туда, куда глаза глядят, лишь изредка поглядывая на часы, – изощренная попытка для молодой горожанки, удаляющейся прочь от шумной столицы. Не помню, когда ела в последний раз, что пила и пила ли вообще. Губы потрескались, платье запылилось, а вчера чуть не расплавилось, позволяя жестокому солнцу медленно себя пожирать. Хочется выть от тоски. Есть ли виновные в том, что произошло? Отец – чопорный банкир, Бог с ним. Мать последняя истеричка, сестра конченная дрянь, готовая резво пройти по головам близких людей ради достижения своих эгоистичных целей. Кто еще? Кто у меня был, есть... остался? Приятели, знакомые, соседи – вереница лиц, завешанных натянутыми улыбками, а те словно тяжелые шторы, через которые не пробиться истинному нутру. В печенках сидит вся эта шумиха, кутерьма, надменный театр сотен, тысяч актеров,

облаченных в одинаковые маски. Я не хочу так больше! Свободная душой птица не станет радоваться золотой клетке и когда-нибудь обязательно вырвется на волю.

Представился чудный случай: день рождения главы семейства, торжественная подготовка, терпение, готовое лопнуть в любой момент. Пафосный ресторан, реки алкоголя, коллеги, виновник торжества, а еще его дочь, сбежавшая домой раньше всех и собравшая вещи в надежде поскорее покинуть стены собственного дома. Это было просто, даже слишком. Никто обо мне не вспомнил и вряд ли вспомнит теперь. Мобильный ночевал в мусорном баке, так что я не слышала навязчивых причитаний в трубку и была лишена слезливо-тошнотворных слов прощения, которые, возможно, и не прозвучали бы. Надо было раньше думать, раньше стараться заметить меня, понять, прочувствовать. Им наплевать, так что всеобщая тоска не продлится долго. Сорвав украшения и не взяв с собой денег, я направилась на северо-запад. Туда, где не слышно бесконечного рева двигателей и голосов людей – в мир спокойствия и единения с природой, ее нежности и чуткости, которая будет обращена ко мне одной.

Дорога... длинная, длинная, черт – такая длинная! Поначалу сонно плетущаяся вдоль побережья, а после игриво выглядывающая из-за причудливых деревьев и заставляющая идти по ней, не останавливаясь ни на шаг. Вскоре смрад цивилизации окончательно покинул мои легкие. Там не осталось ничего, кроме чистого кислорода – свежего и лакомого. Автомобили все реже колесили туда и обратно. Я не считала их, различая лишь по цветам. Вот смешная зеленая кроха, похожая на черепашку, а четверть часа назад я видела красную развалину с ободранными крышками. Некоторые водители считали нужным остановиться рядом и спросить, не нуждаюсь ли я в помощи. Неужели так плохо выгляжу?! С синяками усталости в пол-лица и обветрившейся кожей... может быть. Но «скорая» не спасет. Больничные стены не удержат в себе мою печаль. Катитесь все, сама справлюсь.

На второй день отшельничества, около полудня, когда запас сил подходил к концу, я поставила чемодан на обочину и оценила туманным взглядом горизонт – мир моего будущего. Если честно, он был чрезвычайно похож на мир прошлого, так что обернись я вокруг своей оси пару раз, ни за что бы не догадалась, откуда забрела в эту глушь. Совершенно плоская земля, поросшая редкой, выжженной травой. Ясное небо, обволакивающее беглянку со всех сторон. Разразись гроза, молния бы сразу угодила мне в макушку! Но грозы не было, как не было и ощущения ночной свежести на губах, когда даже крохотные светлячки взмывают над полями и упиваются изысканной прохладой. Боже, ну что мне остается? Вернуться назад? Нет уж! Лучше помереть тут от жажды, чем гнить в затхлых фешенебельных апартаментах. Сколько еще ждать, а главное – чего? Еще чуть-чуть, и должен появиться какой-нибудь знак, сердцем чую. Пусть асфальт под ногами треснет, если я сделаю хоть шаг, не дождавшись его. Упрямство – второе счастье.

Судьба, по-видимому, была ко мне благосклонна. Не прошло и пяти минут, как вдали замаячила едва различимая черная точка. Она двигалась медленно, сливаясь с жаром дороги и трансформируясь на глазах. Расплывчатая клякса напоминала то облако густого дыма, то нечто похожее на дрожащее созвездие, ориентир – наподобие Южного креста, только в мрачной гамме. Крупички песка мельтешили перед лицом, тепло ударяло в виски. Хотелось разглядеть замысловатую ниточку, ведущую к спасению. Надеюсь, это не галлюцинация. Рехнуться всегда успею. Символичное чудо увеличивалось в размерах до тех пор, пока не стало похоже на... старый, помятый грузовичок? Да, это воистину «счастливый» случай. Осталось лишь поднять большой палец и устроиться рядом с водителем. Перспектива не так уж хороша, но в то же время приемлема. Остановись подле меня роскошный лимузин, я бы плюнула в лицо шоферу, а тут... Рискнуть? Чем черт не шутит.

Не думала, что когда-нибудь мне посчастливится сидеть рядом с трогательным деревенщиной, зажавшим сухую травинку зубами, и сдерживать себя от неуместного смешка. Баранку сжимал крепкий, мускулистый мужчина лет тридцати на вид. Кожа его

была румяной, чуть обожженной на шее и плечах, выглядывающих из-под лямок джинсового комбинезона. Кружилась голова, поэтому образ был расплывчат и затуманен, но чего я точно не забуду, так это глаза насыщенного болотного цвета с карим отливом. Их глубина представлялась мне тиной, в которой проросло прекрасное дерево, чья кора должна искриться наливной спелостью даже туманной ночью. Наш герой указал на потрепанное сиденье, а затем растерянно и так наивно хлопнул длинными ресницами, что я, несколько не сомневаясь в правильности своего выбора, швырнула вещи в кузов. За окошком мчалась травяная «пустыня», а ветер приятно развеивал волосы, хлещущие меня по лицу, на котором впервые за долгое время появилась улыбка.

– Меня зовут Дональд, – представился незнакомец, – а тебя?..

– Моника. Рада встрече.

– Красивое имя. Французское?

– Не угадал, – протяжно зевнув, простонала я. – Греческое. Хотя какая разница?

– И правда... никакой, – смутился задумчиво сдвинувший брови путник. – Просто ты похожа на француженку.

– Бог мой... Ты, наверное, и француженок-то никогда не видел, я права?

– Видел! Моя мать любила журналы мод, там было много красивых фотографий. Мне особенно запомнилась девушка в голубом берете на фоне Эй... Эйфелен...

– Эйфелевой башни?

– Да, точно. Так вот, ты напомнила мне ее. Наверное, губами... и это платье.

– Не платье, а тряпка. Беспольный хлам, на который потрачена куча шуршащих бумажек.

– Ну-у-у... эта тряпка. Она тебе к лицу.

– Мне на свое лицо даже смотреть страшно, так что немедленно прекрати льстить!

– Но я не вру, честно! Не веришь? – Голос прозвучал обиженно.

– Я уже никому не верю. Извини. Так что там с фото?

– Башня высотой была не больше самой леди, та как бы держалась рукой за ее верхушку. Причудливый снимок, придумают же! – Дон сдержанно усмехнулся. – И как у них это получается?

– Тебя так легко обмануть. – Я откинулась на спинку сиденья и забавно поджала губы.

– Кхм... Не местная? – Громила решил сменить тему.

– Местная. Теперь местная.

– А куда направляешься?

– В никуда...

– Как это? – Взгляд водителя на мгновение стал недоумевающим.

– Можешь высадить, когда надоем.

– Так нельзя, ведь пропадешь одна! Близкие есть?

– Нет. Никого нет.

– В таком случае, – попутчик глубоко вздохнул и в упор посмотрел на меня, – ты ведь не очень много ешь?

Я ответила звонким смехом, который до этого всеми силами старалась подавить. Лучшего не придумаешь. Лучшее – невозможно. Позже эфемерная радость опьянила сознание, веки медленно опустились, и окружающий мир перестал меня интересовать. В итоге проспала всю дорогу самым сладким младенческим сном, а пришла в себя только к вечеру, когда огненный диск коснулся крыши дома, в котором мне предстояло поселиться.

Вывалившись из кабины, я почувствовала тяжесть во всем теле. Хозяин предложил самой осмотреть местность, пока он разгружает покупки. Внутри дома было как-то... уж слишком скромно. Думаю, это лучшее определение. Вроде все то же самое, что и в моем прежнем жилище: кухня, две спальни, отдельный санузел и даже комната для гостей, с одним лишь отличием – не было ни одного предмета роскоши. Жесткие деревянные

кровати, ржавеющий умывальник, тонна пыли в каждом углу и отсутствие привычных картин на стенах. Неужели мы с простыми людьми так похожи, но все-таки такие разные? На заднем дворе находилось некое подобие озера, больше похожее на лужицу, подле которой росла высокая трава. Спуск был пологим, но от этого не менее скользким, видимо из-за илистой почвы. В воде отражался закат цвета золотистых апельсинов, а рядом мило стрекотали кузнечики.

Около дома возвышалась покосившаяся пристройка, в которую, как мне сперва показалось, никто давненько не заглядывал. Дверь висела на одной петле, а сквозняк продувал убогое сооружение насквозь. На толстых гвоздях, кое-как вбитых в ветхие стены, висели рабочие инструменты: пассатижи, пилы, даже огромные садовые ножницы. Повсюду были щели, сквозь которые внутрь проникал тусклый вечерний свет, и только один угол оставался в объятиях сумрака. Я долго всматривалась, пытаюсь понять, что же там находится. В конечном итоге, будучи очень любопытной, все-таки решила пересилить все детские страхи и сделать несколько шагов вперед. С каждым мгновением пульс учащался. Мысленно я настраивала себя на то, что ничего жуткого в сарае быть не может, а времена Фредди Крюгера давным-давно прошли. Сердце стучало словно отбойный молоток.

Коснувшись тени кончиком носа, я облегченно вздохнула, как вдруг кто-то вякнул под ногами. Вздвогнув, я едва не раздавила черного кота, который нарезал вокруг моих ног лихорадочные круги и терся о них своей блестящей шкуркой. Прислонив ладонь к груди, я только и успела перевести дыхание. Внезапно сквозь непроглядную темень начал проступать силуэт. Высокая фигура двигалась навстречу мне, контуры лица становились все отчетливее. Это был мужчина. Постойте... Дональд? Когда он подошел вплотную, я стремительно отпрянула назад. Темные очки украшали его переносицу, а на лице появилась борода. Но когда он успел? Это какой-то бред. Не веря своим глазам, терла их до боли, а человек по-прежнему молча наблюдал за мной.

– Это не смешно! – взвизгнула я. – Что ты тут делаешь? Мы только что виделись, почему ты так изменился?!

И снова в ответ проникновенная тишина, смешанная с легким, почти незаметным гулом ветра во дворе. Когда страх окутал меня от макушки до кончиков пальцев, отрезвлением стал мужской крик, донесшийся из дома: «Моника! Я тут на стол накрыл, иди сюда!» Я мигом выскочила из сарая и присела на крыльцо, чтобы прийти в себя. Прошла минута. Затем две. Разум отказывался анализировать происходящее, катастрофическая усталость сделала свое дело. На кухне меня ждали свежие сэндвичи, черный кот, а еще широко улыбающийся Дон.

– Проголодалась? Знаю, что не густо, но я так старался. Надеюсь, ты оценишь.

– Кто это был? – На моем лице появилось волнение.

– Где? – Дональд развел руками.

– В домике возле озера. Видела там мужчину, безумно похожего на тебя. Только у него...

– Я обхватила пальцами свой подбородок. – В общем, вы все-таки разные.

– А я-то думаю, почему у тебя вид такой встревоженный! Это Родни. Мой брат.

– Вы близнецы? – продолжила я, присев за стол и по привычке схватившись за нож с вилкой.

– Хм-м... да, это так. – Новый знакомый почесал затылок и закусил губу, словно стесняясь этого. Он выглядел не менее взволнованным, как будто собирался поведать мне что-то важное, но не решался. – Я ведь не предупредил, что у меня есть родственник. Я вообще тебя ни о чем не предупреждал, но ты ведь не в обиде, верно? Он странный немного. К тому же слеп. Ты только не беги от нас! Зла бедолага еще никому не причинял. Сидит в своей конуре, как крот. Боится из нее выползти. Но когда выходит, становится другим человеком, понимаешь? Это темнота на него так действует. Мы были у доктора, тот сказал, что у Родни маниакально-депрессивный синдром. Но я отказываюсь верить в байки для слабаков. Он сильный, выдержит.

– И давно с ним такое? Это опасно для окружающих?

– С рождения, сколько себя помню. А опасности нет, говорю же. Иначе я бы давно был трупом, – усмехнулся мой новый приятель, запирая на засов черный ход. – Не ходи к нему. Так будет лучше.

– Хорошо... – только и смогла вымолвить я. – Почему ты не ешь? Вкусно ведь.

– Я не голоден. Может быть, позже.

С этими словами Дональд вышел из-за стола и по-свойски подмигнул напоследок. Ночь уже завладела окрестностями, и сразу же после трапезы я отправилась в свою комнату, чтобы отжаться во власть Морфею. Всю ночь мне снились кошмары. Главным из них был тот, в котором я попала в огромные песочные часы. Воздух заканчивался, а время все капало и капало мне на голову. В стеклянных стенках сосуда отражалось мое лицо. Оно двоилось, множилось, губы шевелились, с разными интонациями ругая виновницу родительских мигреней. Проснувшись в холодном поту. Больше никакого недосыпа!..

Летние деньки поочередно накрывали этот уютный уголок мира, в котором было все для счастья. Календарные листки летели к остальному мусору. Единственным минусом была та самая пристройка, которую я поначалу старалась обходить стороной. Периодически мне приходилось оставаться вдвоем с Родни, когда главе нашего странного семейства нужно было уехать за продовольствием. Тогда я не решалась приблизиться к покосившемуся убежищу, но, в конце концов, интерес был слишком силен и в один прекрасный миг выплеснулся наружу в виде моего наглого вторжения на чужую территорию. К удивлению, внутри было пусто. Мрачный угол находился в глубине за кипой картонных коробок из-под всякой утвари. Там не было ничего, кроме деревянного табурета и начатой пачки сигарет, лежащей на нем. Вскоре крик друга послышался со двора, и мне пришлось незаметно выбираться.

Страх и желание коснуться чего-то запретного граничили во мне невероятно тесно. Хотелось знать, кто скрывается под очками, насколько братья разные. В Дональде я замечала много примечательных черт: он двигался с особой медлительностью, был сутуловат, но при этом очарователен и жизнерадостен. От звука его шагов сотрясалась земля. Наше знакомство стало чем-то светлым, добрым. Мы часто разговаривали. Не скажу, что была конкретная излюбленная тема – все, что ни попадалось нам на глаза, становилось поводом для обсуждений. Все, кроме сарая. Эту тему мужчина всячески обходил стороной, оно и понятно – не каждый сможет с привычной улыбкой рассказывать про калеку-брата. Мне почему-то казалось, что они очень близки не только по крови, но и по духу, даже несмотря на то, что Родни я видела всего единожды. Вокруг нашего поместья витала атмосфера тепла и любви к ближнему, и это меня чрезвычайно радовало.

Пары месяцев не прошло, как округ настигла череда проливных дождей. Хорошо, что я в свое время убралась с той пустынной дороги, иначе сейчас пришлось бы несладко. В засухе тоже были свои плюсы, теперь же стрекот кузнечиков заменило лягушечье кваканье. Жабы парами выпрыгивали из озера, которое увеличивалось на глазах. В один из пасмурных вечеров Дон предупредил меня о том, что у Родни началось обострение болезни. Сказал, чтобы не тревожила его, не беспокоила. Но сердце мое было полно сожаления – хотелось утешить несчастного или хотя бы поведать. Я, как уже повелось, послушалась друга и незаметно выбралась из дома, тотчас очутившись на месте. Дверь все так же колыхалась на ветру, а внутри царило спокойствие, и даже молотящие по крыше капли дождя не нарушили дивную ауру. Родни снова не оказалось. Новая пачка сигарет лежала на том же табурете. Единственным, что меня удивило, стало отсутствие одного из предметов на гвозде возле входа. И именно оно стало для меня роковым.

Вечером, зайдя к себе в комнату, я сбросила старый комбинезон, позаимствованный у Дональда, и, облачившись в ночную сорочку, выключила свет, стараясь на ощупь найти путь к постели. Забравшись под одеяло, я укуталась в него, но матрас оказался особенно жестким. Нехотя встав и просунув распахнутую ладонь между ним и простыней, я с ужасом нащупала там садовые ножницы, не так давно исчезнувшие из каморки Родни. Их

лезвия от кончиков до основания были влажными, холодными и во мраке отливали черным цветом, будто измазанные нефтью. Нетрудно было догадаться, в какой цвет они окрасились, когда я резко ударила по выключателю.

Руки дрожали, разумом я понимала, что нельзя кричать. Бросив инструмент на кровать, босыми ногами я спустилась по ступеням, пытаюсь тихо позвать друга и удостовериться в том, что он жив. Дождь лупил по гладким окнам, вокруг было темно, хоть глаз выколи. И лишь силуэт на стуле заставил меня боязливо обхватить замерзшими пальцами шнурок, тянувшийся от настенной лампы. Дональд сидел, склонив голову над поверхностью стола. Его глаза были закрыты, а щеки и белая майка оказались сплошь усеяны кровавыми брызгами. Рядом валялась начатая пачка сигарет. Это была последняя капля. Я ринулась за брошенными ножницами, но они в буквальном смысле исчезли. Кровать же была аккуратно застелена.

Голову разрывало на части. От волнения ноги отказывались меня слушать, а перед глазами то и дело вспыхивали образы из снов: мое лицо, его копии, неустанный шепот губ. Добравшись до кухни, я заметила, что стул пуст, нет и следов крови вокруг. Неужели это огромная, пульсирующая в моем мозгу галлюцинация?! Выбежав на улицу и стоя под проливным дождем, я впервые закричала изо всех сил так, что казалось, стекла вот-вот треснут в рамах. За спиной послышались чьи-то шаги. Это была судьба, встречи с которой я боялась больше всего на свете.

Когда я обернулась, то заметила в руке Родни ножницы. Дождевая вода смывала с них кровь, та стекала на землю, впитывающую все до последней капли. Сумасшедший кричал что-то про брата, в его бреду я едва могла разобрать отдельные слова. Стена воды с шумом накрывала наши тела. Убийца твердил о том, что все это нереально, что он – мое внутреннее «я», мрачная сторона, погубившая и вытеснившая светлую. Самое ужасное, что я ему верила. Шелест влажной листвы стал просто невыносимым. Не выдержав напряжения, я бросилась к озеру, решив уничтожить темную сторону вслед за невинным Дональдом, и, поскользнувшись у самого берега, полетела в омут.

Спустя некоторое время полиция вышла на мой след, волнение родителей оказалось сильнее предрассудков. Бездыханное тело вынесли из воды под истошный вопль матери. На этом инцидент исчерпал себя, только мелочи могли напомнить о нем: деревянный табурет, очки и кусок щетинистой материи, рядом с которым величаво возвышалась баночка театрального клея.

[Решающий выбор]

Жизнь моя проходила в дачном поселке, на севере которого протекала бурлящая речка. Через нее был перекинут тонкий мост из хлипких деревянных балок. Его небольшая высота с лихвой компенсировалась глубиной и резвым течением потока. Люди обходили это место стороной, боясь оступиться и угодить в темную пучину, ну а мне нравилось там бывать, особенно ночью, когда лунные блики, просачивающиеся между ветвями деревьев, касались кромки воды и играли с ней, шипя и мерцающая голубоватыми искрами.

Обычно я с радостью наблюдала за тем, как соседские ребята приезжают погостить на летние каникулы в свои загородные дома. Когда-то мы весело играли во дворе, бегали по узким улочкам, покрытым утрамбованным песком и мелкой галькой, резвились и чувствовали себя свободными. Но с приходом августа молодежь уезжала, оставляя меня в компании сварливой тетки и дворового пса. Так повторялось каждый год. Не было ни одного человека, кто бы не знал меня, кого бы я не знала, но счастья от этого не прибавлялось.

Мир вокруг взрослел, люди менялись, неторопливо плелись времена года, уступая друг другу вакантное место за моим окном. Дети вырастали и обретали вольную жизнь за пределами нашего поселения – в городе... там, куда мне не было дороги. В конечном итоге

они перестали навещать тихий уголок природы вдалеке от шумной цивилизации, а я осталась наедине со своими мыслями и обидами.

Утром царевна Несмеяна, днем Золушка, а вечером принцесса на горошине. Ворочаясь в постели, я ночами не могла сомкнуть глаз: то в жар бросит, то в холод, то кошмары мучают. В них не было жутких монстров и чудовищ – моим главным страхом стала пустота. Я боялась выйти на улицу в один прекрасный день и понять, что нет вокруг ни одной живой души, что целый мир предал меня забвению и рухнула надежда на счастье, пусть даже самое крохотное. Я боялась правды. Школа кончилась, а что дальше? Ни связей, ни друзей, ни любви. Ничего нет! Тетка бы ни за что не отпустила меня от себя – всю жизнь держала на коротком поводке и дальше держать будет. Кто пол протрет, когда ее радикулит прихватит? Кто грядки вскопает и сорняки выдернет? Кто посуду помоем да за водой сбегает? Это и были мои суровые будни. Зимой посиделки у печки с какой-нибудь старой книгой поднимали настроение, но чуть только наступала оттепель, как беды рушились на девичьи плечи.

Иногда я сбегала из дома за полночь, стараясь незаметно прокрасться мимо обветшалой будки и не потревожить ее хозяина, который тотчас поднял бы лай и разбудил мою «надзирательницу». Я опасалась ее гнева и не хотела нарваться на неприятности, поэтому была быстра, словно ветер, и легка, будто снег.

На мосту царил воодушевляющий покой. Странно, но там я не чувствовала себя никчемной и покинутой – вода любила меня, а также тихие песни и лепестки ромашек, что подчас были брошены мною на поверхность, покрывающуюся мелкой рябью. Река никогда бы не сделала больно, не ранила бы, не тронула. Часто я сидела на шершавой поверхности деревянных перекладин, глядя в темно-синюю даль и мечтая о чем-то далеком и призрачном. Но к утру все фантазии рушились подобно карточному домику, а пронзительный крик петухов отрезвлял дремлющее сознание, вынуждая бросать все и бежать домой сломя голову. Я, как уже повелось, забиралась в постель, накрывалась одеялом с головой и сладко досыпала последние минуты перед началом каждодневной каторги.

Время отнимало силы. Я отдалялась от мира, забывалась, тонула в своих грезах. От рутины голова шла кругом, вечные замечания и упреки стояли поперек горла. Окружение меркло, всевозможные цвета сливались в один тускло-серый – цвет отчаяния, которое затягивало петлю на моей шее. Однажды опекунша застучала меня перед очередным побегом. До сих пор помню то, как забилась в угол и героически, молчаливо терпела новые и новые удары. Больше я не посещала свои любимые места, а тучи сгущались над головой, заставляя бояться будущего или того, что его вовсе может не быть.

Терпение лопнуло в дождливую майскую полночь. Я просто отказалась от привычных работ, устроила забастовку, за что получила угрозу быть выгнанной из дома. Что ж, извольте-с – лучшего наказания не придумаешь! Когда родственница осознала серьезность моих намерений и заметила, как упаковываю вещи в рюкзак, то закрыла двери на засовы и перегородила выход. Разумеется, ее слова были обыкновенным блефом, но меня такой расклад явно не устроил. Побежав к окну, я распахнула створки настежь и мгновенно очутилась на улице в одной только ночной сорочке и ступила босыми ногами на влажную землю, утопая в ней и замедляя тем самым свой бег.

Разозлившаяся старуха спустила с поводка пса, который славился вздорным характером, цепкой хваткой и слабым умом. Тут у меня словно открылось второе дыхание: я мчалась, неслась по песчаной дороге, царапая ступни, стонала от боли и давилась слезами. Скрывшись за поворотом, я чувствовала, как злобный ротвейлер мельтешит по улицам, выискивая меня. К счастью, дождь спутал все мирские ароматы, и лохматый зверь растерялся, уныло опустив голову, и направился домой. Я понимала, что не могу вернуться... Оставался лишь один путь.

По мокрой дороге я брела на реку, впитывая в себя сырость земли и ее гнилостный запах. Бурлящий шум был слышен издали, в ту ночь поток был особенно сильным.

Подойдя ближе, я любовалась безумством стихии, кричащем о желанной, неведомой свободе. Вскоре мне удалось подняться на мост и обхватить руками ветхие канатные перила, чуть склонившись и готовясь слиться с волнами в единое целое. Они омывали стволы деревьев, скользили по зеленеющей траве, а брызги отлетали в стороны с огромной силой, окропляя мое лицо и смывая с него соленые капли печали. Всего один миг – миг до вечности, до сладкого забвения.

Сомнения переполняли душу. Я разрывалась на части между жаждой жить и жаждой избавиться от боли, терзающей сердце. Внезапно с берега прозвучал чей-то крик: «А ну-ка стой!» Незнакомый мужчина мчался под дождем. С его волос по лицу струились прозрачные ручейки воды. По хлипкому мостику он двигался навстречу мне, внезапно остановившись на расстоянии нескольких метров:

– Ты что задумала?! Не делай этого!

– Я должна... Ты ничего не понимаешь! Иди своей дорогой! – Глаза вновь застелила слезная пелена.

– Глупая! Ты ведь одумаешься, да поздно будет. Одумаешься, когда вниз полетишь, когда воды коснешься, в последнюю секунду. Потом не вернуть ничего назад. Молодая девчонка, красивая – все впереди! Дай мне руку, а после расскажешь о том, что стряслось.

– Молодой человек протянул мне ладонь.

– Не одумайся! А если и одумайся, то даже понять ничего не успею – разобьюсь о подводные камни и поминай, как звали!

– А кому ты хуже сделаешь?! Не себе ли? Избавиться от бед решила? Так у всех они есть, просто разные. Людям на то голова и дана, чтобы анализировать свои неудачи, пытаюсь найти выход!

– Да не нужен мне выход! Выход в реке, в воде, что так тепло ко мне всегда относилась! Уж она-то не бросит, так что уйди и оставь меня, иначе сам, небось, поскользнешься и рухнешь вниз, а тебе оно не надо.

Вдруг в одном из домов на правом берегу загорелся свет, оттуда выбежала девушка моего возраста. Она держала маленького мальчика за руку и была взволнована:

– Саша! Са-а-ашка!.. Что ты творишь?!!

– Уведи сына в дом и сама ступай! Я скоро приду, – ответил отец семейства и снова повернулся ко мне. – Дурочка, ну дай же мне руку! Я тебя вытащу, спасу, все хорошо будет. А если не дашь, то я за тобой прыгну!

– С ума сошел?! У тебя семья! Иди, говорю!

Александр не слушал. Он сбросил куртку и сапоги, а после отогнул канат и двинулся ко мне по бортику:

– Иди сюда! Поймаю, не упадешь.

– Я спрыгну, если ты еще хоть шаг сделаешь!..

– Выбирай: жить сейчас или передумать, когда будет слишком поздно.

Пальцы спасителя коснулись моего запястья. Он посмотрел на меня самым чистым и ясным взглядом из всех, что я когда-либо видела. Мне захотелось довериться этому человеку, стать ему другом. С каждым мгновением вера наполняла меня изнутри, заставляя рождаться заново. Невидимые крылья выросли за спиной. Оторвав руку от перил, я вложила ее в Сашину ладонь, но стремительный порыв ветра нарушил равновесие, и мы сорвались вниз, обняв друг друга. Я прижалась к сильному телу, поймав последний глоток воздуха перед тем, как раздался истошный детский крик: «Папа!»

Сияющие звезды пролетали перед глазами. Я тянулась к ним, но никак не могла поймать, собрать и оставить на память о последнем моем путешествии к реке. Лунный свет открывал новые горизонты, тело замерзло, а дыхание замедлялось до тех пор, пока сквозь туманный сон не начали проступать очертания реальности – белый потолок, яркие лампы и две пары испуганных глаз.

Когда я очнулась, боялась пошевелиться. Не верилось, что жива. Странно, но первая мысль, промелькнувшая в моей голове, была наполнена настоящим счастьем.

Человек в белом халате сообщил, что я в городской больнице и со мной все будет хорошо. На вопрос о том, что произошло, пришлось ответить уклончиво, мол, в такую непогоду с кем угодно могло случиться подобное. Медсестра лишь скептически покачала головой. Доктор обследовал меня и уже было собрался уходить, но неожиданное воспоминание о спасителе пронзило мой разум:

– Где он?!

– Кто? – спросил врач.

– Саша!

– Ах... Александр. Нам не удалось его...

– Найти? Но мы же вместе падали, он должен был быть неподалеку!

– ...Спасти. Нам не удалось его спасти.

Люди вышли из палаты, оставив меня в привычном одиночестве. Никогда мне не было столь тяжело: ни побои тетки, ни лай сумасбродного пса не отравляли мою жизнь так, как эти слова – последние и самые горькие на свете. Время не повернешь вспять, пути назад смыты волнами реки, которая никогда бы не причинила боль мне, но отняла жизнь у человека, готового делить ее с другими. Так просто сделать решающий выбор между слагаемыми «жить» и «передумать». Отныне я распоряжаюсь обоими, но никто не обещал, что сумма их будет равна самому светлому и долгожданному – счастью.

[Шелест струн]

Я стоял не шевелясь, не дыша, прислонив ладонь к безжизненно холодному стеклу. Дыхание было так степенно, неторопливо. За окном простиралась поросшая сочной зеленой травой дорога, уходящая в зыбкую даль. Калитка трепетала при малейшем касании ветра, колыхалась из стороны в сторону, заставляя меня считать ее томные вздохи. Я наблюдал за тем, как ветви старых кленов сплетались, играючи и откровенно даруя друг другу нежные объятия. Самый конец лета всегда казался мне чем-то обыденным, посредственным, совершенно невзрачным, но только сейчас я осознал всю его трогательную прелесть, ощутил последнее дыхание тепла, прилетевшее ко мне со сквозняком из настежь распахнутой форточки.

Природа медленно гасла ближе к вечеру, усталое солнце нежилось в прохладе, настигшей его после грозы. Моему взору предстало воистину необыкновенное небо: не яркое, но и не серое, хмурое, но с оттенками августовской голубизны, нанесенной на тонкое воздушное полотно жирными неуклюжими мазками. Стоит немного подождать, и вот – эти мазки сольются воедино, превращая небесную материю в тусклую и невзрачную бархатную ткань, отделяющую меня от красоты заката. Это не настоящий цвет неба, настоящий не похож на этот – созданный из мельчайших капелек воды, из пара. Но, несмотря на ощущение замкнутости, будто все мы под одним огромным плотным куполом из блекло-синих облаков, кто-то может найти изысканную красоту и в этом небе... И этим кем-то являюсь я. Губы едва заметно подрагивают, тепло постепенно разрастается в глубине души – там, куда ранее не пускал ни одного человека на всем белом свете, кроме...

Пронзительный стон гитары за спиной заставил меня вздрогнуть. Приятная нега тронула мое плечо и, медленно тая, растекалась по спине и груди – к упругому торсу и самому сокровенному, разжигая во мне невесомый огонек желания. Еще один отзвук, и еще один... Волны тепла сковывают меня в свои объятия, шелест струн бережно ласкает слух. Что это?.. Наваждение, сладостная истома, прилив самых нежных чувств... Внезапно строптивый музыкальный инструмент замолк. Я слышал лишь слияние теплого дерева со стеклянной поверхностью стола. Размеренные шаги... Жажда поскорее почувствовать человека, научившего меня любить и быть преданным всем сердцем, разгорается внутри, так и норовя выплеснуться наружу сладостным вздохом. Я жду тебя, жду здесь и сейчас в надежде поскорее утонуть в океане твоих дивных глаз цвета янтаря, раствориться в твоих

крепких объятиях, любить, обожать тебя одного, вдыхать полной грудью аромат твоих волос, твоей мраморно-бледной кожи. О, Рон, я мечтаю о ласке твоих сильных рук. Слышишь... Люблю тебя.

Замечтавшись, я не заметил, как с моих губ сорвалось несмелое признание. Боже, он это слышал! Застенчивый румянец тронул впалую линию скул и гладкие щеки, заставив меня понуро опустить голову. Чья-то тяжелая ладонь накрыла мои запястья, скрещенные на поясе. Тонкие пальцы слегка сжали их, затем опустились ниже, к кромке брюк, едва скользнув под них самыми кончиками. Я прикусил губу, пребывая в волнительном ожидании следующего действия. Другая ладонь мужчины коснулась моего сердца. В тот момент я почувствовал себя скованным, пойманным в капкан, а любимый прижал мое тело к своему, не позволяя бежать... Горячие губы едва коснулись моей шеи, дыхание приятно щекотало кожу, покрывшуюся сотнями мурашек. Я погрузился в фантазии и мечты, полностью затмившие собою здравый смысл, но тихий шепот вернул меня на Землю:

– Энди... сегодня ты слишком напряжен. Что-то не так? Быть может, дело во мне?

– Ты – единственное, что заставляет мое сердце биться чаще. Все в порядке, просто так сильно... – Не успел я договорить, как жар прилил к лицу, и оно вновь порозовело. – Скучал по тебе все это время.

– Я тоже скучал. Очень. Но теперь мы снова вместе, ничто не потревожит наше тихое, размеренное счастье, правда? – Голос Рона звучал ободряюще и вселял надежду.

– Разумеется.

Больше я не вымолвил ни слова. Соблазнитель коснулся изгиба шеи кончиком носа, заставляя меня смущаться и краснеть, подобно растерянному первокласснику. Я взял его ладонь в свои руки и осторожно поднес ее ко рту. Оставляя на подушечках пальцев ласковые поцелуи, то и дело игриво обхватывая их губами, я почувствовал, как скованность покидает тело вместе с запретами, оставившими мой дом. Мы простояли в полной тишине несколько мгновений, пока любимый не вынудил меня повернуться к нему лицом. Меня влекло к этому сильному, мужественному человеку, восхищение вязкой пеленой застелило мои глаза. Я медленно расстегнул одну пуговицу на его рубашке, за ней последовала другая. Вскоре ненужная ткань была спущена с плеч, я же приник к коже сладкими поцелуями, вынуждая Рона закрыть глаза и обхватить мою голову ладонью, перебирающей пряди каштановых волос на затылке. Вскоре мужчина схватил меня за футболку и притянул к себе: мы слились в самом яростном, дерзком, но от этого не менее чувственном поцелуе. Влажные касания языка, звучные причмокивания, стон, ненароком вырвавшийся из груди, – и молния на брюках треснула по швам от переполняющего меня желания. Его ладонь коснулась эпицентра возбуждения и сжала его с необыкновенным трепетом, ритмичные движения неторопливо набирали темп, распяляли мою плоть, заставляли тело гореть от страсти. Мои шаловливые пальцы преодолели преграду в виде его джинсов и коснулись упругих ягод. В голове вертелись самые пошлые мысли: я мечтал, чтобы он поимел меня хотя бы раз!..

Я приблизился к пику... Горячие губы Рона, его прикосновения, буря эмоций, шквалом накрывшая глупого и несмышленного мальчишку, подчинившегося власти доминирующего любовника. Тепло внизу живота нарастало, хотелось закричать от удовольствия, и в тот момент, когда сдерживаться уже не было сил, Рон... внезапно прервал свои ласки и тихо прошептал:

– Энди, мое наивное дитя. Ты изумителен, прекрасен, нежен и таинствен. Это побуждает меня возвращаться к тебе снова и снова. Но сейчас я должен уйти. Прости и не держи зла,

– любимый голос был полон неподдельного восторга. – Я вернусь. Обещаю.

– Но... как же так? Почему ты уходишь именно сейчас?! – недоумевал я.

– Тебе же интересно знать, что будет дальше?

– Безусловно, да!..

– В таком случае дождешься. До скорого, милый.

Шум удаляющихся шагов нарушил мое растерянное молчание. Рон покинул меня. И так уже не в первый раз. Одернув футболку, я приблизился к окну, вновь приложив к замерзшему стеклу ладонь. Высокий музыкант миновал скрипучую калитку и обернулся. Я помахал ему рукой, совсем не ожидая ответной реакции, зная, что он, несомненно, вернется. Он возвращался уже триста шестьдесят пять дней подряд на протяжении нескольких лет. И каждый раз искушая и соблазняя меня, снова оставлял в одиночестве, прекрасно понимая, что я буду ждать – взволнованный и покинутый, буду ждать следующей встречи с большим благоговением, надеясь когда-нибудь вкусить запретный плод удовольствия и счастья, ставшего бы для меня высшей наградой. Он все прекрасно знал... А я вновь наслаждался пейзажем, одинокими силуэтами утопающих в ночи деревьев и скрипом калитки, считая каждое ее колыхание, отделяющее меня от нового свидания с близким человеком, играющим на моем измученном ожиданием сердце, словно на гитаре, шелестя струнами одинокой юношеской души. Слышишь... Люблю тебя. Люблю, а значит – все прощу и навеки останусь твоим наивным Энди, не спускающим глаз с горизонта.

[Сближающая реальность]

Мой муж ужасно ревнив. Хитер как лис, упрям как осел, брутalen, словно дикий, необузданный вепрь. По части жестокости может конкурировать с самим дьяволом, да и претенциозен явно не в меру. Наш брак длился два года. Поначалу они казались дивной сказкой, в которой юная принцесса нашла гордого и заботливого покровителя. Как это ни прискорбно, время не соизволило пощадить наши чувства. Представьте, что каждый плюс совместной жизни похож на радужный мыльный пузырь. Все они кружат вокруг свитого молодоженами гнездышка, переливаются на солнце и радуют счастливую пару. Но внезапно один сожрала газонокосилка, другой забрел на веранду и разбился о стекло, а третий и вовсе усердно раздувался до тех пор, пока не лопнул от натуги. Люди разные: серьезные и забавные, ранимые и толстокожие, занудные и веселые. Вот и мы нашли себя слишком разными, словно не были никогда половинками одного целого, наивно заблуждаясь и рисуя в своем воображении идеалы, которых на самом деле не существует. Любовь была, потом остыла, словно уголек в горстке сухой залы. Как ни пыталась я дуть на него, как ни согревала ладонями... все без толку. Первая мысль была о том, что быт разрушил наш мир, мир единения противоположностей – мужского и женского эго. Хотелось плакать, бесконечно сморкаясь в любимые простыни, подаренные родителями на годовщину свадьбы. Я убегала от проблем, тоскуя на плече лучшей подруги, но и она ничем не могла помочь. Обреченность давила со всех сторон, родные места отдавали холодом. Не хотелось возвращаться, подниматься по лестнице на второй этаж и заходить в спальню. Я боялась встретиться глазами с человеком, успевшим стать для меня всем. Но из двух зол выбирают меньшее, правда? Жизнь с ним казалась просто невыносимой. За все время, что помню любимого, тот ни разу не произнес грубого слова, не упрекнул и не оскорбил меня, боясь обидеть. Наши проблемы основывались на отчуждении, скованном ледяной сдержанностью: Рей молчал, а я еще больше замыкалась в себе, так и не сумев выплеснуть накопившийся гнев. Развод, бумаги, мудреные подписи, поставленные шариковой ручкой. Мы такие сложные. От этого возможность понять друг друга сводилась до минимума. А ведь когда-то мужские кисти с длинными, ловкими пальцами казались самыми нежными, самыми любящими... моими. Осознание того, что скоро эти сильные руки будет целовать другая, душило на пути домой. Осталось лишь собрать шмотки, а потом вернуться туда, где некому готовить кофе по утрам и некого будить чутким, трепетным шепотом. Я устроилась на заднем сиденье автомобиля и старалась не смотреть на водителя, в прошлом готового разрушить горы и бросить их осколки к моим ногам. Выражение лица экс-супруга было спокойным и сосредоточенным. Он, как обычно, соблюдал правила

дорожного движения и не выпускал разноцветные огни светофоров из виду. Стоило бы мне бросить взгляд на зеркало, в котором отражались два изумительных карих глаза, они бы тотчас ответили взаимностью, а это, несомненно, еще одна ненужная капля горечи в конце нашей светлой истории.

Правильные скулы украшала трехдневная щетина, идеальные губы обветрились и потрескались с тех пор, как лишились моих поцелуев. На манжетах рубашки не было запонок, которые я подарила ему на день рождения. Он вычеркнул меня из жизни, а последняя совместная поездка стала мучительной дорогой к эшафоту, когда предчувствие конца страшнее, чем он сам. Я нервно теребила подол юбки и утопала в аромате мужского парфюма, что витал вокруг и невидимой пеленой оседал на коже. В последний раз.

Соседи только ушли обедать, вокруг особняка не было ни души. Робкое весеннее тепло, проникающее в салон, убаюкивало меня и всячески пыталось расслабить. Рейнольд любезно распахнул дверцу и позволил даме покинуть временную темницу, а затем достал ключи и, неторопливо ступая по вымощенной гравием дорожке, ненавязчиво перекидывал их из одной руки в другую. Вскоре мы оба оказались в гостиной. Роскошный диван был сдвинут к северному окну, посреди на ковре стояли картонные коробки – множество одинаковых емкостей для моих платьев, вазочек и побрякушек. Мужчина указал на самую большую и кивнул, я же побежала наверх, стараясь стереть слезы с глаз, дабы их изумрудный цвет не потерял былой красоты и насыщенности. Уж если расстаемся, пусть запомнит меня красивой.

Поначалу я выносила вещи и складывала их на полу для того, чтобы потом аккуратно упаковать. Выглядело это довольно глупо: любая другая взяла бы коробки с собой, а потом уговорила бывшего мужа по старой памяти отнести их на первый этаж. Но я не хотела никого напрягать, решила повозиться сама. Позвонила папе и попросила заехать за мной на своем фургончике. Рей тем временем снял пиджак и уселся возле камина, чтобы лишний раз посмеяться над моими странностями. Налив себе коньяка, он тихо и спокойно наблюдал за маленьким сумасшествием брошенной женщины.

В комнате практически не осталось свободного места. Весь пол был захламлен одеждой и всякого рода приятными мелочами, что напоминали мне о первых порах нашего знакомства. Утонченный шатен косился исподлобья, бессознательно собирая кожу на лбу в морщинки. Губы Рейнольда изогнулись в колючей ухмылке. Поначалу я терпела, стиснув зубы, но напряжение между четырьмя стенами медленно нарастало. В конце концов из женских уст вылетела едкая колкость:

– Если так радует факт моего отъезда и ты хочешь поскорее с этим покончить, мог бы собирать вещи сам.

– Мне не послышалось? – Глаза обидчика округлились, а брови приподнялись над ними, окончательно превратив кожу лба в доску для стирки белья. – По-моему, в том, что произошло, истинно нуждалась лишь ты одна. Только не нужно споров и выяснения отношений. Знаешь ведь, что я этого не переносу.

– Как ловко ты снимаешь с себя ответственность. Мне бы твою скользкость. – Мягкий женский голос стал неожиданно скрипучим. – Я виновата в том, что любовь прошла, счастье убежало ночевать к другой сладкой парочке, а в сердце благородного рыцаря отключилось отопление. Конечно, будь по-твоему.

– Милая, ты так ничего и не поняла. Ах, этот несносный девчачий вздор! Упрекаешь в холодности, прежде чем встать в позицию мудрой женщины и посмотреть на себя со стороны.

– Не спорю, мне всегда это давалось с трудом, – прошипела я, сворачивая любимый сарафан трубочкой и заталкивая поглубже в коробку. – Что – выразила обиду, указала на главный недостаток и тем самым тебя оскорбила? То-то же! Надеюсь, другие женщины не будут в отношениях с тобой так слепы.

– Тебя ли должны волновать мои будущие пассии?

Впервые за время нашего разговора я обернулась. Рей сидел в кресле и испепелял меня взглядом, задумчиво прикусив кончик большого пальца. Обручальное кольцо до сих пор украшало его руку, как и мою. Видимо, мы были слишком заняты формальностями и не обратили на это должного внимания. Вопрос привел меня в замешательство. Сегодня развелись, всего пару часов назад, а он уже считает себя полностью свободным – невиданное неуважение ко мне, пусть бывшей, но от этого не менее любящей! Да как он смеет, как он может... за что? Знакомый баритон вернул меня к действительности:

– Мы же вольные птицы, нас уже ничто не связывает. Почему ты до сих пор не можешь отпустить прошлое? – Казалось, что он даже забывает моргать, ожидая ответа.

– Я просто не могу, не хочу и не буду этого делать. Потом оно отпустит меня само. Всему придет свое время, не торопи события. Ты слишком умен, чтобы не понять меня, так что не устраивай допрос и замолчи. Ведь так любишь тишину.

– Мне надоело молчать. И так всю жизнь молчал, черт побери. Всю свою никчемную жизнь... – Рейнольд закрыл глаза ладонями и медленно скользнул ими до самого подбородка, стирая следы утомленности со своего лица.

– Не лучшее время откровенничать и анализировать прошлые ошибки. Что сделано, то сделано. Терпи.

– Что значит – терпи? Что... это... значит, мать твою?! – Мужчина поднялся с кресла и осушил бокал до дна. – Неужели тебе наплевать? Неужели не важно, где, как и почему мы погубили то, что так чудесно начиналось? И я холоден? Разве я?! Да ты была стервой, стервой и осталась. Ни один мускул не дрогнул, бледная как смерть, еще и с претензиями – как будто я виновен в том, что ты теперь одна.

– И у тебя хватает наглости пичкать меня этой ересью? – Я стремительно приблизилась к высокому человеку и ткнула в его грудь пальцем. – Думаешь, я не переживаю? Думаешь, мне все равно?! Да, теперь одна, теперь свободна и от тебя, и от обязательств, и от нелепых упреков, которые почему-то появились именно сейчас. И мне плевать, что ты чувствуешь! Плевать, потому что обида и боль, что испытываю я, превосходят все твои скудные эмоции, вместе взятые! Хватит, Рей, я устала от всего: от этого дома, этой мебели, этих штор... от твоего голоса, который не могу слушать без содрогания. Через час меня здесь не будет, так что остынь и позволь уйти с честью, не опускаясь до склок и дразг.

– Безумная... ты просто безумная женщина. И я не хочу с тобой разговаривать. Точка. Уноси барахло и выметайся, мне из-за него даже на кухню не пройти! – Кряхтя, ругаясь и спотыкаясь, мужчина покинул гостиную, но спустя пару минут вернулся с вопросом: – Куда запропастились мои любимые часы?

– Они у меня. Это ведь мой подарок, так? – произнесла я как можно более спокойным тоном.

– Черт, Келли, докатились! ДОКАТИЛИСЬ! Я не стану делить с тобой подарки – это мелко и низко. Верни мне «ролекс», иначе заберу кольцо, что у тебя на руке. Оно мое. – Передо мной предстала равнодушно протянутая ладонь с шевелящимися пальцами.

– Попробуй отбери, самодовольный мерзавец.

Я неспешно продолжала распределять имущество по емкостям, пока не поняла, что Рей в таком же темпе выгружает реликвии на пол. Попытки ему помешать не увенчались успехом – крепкие руки отстраняли меня, не позволяя подойти ближе. От такой дикости я начала кричать, браниться и колотить шатена по спине, надеясь, что это сойдет мне с рук, но не тут-то было.

Внезапно Рейнольд повернулся ко мне лицом и ухватил меня за запястье, проникновенно глядя в глаза. Они горели невиданным ранее огнем. Мне стало страшно представить, на что способен в ярости этот мужчина. Никогда раньше не видела его таким. Мои губы подрагивали от волнения, а ладони покрылись испариной. Высвободиться не было ни единого шанса. Несколько секунд мы простояли в таком положении, пока я не выкрикнула самое громкое и самое обидное: «Подонки!», при этом

наградив ошеломленного красавца звонким ударом по щеке, на которой моментально проступил след от изящных женских пальцев.

Придя в бешенство, Рейнольд прижал обессиленную жертву к стене мощью сильного тела. Я кричала и отбивалась, как могла. Кисть, сначала зажавшая рот, а позже сцепившая тонкие запястья над головой, оказалась страшнейшим врагом в этом неравном бою. Бывший муж принялся осыпать дерзкими поцелуями мою шею и щеки, опускаясь от виска к подбородку. Каждое касание было неожиданным и страстным, нежная кожа горела под натиском властных губ. Жар дыхания оседал на ней, заставляя меня дрожать и трепетать то ли от неопишуемой радости, то ли от лютой ненависти к мучителю. Тепло вихрем нарастало внизу живота, вытягивая из моей головы все посторонние мысли.

Мужчина вдыхал аромат моих волос, зарываясь в них лицом. Тем временем шелковая блузка дала трещину, так что пуговицы остались нетронутыми. Рот примыкал к ключицам, опускался до ложбинки на груди и снова возвращался к лицу, по которому тонкими ручейками струились соленые капли беспомощности. Рей собирал их спелыми губами, а свободная ладонь тем временем опустилась к моим ногам. Секунды не прошло, как я оказалась перевешена через широкое плечо и из последних сил лупила кулаками по рельефной спине, но грубый интеллигент отказывался слушать, придерживая «ношу» за поясницу и направляясь к ближайшему дивану.

Он был деспотичен и резок, осыпал меня грубостями, называл «сукой, разбившей на части мечту об идеальном браке». Временами накручивал волосы на кулак, заставляя покорно откидывать голову. Опершись на спинку софы, тиран энергично расстегивал молнию брюк, а дальше, закинув мою ногу себе на бедро, полностью проник в личное, интимное пространство, куда так давно я его не впускала. Каждое отточенное движение отзывалось острой болью в потаенных уголках тела. Меня трясло, знобило, бросало то в жар, то в холод, но садист не собирался останавливаться. Мир вокруг менялся, играл новыми красками. Удивительно, но вскоре я почувствовала упоительный восторг.

Женские ногти впивались в лопатки и скребли по ним, раздирая шершавую ткань рубашки и оставляя за собой следы. Бедра бессознательно двинулись вперед, ноги обвили любимого и сомкнулись на уровне ягодиц. Я соприкоснулась с его губами в самом чувственном поцелуе – глубоком, вкусном и таком желанном. Пальцы утопали в густых каштановых волосах, каждое прикосновение опьяняло сильнее любого спиртного. Мы были одним целым впервые за два года совместной жизни, и вовсе не в плане слияния тел. Последний рывок отозвался эхом сдавленного наслаждения, и я издала самый сладкий стон, на который только была способна.

Спустя час нежностей и ласковых объятий после бурного секса мы вместе занялись возвращением вещей в общую спальню, а после встретили на пороге недоумевающего отца и поведали ему о том, что наша сказка только начинается. Мой муж ужасно ревнив. Хитер как лис, упрям как осел, брутален, словно дикий, необузданный вепрь. По части жестокости может конкурировать с самим дьяволом, да и претенциозен явно не в меру. Но я ведь люблю его – такого разного, такого яркого и такого несовершенного, всего и без остатка. Нашей главной ошибкой было молчание, которое обоими воспринималось как холодность. Мы не шли на контакт, не обсуждали наболевшие проблемы, боясь обременить друг друга лишними переживаниями, но это, опять же, говорит об огромной любви. Отныне мы можем понять, простить и вспомнить забавный день нашего развода. К слову, дата новой свадьбы уже назначена. Правда очевидна: дело вовсе не в быте, на который подчас грешат многие. Самым приятным оказалось то, что иногда повседневная реальность, напротив, способна сблизить двух людей, безуспешно ищущих пути навстречу долгожданной взаимности.

[Жемчужная нить]

Прохладным весенним утром госпиталь выглядел особенно одиноко. Ожоговое отделение, стены, выкрашенные в белый цвет, наводящие бесконечную тоску на присутствующих, пустые длинные коридоры и умиротворение вокруг. Персонал только приступал к своим обязанностям, а медсестра Диана спешила в палату к одному юному пациенту. Его звали Джеффри. Такой маленький, ему не было еще шести лет – казалось бы, долгая и счастливая жизнь впереди, но случай, который произошел с непослушным бойким мальчиком, не оставил никого равнодушным.

Несколько дней назад ребенок находился дома под присмотром своего дядюшки. Тот ненароком задремал перед экраном телевизора, устав за неделю от тяжелой работы и постоянных стрессов. При этом на столе красовалась чашка кофе, налитого не так давно. Что в этом такого? И вправду – ничего, если бы любознательный малыш не решил в нее заглянуть. Ребенок своими хрупкими ручонками опрокинул стеклянный сосуд, и кипяток ливнем обрушился на изумленное лицо. От пронзительного крика непутевый нянь проснулся. Он вызвал подмогу и, когда карета скорой помощи прибыла на место, сам вынес племянника из дома на дрожащих от волнения руках. Родители в то время находились во Флориде, но, узнав о случившемся, поспешили вернуться.

У Джеффри был болевой шок, обожжены веки. Он перенес несколько сложных операций, но вердикт врачей оказался неутешительным: мальчик никогда больше не сможет видеть! Когда симпатичное дитя с янтарно-русыми волосами и умильной улыбкой наконец пришло в себя, мать ни на минуту не отходила от его постели. Отец утирал ее горячие слезы, но плакала она очень тихо, чтобы родной сын ни за что не догадался о том, чем обернется для него невинное любопытство. Диана долго стояла у закрытых дверей, боясь войти в помещение и нарушить покой взволнованной семьи. Спустя минуту она сделала глубокий вдох и осторожно повернула дверную ручку.

У окна лежал Джеффри. Он неуклюже ощупывал повязку, обмотанную вокруг головы, и никак не мог понять, почему кто-то нарочно пытается скрыть от него все, что происходит вокруг. Девушка подошла к постели и бросила взгляд на родителей: мать смотрела на нее с нескрываемой печалью в глазах, а отец понуро опустил голову, боясь того, что молодая медсестра вернет дитя на бrenную землю, окончательно лишив его всякой надежды. Диана осторожно присела рядом с ребенком и взяла его крохотную ладонь в свои руки.

– Здравствуй...

– Кто вы? – встревоженно спросил мальчик.

– Не бойся, я пришла для того, чтобы помочь тебе. – Ласковый шепот сорвался с ее губ, и их тронула легкая улыбка.

– Но что со мной? И почему голова так сильно болит?

– Все будет хорошо, боль скоро пройдет. С тобой случилось недоразумение... – Девушка посмотрела на мать и одобрительно кивнула. – Злой волшебник отнял у тебя возможность видеть мир таким, какой он есть. Но ты все равно должен оставаться смелым, храбрым, сильным – тогда все беды будут обходить твой дом стороной.

– А вы добрая фея? – Ребенок протянул руку к лицу девушки и коснулся его тонкими пальчиками.

– Да, я добрая фея. – Диана прижала ладошку мальчика к своей щеке.

– За что он так поступил, этот волшебник? Я ведь хороший и ничего плохого ему не сделал! И почему моя мама грустит? Я слышу, как она плачет рядом, и это меня расстраивает. Тоже хочу заплакать, но не могу...

– Твоя мама плачет от счастья, ведь она точно знает, что зрение к тебе еще вернется. А тот волшебник... забудь о нем и больше никогда не вспоминай. – С этими словами медсестра сняла со своей шеи жемчужные бусы и бережно вложила их в руки Джеффри. – Вот, держи. Чувствуешь маленькие круглые камушки под пальцами? Запомни, что ты должен делать: каждый новый день пересчитывай их... один, два, три. С одного конца шнура до другого. Чем больше ты считаешь, тем быстрее наступит день выздоровления.

– Спасибо вам! Я попробую. – Дитя сжало в руках перламутровую жемчужную нить.

– Все будет хорошо. Удачи тебе!

С этими словами юная Диана поднялась и улыбнулась родителям малыша. Отец встал и пожал ее руку с нескрываемым чувством благодарности. После выписки Джеффри последовал совету и начал считать бусины на шнурке. Но позже, повзрослев, он понял, что это пустяковая затея. Десять, пятнадцать лет, долгожданное совершеннолетие... все вокруг было похоже на бесконечное темное полотно, и лишь картинки, рождаемые в воображении героя, пробуждали в нем хоть какую-то радость. Затем уже зрелый мужчина обрел верную супругу, которая любила и принимала его таким, какой он есть. У них родилась прекрасная дочь с огромными голубыми глазами. Преданный пес-поводырь служил верой и правдой. Но даже в тот момент, когда герою стукнуло за сорок, он втайне от семьи доставал из ящика стола милую сердцу вещицу и снова начинал пересчитывать крохотные жемчужины, ведь где-то внутри его жила отчаянная детская вера в то, что предсказание обязательно сбудется. И он никогда не забывал «добрую фею», поселившую в его душе силы, позволяющие не сдаваться и не опускать руки. Она не могла солгать, не могла ошибиться – ему еще удастся увидеть весь мир! Когда-нибудь, но непременно удастся, ну а пока есть надежда, заставляющая и дальше ждать чуда, раз и навсегда вернувшего бы ему долгожданные краски жизни.

[Цветочные истории]

С детства мечтаю быть ромашкой. Не потому, что она самая красивая, – это неправда. Не потому, что самая ароматная и популярная. Просто миниатюрное желтое солнце среди аккуратных белых лепестков очень трогательно и непосредственно. Изяществу ромашки могло бы позавидовать любое другое растение, а изысканной элегантности – многие знаменитые кутюрье, которым вовремя не пришло в голову создать коллекцию одежды, навеянную простотой удивительных полевых цветов.

Я хотела бы жить среди просторного поля под открытым небом, встречать закаты и рассветы в компании таких же лучезарных сородичей, нежиться в объятиях луговой травы под лучами вечернего солнца, расти ему навстречу. Дружила бы с божьими коровками, колыхалась на ветру и морщилась от холода в непогоду. Я была бы открытой и честной, без всех этих чопорно-пафосных речей, без проблем, коммуникаций, достижений науки и техники. Жизнь стала бы светлее, натуральнее. Тяни то и дело свою золотистую макушку к свету, люби целый мир, забывая о том, что кто-то может обидеть и сделать больно.

Я родилась бы самой маленькой, самой хрупкой из всех ромашек, чтобы спрятаться за более рослыми товарищами и не попасться на глаза случайным путникам, желающим бесцеремонно вырвать тебя с корнем для своего гербария. Меня бы никто не нашел, не тронул, не ранил. Не пришлось бы стоять в вазе и медленно чахнуть, с каждым днем теряя силы и погибая от тоски. Не пришлось бы быть сложной, умной, рассудительной, взвешивать свои решения, оправдывать необдуманные поступки. Мир вокруг стал бы другим, и я стала бы другой... возможно, той, что таится где-то внутри, той, что спрятана за семью замками, боится выйти на свет, показаться во всей своей первозданной красоте и чуткости, боится быть униженной и оскорбленной.

Душа моя, суть моя, природа моя скрыты от чужих глаз. Недолгое, но от этого не менее утомительное путешествие по жизни вынудило набраться мужества, держаться, хвататься за последнюю соломинку и снова подниматься с колен, как бы ни кидала судьба, как бы ни предавали и ни разочаровывали люди. Светлый цвет волос в прошлом, теперь я медно-рыжая, такая, какой проще постоять за себя. Из наивной маленькой девочки стремительно превращаюсь в дерзкую, очаровывающую пронзительными речами и умеющую ранить своим главным оружием прямо в сердце, умеющую уколоть словом.

Человек сам себе хозяин, сам себе царь и бог, даже судья. И я научилась строить судьбу, складывать по кирпичику, начиная с надежного фундамента, с преданной и незыблемой любви к себе. Любовь эта лишена всяческого эгоизма, напротив – она наполнена верой, надеждой и уважением, запасным резервом, ценность которого заключается в неисчерпаемости. Учиться никогда не поздно, но люди порою то ли отчаянно глупы, то ли до безобразия слепы: пытаются постигнуть великие истины, глядя на свои прошлые ошибки и стараясь не замечать чужих, которые могли бы преобразоваться в их сознании, стать ценным опытом. И я не исключение, как ни печально это осознавать.

Вернемся же к истокам. Ромашка? Может быть, симпатичный ландыш с крохотными бусинами бутонов, похожими на отборные жемчужины? Стройный, выразительный тюльпан или дикарка магнолия – экзотичная и притягательная? Нет-нет, совсем не то. Каждое из этих растений по-своему прекрасно, каждое занимает почетное место в списке любимых мною. Но существует цветок, к которому люди испытывают двойные чувства. Он яркий, утонченный, соблазнительный. В меру прагматичен и горд, уверен в себе, наделен агрессивным окрасом и очень бросок. Обладает скрытой, внутренней сексуальностью и чувственностью, которым нет равных, но вызывает как благоговение и нравственное любование, так и агрессивную ненависть, разбавленную каплей презрительного отвращения. Это лилия. В моем случае – тигровая.

Я стала ею, сама того не желая. Горько от этого. Единственной радостью остается мечта о том, что в другой жизни еще удастся побыть чем-то нежным, легким, даже чуточку забавным. Всею свое время. Думаю, никогда не поздно совершить обратные метаморфозы и вновь стать ромашкой. Главное – набраться сил, ведь гораздо легче усложнить себя, нежели сделать проще. Этому мне еще предстоит научиться.

[Седьмое небо в блеске глаз]

Порою осень бывает просто невыносимой: слякоть, бурая грязь под ногами, небо тоскует вместе со мной несколько мучительно долгих дней, роняя на чешуйчатую крышу прозрачные слезы, которым не хватало только стать чуть более солеными. Тоска поселяется в груди надолго. Ее не выкуришь оттуда, не вырвешь вместе с собственным сердцем. Никакие противоядия не спасут от скуки и одиночества. Когда тебе уже за сорок, но ты все так же преданно хранишь в своей памяти остатки глубокого чувства к человеку, перевернувшему твою жизнь с ног на голову, когда нет пути назад, нет шанса вернуться в прошлое, но очень хочется – приходит всеобъемлющая пустота.

И да, сегодняшней день ничуть не лучше, чем вчерашний. Осталось лишь собрать остатки смелости в кулак и сделать шаг навстречу самому родному – тому, кто выслушает и поймет меня спустя десятки лет. Я помню тебя, Лоуренс, и я все та же нежная Саманта, которой ты меня когда-то знал. Добавились лишь годы страданий в абсолютной тишине и глубокие морщинки возле глаз, бессовестно рассказывающие окружающим о возрасте обладательницы. Я не хочу тебя терять, терять последнюю ниточку нашей трепетной связи, поэтому сегодня отправлюсь туда, где ты по-прежнему обитаешь, мой милый друг. Спустя четверть часа я покинула стены родного дома и заспешила вниз по улице, ведущей мимо сонных зданий и петляющей причудливыми изгибами. Встреча с моим любимым была неизбежна. Не знаю, хотел бы он видеть меня перед собой после столь долгой разлуки, но я проделаю этот путь лишь для того, чтобы очистить душу и выговориться, излить свою печаль и избавиться от этой тяжелой ноши. Я неторопливо брела к нему, считая каждый новый шаг, каждый удар каблука о грязную влажную мостовую, каждую каплю дождя, разрушающего густой туман на моем пути. Вскоре я оказалась на месте и медленными шагами приблизилась к тому, кто в прошлом был способен вселить в меня надежду и разжечь ее тлеющий огонь с новой силой. Уверена, он узнал меня, ни на секунду не сомневаюсь в этом. Я намеренно тянула время, но Лоуренс

так и не поднял глаз, буравя туманным взглядом смазанную линию горизонта. И вскоре первые слова сорвались с моих замерзших губ:

– Столько лет прошло... я так долго тебя не видела, не чувствовала рядом. Знаю, ты не станешь меня перебивать, поскольку всегда был молчалив и деликатен. Ты совсем не изменился. Все те же ямочки на щеках, те же высокие скулы, нахмуренные брови. Не скрою, я не писала тебе писем – оно и не было нужно. Ты бы все равно не стал их читать. Я думала, что вынужденный разрыв станет началом новой жизни для нас обоих, но ошибалась.

Ты помнишь день нашей встречи? Пляж, песок, искрящийся под лучами закатного солнца тысячей бриллиантов, волны, ласково бьющие по ногам и всячески старающиеся привлечь к себе мое внимание. И ты – такой сильный, гордый, величественный: белая рубашка, смуглая кожа и игривый блеск в глазах. В ту пору мне казалось, что в нем отражалось не иначе как седьмое небо.

Мы шли навстречу друг другу по кромке бескрайнего моря и наконец столкнулись лицом к лицу. Я смутилась и растерялась, но ты был ласков и обаятелен, первым завел непринужденный разговор, ставший началом головокружительного романа. Я для тебя всегда была ребенком – непослушным и неугомонным, ты же стал моим верным наставником, помощником и опорой. Ничто не смело разлучить нас, разрушить идиллию семейного счастья. Мы любили друг друга, и ощущения минувших дней, те красочные эмоции все еще живут глубоко внутри меня и надежно скрыты от посторонних глаз.

Я храню нашу интимную, чувственную связь, тайну, к которой никто другой не смеет прикоснуться, помню первые свидания, твой звонкий смех, лучезарную улыбку, помню день свадьбы и то, что нас связывало. Помню ночи безудержной любви и головокружительной чувственности, твои тонкие горячие пальцы и бережные прикосновения, распалюющие во мне огонь страсти и желания. Ты был моим светом, светом и остался. И сейчас я надеюсь на ответ... хотя постой, дай мне договорить.

Мы были близки, наш союз стал плодотворным для обоих, но дети сейчас живут далеко от меня, я их совсем не вижу, не получаю вестей. Они забыли, что у них есть мать, после того, как мы с тобой расстались. Я наказана не жизнью – наказана тобой, вынуждена ждать у моря погоды, надеяться на возвращение того, что уже давно покинуло мой дом: радости и веселья, беззаботной юности и общения в кругу близких людей. Да, я совершенно одинока, но это не мешает мне сейчас прийти к тебе и признать свои ошибки, слышишь?! Я расплатилась по счетам, отдала все за то, что ушла из семьи, бросила тебя и детей... но лишь потому, что не могла иначе!

Я не могла быть рядом, не могла читать нашим любимым близняшкам сказки на ночь, потому что погибала под твоей властью, не выдерживала наставлений! Ты был моим учителем со дня знакомства и до расставания, но я другая, пойми, мне чужды границы, я не выношу рамок, не могу жить в золотой клетке, куда по молодости и неосмотрительности добровольно угодила! Ты властный, смелый, но я свободной была, свободной и умру. Поверь, в моих словах нет ни доли сожаления. В те годы я была решительна – как подарила тебе себя, так и забрала назад. Думала, справишься, но кто тогда мог предположить, что ты так близко к сердцу примешь мой опрометчивый поступок?

Прости, прости меня и перестань приходить ко мне в печальных снах, наполненных безумной грустью, оседающей на сердце заскорузлым налетом из воспоминаний! Покинь мой разум, отпусти меня!!! Я все сказала на сегодня: у меня нет ни сил, ни слов более. Сейчас мне достаточно лишь блеска твоих дивных глаз, по-прежнему родных и близких. Я все еще чувствую тебя, совсем как прежде. Не держи на меня зла и прощай...

Стерев дрожащей ладонью капли слез, застывшие на глазах, я тяжело вздохнула и снова посмотрела на Лоуренса. Он продолжал буравить хмурым взглядом густые дымчатые облака, нависшие над кромкой леса за моей спиной. Я улыбнулась своим мыслям – чисто, искренне, словно желая остаться в памяти любимого светлой и

радостной. И на мгновение мне показалось, что блеск в его глазах снова замерцал сотнями ярких огоньков, как в день нашей встречи на лазурном берегу.

Устало опустив голову, я осторожно бросила пару гвоздик на могилу человека, ворвавшегося когда-то в мою ранее безмятежную жизнь подобно вихрю, несущему с собой всю гамму чувств. Я ощущала его невидимое присутствие рядом с собой и знала, что до него долетели мои слова вместе с невесомым попутным ветерком. Туда, где, кроме звездного сияния и бликов удивительных галактик, нет ничего, как нет отныне в моем сердце боли. Ведь все, что было на душе, угрызения совести и тревогу я пролила на сырую землю вместе с каплями дождя, до боли хлещущего по коже. Теперь я чиста перед ним, перед собой и перед Богом.

Не представляю, что случится через миг, увижу ли когда-нибудь своих детей, но знаю точно лишь одно – моя свобода стоила всего того, что наполняло жизнь многообразием красок. Теперь же я одна, сама тому виной, но единственным отличием сегодняшнего дня от вчерашнего является то, что в сердце моем отныне снова теплится трепетный огонек надежды, который вселил в меня взгляд Лоуренса, что до сих пор заключает в себе седьмое небо.

[Ангелы среди нас]

«Ангелами не рождаются. Ангелы постигают смысл собственной жизни, когда стоят на пороге нового пути», – поведал отец своей юной дочери накануне ее десятого дня рождения. Франсуаза задумалась над этими словами, размышления не давали ей покоя день и ночь. Девочка ломала голову и не могла понять, в чем секрет, всячески пытаюсь разгадать эту головоломку. Слыша очередной вопрос, папа недвусмысленно пожимал плечами, намекая на то, что ответ ближе, чем она думает. Юная мадемуазель часто ссорилась с ним по этому поводу, но безрезультатно. Таинственное откровение отпечаталось у нее на сердце и надолго залегло в основании памяти, но лишь для того, чтобы когда-нибудь невзначай напомнить о себе.

«Богатые тоже плачут», – сказала мать однажды. Девочка понимала, что мир разделен на оборванцев и знать. Она никогда ни в чем не нуждалась, но мир вокруг был населен разными людьми – в самом обширном смысле этого слова. Соседом Франсуазы был удивительный ребенок по имени Ксавьер – знатного рода и редкой красоты. Казалось, что в нем течет кровь великих завоевателей, но отчего-то судьба не пощадила беднягу: он не мог ходить и передвигался в кресле-каталке, за что мальчика нередко дразнили. Сердце обливало кровью, и именно поэтому наша героиня взяла паренька под свою опеку. Вскоре они стали близкими друзьями.

«Вечность в раю не сравнится с твоим изяществом», – тихо шептал Ксавьер. Это был первый комплимент из его уст: робкий, застенчивый, до боли трогательный. Девушка лишь смущенно улыбнулась в ответ, невесомо коснувшись виска юноши губами. Казалось, что именно его ждала она всю свою жизнь, что ради него была готова на многое. Они росли бок о бок, видели друг друга каждый день, дорожили мгновениями, проведенными вместе, и тем безграничным трепетом, что поселился в сердце с момента первой встречи. Жизнь Ксавьера стала полноценной: синеглазая нимфа внесла в нее невиданные ранее краски. Он гордился ею и ее талантом вселять в человека стабильную уверенность. Своим присутствием она спасала его от насущных бед, и этим было все сказано.

«Глупость – не порок, ни один человек от нее не застрахован, но жестокость, напротив, наказание не тебе, а твоим близким в первую очередь. Помни об этом», – произнесла преподавательница медицинского училища, останавливая начинающуюся драку между студентами. Франс согласилась с ее мудрыми словами и поговорила с зачинщиком столкновения двух интересов. Оказалось, что оба юноши были влюблены в одну и ту же особу, но та отвечала взаимностью скромняге, что и взбесило наглого,

строптивного драчуна. Наша героиня объяснила ему, что женский выбор первостепенен в данном случае, что девушка сделала его осознанно и никому не желала зла, и если темпераментный юнец однажды действительно покалечит ботаника, жизнь любимой может рухнуть. «Она приняла решение, так будь справедлив – прими и ты его, раз так сильно любишь». В ответ молодой человек задумался и понуро опустил голову.

«Дети не должны страдать за ошибки родителей. Дети вообще не должны страдать!» – возмущалась лучшая подруга, пытаясь объяснить своему возлюбленному, почему не хочет делать аборт. Парень утверждал, что не потянет полноценную семью в свои восемнадцать, что это слишком серьезный и ответственный шаг. Ксавьер и Франсуаза как раз были неподалеку. Они приблизились к паре и постарались уговорить Луиса. Тот сопротивлялся, но пришел в себя лишь после нескольких фраз из уст юноши в инвалидной коляске: «Главное в семейных отношениях – не материальные блага, а доверие. Но как Люси сможет доверять тебе, зная, что любую невинную ситуацию ты сможешь обратить в скандал? Как она может быть уверена в безопасности своего будущего ребенка? Опомнись. Вы не бедны, у вас есть близкие, которые всегда поддержат. Не дави на нее». Франсуаза лишь кивнула в ответ, одобряя слова друга. После этого Луис сел на крыльцо и обхватил голову руками. Люси в мгновение ока очутилась у него на коленях, после чего успокоившийся «папаша» коснулся широкой ладонью ее живота: «Ты уверена, что готова?» Ответ читался во взгляде.

«Если бы ты знала, как сильно я люблю тебя». Ксавьер приблизился к Франс и сжал ее хрупкую ручку своими ладонями. Это было первое признание. Сердца обоих в тот момент бились в унисон, их стук эхом звучал в воздухе. Девушка видела его любовь, чувствовала ее, так долго ждала этих слов, и вот наконец сказочная мечта превратилась в реальность. «Мой ангел, – тихо шептала она. – Мой ангел, я верю в то, что счастье все-таки возможно в этом мире, каким бы жестоким и циничным он ни был. И я так же искренне верю, что счастье это сейчас сидит передо мной: такое сильное, мужественное, преданное, воплощенное в тебе. Я хочу быть твоей, я готова идти на жертвы и компромиссы, ведь вместе мы – сила, и наш союз имеет возможность стать по-настоящему прекрасным и плодотворным».

«Жить – тяжело, но умирать еще труднее». Отец подозвал к себе Франсуазу и сразу после этих слов попросил прощения. Она не понимала, в чем он провинился, что сделал не так. Губы мужчины дрожали, он шептал что-то невнятное, но ясно было лишь одно: любовь, с которой этот героический человек взрастил свое дитя, огромна! Дочь горько плакала на его груди, просила не покидать ее – такую наивную и неопытную, но тот не слушал, а только продолжал свою последнюю речь: «Я помню тебя совсем маленькой: ты была во дворе, делая первые шаги. Падала, но снова становилась на ноги и пыталась до тех пор, пока не пошла. Я стоял поодаль и наблюдал, не решаясь помочь. За это сейчас прошу прощения, ведь именно тебе – милой и беззащитной девочке – всегда была нужна моя поддержка. Возможно, ее не хватало. И я корю себя за это». «О, папа! Ты ни в чем не виноват: сейчас же прекрати, иначе обижусь и не прощу тебя никогда! Я с раннего детства ощущаю свою независимость. Главным для меня было знать, как сильно ты мною дорожишь, главным было заслужить твое уважение». Голос Франс дрожал. «Ты справилась с этой задачей, дочка. И я горжусь тобой». После этих слов мужчина погрузился в сон, чтобы никогда больше не проснуться.

«Зачем ты это делаешь? Почему не выбрала другую профессию?» – спросила Люси, убаюкивая свое маленькое дитя, которое тянулось к теплу материнского тела и тихо посапывало у нее на руках. «Я хочу помогать людям, хочу исцелять их. Возможность быть врачом для меня – дар свыше!» – ответила Франс. Тем временем в комнату вошел Луис и обнял свою супругу, сказав: «Вы были правы. Мы решились на этот шаг и обрели семейное счастье. Я стал отцом и до сих пор не могу в это поверить! Только сейчас понял, каким глупцом был тогда, когда чуть не убил нашу кроху своим паническим страхом. Сейчас Дидье жив, здоров, растет не по дням, а по часам – такой обжора! И я желаю

счастья ему, своей милой жене и вам с Ксавьером, то есть тем, кто помог мне выбрать правильный путь и убедил не совершать непоправимую ошибку. Спасибо!» Муж бережно поцеловал сына в макушку, а после сгреб их с Люси в охапку и расплылся в довольной улыбке.

«Именно то, чего я всегда хотел, – это видеть каждое утро твои смеющиеся глаза». Ксавьер поцеловал любимую в уголок губ. Она с головой зарылась под одеяло, прячась от своей второй половинки и делая вид, что жутко смущается. Но он знал, какая Франсуаза на самом деле чувственная: как обжигают ее губы, как нежны ее руки, как желанны ее прикосновения. Эта волшебная любовь привнесла в их жизнь мир, покой и неподдельную радость. Пара купила дом на окраине родного города и проводила там каждый день, ощущая присутствие друг друга и желая растянуть моменты счастья на всю оставшуюся жизнь. В доме была просторная веранда, где летом Франс могла рисовать натюрморты, на которых красовались цветы, что каждый день сменяли друг друга в расписной вазе, украшающей столик. Ксавьер любовался картинами и восхищался даром возлюбленной.

«Везите его в семнадцатую палату!» Девушка бежала по длинному больничному коридору сломя голову. В ее руки попал ребенок, упавший и рассекший бровь. Испуганные родители тотчас вызвали «скорую». Дитя не понимало, в чем дело, алые капли падали с лица на белые медицинские перчатки. Сердце разрывалось на части: такой маленький, такой беззащитный, так горько плачет. Медсестра изо всех сил старалась не зарыдать в ответ, обрабатывая рану и накладывая швы. Но чем больше времени она проводила рядом, тем спокойнее становилась атмосфера в помещении. Малыш успокаивался, кровь больше не бежала по лицу, а семья могла вздохнуть с облегчением. После того как процедура была завершена, мальчика отправили домой, но его боль надолго поселилась в подсознании Франс. Хотелось зарыться в подушку и безостановочно реветь, как в детстве, когда упала с велосипеда и разбила коленку. Она грустила, потому что чувствовала боль других людей и проживала их страдания.

«Как только, так сразу!» – отшучивалась в ответ на вопросы подруг о замужестве. Она не торопила возлюбленного и ждала инициативы от него. Он мужчина, он хозяин в доме, он опора и поддержка. Всему свое время, каждому событию предназначен свой час. Многие вертихвостки виснут на шее своих парней, цепляются за любую возможность выскочить замуж. Франсуаза не была такой, она считала, что их с Ксавьером совместная жизнь уже огромная ответственность, сродни тому же браку, только без штампа в документах. Ведь от этого ничего не изменится: она все так же будет приходить с работы и готовить ужин, все так же будет ждать его, любить и ценить, так же будет рисовать на веранде и обнимать своего ненаглядного. Тогда какой смысл бежать вперед паровоза? Пусть он созреет. Для нее осознание готовности Ксавьера было превыше всего.

«Люблю тебя... и прошу стать моей женой». Голос молодого человека был немного напряженным вовсе не из-за того, что тот сомневался. Напротив, он никогда не был так уверен, но волновался, словно мальчишка, как и при первой встрече со своей судьбой. Новоявленная невеста ласково улыбнулась, бережно обняла ладонями лицо своего избранника и коснулась его лба теплыми губами. «Слово «конечно» не включает в себе моего ответа. Он гораздо глубже, полноценнее, его не уместить в семи буквах. Я согласна, готова, безумно рада! Ты – моя вера в человеческую искренность и честность. Ты тот, ради встречи с которым я родилась на этот свет. Люблю тебя так, как не любит никто. И вся моя любовь в этих строках, которые так тяжело даются, но все-таки значат больше, нежели короткое и лаконичное «да»! Спасибо тебе за все, дорогой». Ответом послужила радостная улыбка Ксавьера.

«Мы вместе навсегда!» – звучала фраза в ночь после бракосочетания. Они жили друг другом, дышали этой сказочной любовью, благодарили судьбу, которая свела двух путников посреди бескрайней жизни и подарила им новые силы для совершения воистину героических поступков. Ксавьер лег в больницу. Он бросил все силы на то, чтобы снова научиться ходить. Мышцы отвыкли, каждый шаг отзывался болью во всем теле. Франс не

могла на это смотреть, прикрывая глаза ладонью и очень переживая за супруга. Он держался за перила, следовал указаниям опытных врачей, боялся упасть, падал, но поднимался снова. В каждый такой момент жена подбегала к нему и паниковала, в глазах ее читалось волнение. Однажды по велению Господа мужчина сделал первый самостоятельный шаг без опоры. Этот день стал знаковым.

«Новость? Что-то случилось?» – спросил муж за чтением газеты, сдвинув очки с переносицы и изумленно взглянув на любимую женщину. Она ничего не ответила, а только приложила его ладонь к своему животу. С того дня в их жизни появилась новая радость: ожидание ребенка. Наши герои долго спорили, какое имя их будущему чаду подойдет больше. Они безостановочно дискутировали о том, какой у малыша будет цвет глаз и какой трогательной улыбкой он одарит каждого из родителей, появившись на свет. Позже выяснилось, что Франсуаза ждет девочку. Тогда родители сошлись во мнении, что имени лучше, нежели Мишель, просто не может быть. Вскоре малышка увидела мир. Как только акушеры поднесли к матери крохотное тельце, той показалось, что дочка и вправду улыбнулась. Вокруг ребенка было едва уловимое свечение. Никто из медперсонала его не заметил, а вот Франс и Ксавьер сразу поняли, что этот младенец наделен даром свыше.

«Очень скоро ты поймешь, что ссадины – это пустяк, из-за них не стоит лить слезы. Настоящие проблемы придут после, когда ты повзрослеешь. Не торопи события, привыкай к окружающему миру постепенно. И больше не бегай так быстро, ладно?» – утешал свою дочь Ксавьер после того, как она споткнулась о поребрик и разбила в кровь крохотные ладошки. Мишель горько плакала, но родители поддерживали ее, как могли. Они старались вложить в свое дитя знания, опыт и мудрость, что успели накопить за всю свою жизнь. Они старались научить ее выживать в мире, полном сожалений и обид, в мире, полном жестокости и разочарований. Девочка была очень смысленной и все схватывала на лету: как вести себя с ребятами во дворе, что можно, а чего нельзя. После садика она отправилась в школу, получила первые оценки, затем повзрослела и стала до безумия похожа на свою мать, особенно ярко-синими глазами.

«Просто я выросла на ваших советах. Хотя и ошибалась порой, и совершала глупости. Но я старалась, правда. Старалась быть вам под стать. А сейчас у меня есть жизнь, полная положительных эмоций, небо над головой, пение птиц за окном, любимый человек и вы – те, кому я обязана всем, что имею сейчас», – сказала Мишель своим близким. Они лишь улыбнулись в ответ, прекрасно понимая, что ее слова идут от чистого сердца. Когда родители спросили, чем девушка хочет заниматься, она ответила, что пойдет по стопам матери и станет помогать людям. Это было благородно с ее стороны, в первую очередь как дань той, что не жалела сил на воспитание своей частички. Франс пустила скупую слезу, на что дочь крепко обняла ее, а после прошептала, как сильно любит.

«Роскошь нам не нужна, достаточно лишь того, что мы счастливы вместе», – заявила Мишель, представляя семье своего кавалера. Им оказался темноволосый студент лет двадцати: скромный и бережливый, очень вежливый и тактичный. Ксавьер одобрил выбор, жена полностью его поддержала. Однажды мужчина подошел к дочери втайне от Франсуазы и произнес слова: «Быть может, уже слишком поздно, но я должен сказать тебе об одном... Ангелами не рождаются. Ангелы постигают смысл собственной жизни, когда стоят на пороге нового пути». Юная мадемуазель ломала голову, не в силах понять, что же это значит. Загадка надолго поселилась в ее сердце, залегла к основанию памяти для того, чтобы когда-нибудь невзначай напомнить о себе.

«Смерть не столько страшна человеку, сколько страшна его близким. Прости. Прости за все. Думала, что не перенесу этого удара, но мама и Жан поддерживают меня. Я справлюсь, обещаю. Ради них и ради тебя... справлюсь», – со слезами на глазах шептала Мишель над могилой отца. Франсуаза утешала дочь, не бросала ее ни на минуту в первые дни после чудовищной потери. Но девушка была сильной и старалась верить в лучшее. Она знала, что всегда может положиться на родных, и это действительно было правдой.

«Фата тебе очень идет, моя красавица!» – приговаривала мать, глядя на отражение дочери в большом овальном зеркале посреди примерочной. Близилась свадьба Мишель и Жана. Это был осознанный поступок, которого оба с нетерпением ждали. Единственное, о чем могла жалеть невеста, облаченная в белоснежное платье, что кто-то очень близкий так и не увидит церемонии. И на это у Франс нашлись слова: «Он здесь, милая. Взгляни на ночное небо – такое ясное, чистое. Обрати внимание вон на ту звезду. Представь, что это отец смотрит на тебя, гордится тобой. Следи за ней всякий раз, когда захочешь получить его одобрение. Звезда засияет в ответ с новой силой, поверь мне». В ответ девушка мечтательно улыбнулась.

«Это моя судьба, мой рок. Чувствую, что скоро покину этот мир. Ты уже совсем взрослая. Умная, решительная, самоотверженная. Вы с Жаном отличная пара. Жаль, мы с отцом не сможем помянуть внуков. Но помни, от нашего взора ничто не ускользнет. Я буду следить за тобой с небес». После этих слов на глаза обеих навернулись слезы. Франс одолел смертельный недуг, и Мишель страдала от невозможности что-либо сделать. Они с Жаном подолгу сидели у кровати больной, но в последний день женщина попросила оставить ее с дочерью наедине.

«Я разгадала тайну фразы, что произнес папа накануне моего десятого дня рождения», – тихий шепот сорвался с губ Франс. Мишель изучала лицо матери пристальным взглядом, ожидая ответа, но та не торопилась, напротив, растягивая тишину до предела возможного терпения. Женщина лежала в постели и сжимала дрожащими пальцами край одеяла. Дочь читала волнение в ее глазах. «Ангелы в человеческом обличье не знают о том, что способность творить прекрасное заложена в них с кровью предков в противовес мирскому злу. Они не рождаются такими, они таковы задолго до появления на свет – еще в мечтах молодой пары о будущем ребенке, в их огромной любви. Так же как и люди, прекрасные создания ходят по Земле, живут, мечтают, дышат полной грудью, совершая добрые дела. Отец понимал, что я и есть Ангел – его маленький Ангел, который всегда был чист и искренен перед людьми и Богом. Теперь я отправляюсь на поиски своих родителей. Помни, что в этот момент я передаю тебе свое предназначение, так будь же счастлива и озаряй мир светом своих дивных глаз». После этих слов сознание Франсуазы оборвалось. Мишель понимала, что та попала в лучший мир, где отныне обретет настоящие крылья, которые до сих пор были невидимыми, но по-прежнему не отпускала ее руки. Девушка была готова исполнить свой долг, завещанный матерью, ведь то тепло, что поселила эта удивительная героиня в сердце своего чада, воистину стоит целой вселенной, безбрежной вечности, которая отныне станет домом для еще одной светлой души.

[Русская рулетка]

Современные Бонни и Клайд безуспешно пытались спастись от погони, полиция уже вышла на след. В их распоряжении были три миллиона долларов, красный «кадилак» с опустошенным бензобаком, огромная пустыня, простирающаяся на сотни миль вокруг, а еще «кольт» и единственный патрон внутри. Молодые люди не могли убить друг друга, любовь между ними была слишком сильна, но от этого не менее безрассудна. Тогда преступник предложил сделать привал и сыграть в русскую рулетку – один на один, в первый и последний раз. Девушка со слезами на глазах согласилась. Оба боялись тюрьмы не меньше, чем собственной смерти. Они сели на раскаленную землю и завели разговор:

– Давай изменим правила? – Взгляд вора упал на револьвер.

– Как?..

– Будем поочередно прислонять его к виску и называть ассоциации, вызванные предыдущей фразой, – первое, что придет на ум. Затем не мешкая стреляем. После каждого такого раза единожды крутим барабан и продолжаем игру. Начнешь?

– Пожалуй. Хотя... Так сложно произнести слова, которые могут стать последними. Выбора не осталось? Пути назад больше нет?

– Если бы он был, ты бы об этом знала.

Юноша неспешно провел ладонью по волосам любимой и запечатлел на ее губах долгий поцелуй. Лицо его было серьезным и сосредоточенным.

– Безоблачное небо, как сейчас... – Парень вздрогнул, когда его спутница резко поднесла дуло к голове и решительно нажала на курок, но выстрел не прозвучал. – Ты следующий. Крути.

– Звездные ночи во Флориде. – Пара поменялась ролями, сиюминутно прозвучал щелчок, за которым следовала тишина. – Вперед.

– Секунду. Дай отдышаться. Раз, два... глубокий вдох и... безумный секс на пляже! – Пауза, как итог – новое разочарование. – Пусто.

– Дай мне. Твой любимый коктейль. Пиф-паф! – Выстрела все не было.

– Радость, веселье и пьяный угар... – Снова не повезло.

– Джейкоб и его самодовольная физиономия. Ненавижу ублюдка! – Пустая камора.

– Теперь моя очередь. Начальство, работа, будни.

– Ну уж нет! – Молодой человек вырвал огнестрельное оружие из рук напарницы. – Рвотные позывы.

– А ну-ка верни мою игрушку! Беременность и токсокоз. – Произошел холостой выстрел около виска темноволосой красавицы.

– Попробуй отбери! Сварливая женщина, родившая тебя на свет.

– Не трогай мою маму!

– Я и не собирался ее трогать.

– Тсс... Фото в рамочке. На нем мне девять лет. – ... – Ах, дьявол!

– Моя маленькая принцесса. Люблю тебя.

– И я тебя люблю! Диснейленд.

– Крутые американские горки.

– Первая встреча. Знакомство.

– Целый мир к твоим ногам, преданность.

– Наша вера друг в друга.

– Счастье. – ... – Да что же это?! Чертов патрон! – негодовал азартный игрок.

– Тихо, не кипятись. Мой черед. Рассветы и закаты вдвоем, тепло твоих ладоней, сладость долгих поцелуев. – Девушка вновь зажмурилась и коснулась спускового крючка, после чего влюбленные разразились истеричным хохотом.

– Ну не везет, так не везет!

– Не отвлекай. Начало чего-то прекрасного, как восход солнца или любовные ласки. Начало всего на свете. – ... – Мать его!

– Чувство, которое нас связало. Общие цели. Деньги. Рай! – Нет выстрела, лишь звонкий смех. Героиня крутанула барабан, после чего отдала орудие убийства напарнику.

– Рай? Нет ассоциаций... – Юноша скорчил недовольную мину, почесывая затылок.

– Как так?! Думай! Думай лучше!

– Ну ладно. Может быть... смерть?

В этот момент «Клайд» дернулся, сжал веки и сжульничал, несколько раз подряд спустив курок. Нужная пуля заняла свое почетное место и ринулась прочь из дула, насквозь пробив голову юноши. Подружка не успела опомниться, как безжизненное тело уже лежало подле нее мертвым грузом, а капли крови стекали по дверце автомобиля. Брызги окропили румяное лицо, преступница коснулась виска возлюбленного, а пальцы мгновенно покрылись алыми разводами. Она машинально высвободила из холодной ладони револьвер и отпрянула в сторону. Ком подкатил к горлу, пелена слез застила глаза. В этот момент полицейская машина приближалась к месту происшествия. Через несколько мгновений она настигла бандитку, беспрерывно роняющую соленые капли на землю и оплакивающую горькую потерю.

Девушка была признана виновной по всем статьям: мелкий разбой, грабеж, убийство... постойте, убийство? Именно, ведь отпечатки были найдены на старом добром кольце. Должно быть, наши герои не поделили денежный «улов» – на этом мнении сошлись судья и окружной прокурор перед тем, как упрятать псевдо-Бонни за решетку. Единственное, что она точно для себя уяснила, – любовь была не так уж и сильна, раз парень эгоистично предложил сыграть по его правилам, прекрасно понимая, каков будет исход. Он решил избавиться себя от мучений, облегчить ношу, взвалив все мирские беды на спутницу, которая рыдала над его телом в жаркой пустыне. Но преступник не учел лишь одного: в аду будет гораздо жарче.

[Превозмогая боль]

Я знала, что этот день когда-нибудь наступит, более того – ждала его с замиранием сердца, глубоким трепетом, жаждала и сгорала от сладостного предвкушения. Вы никогда не узнаете, какая я на самом деле, чем живу, о чем тоскую, что занимает мои мысли по вечерам и отчего решила посвятить вас в тайнство своего личного, интимного счастья. Вам дано лишь яркое представление, образы одного дня из жизни двух совершенно не похожих друг на друга людей, объединенных общими интересами. Я удовлетворю ваше любопытство через несколько мгновений, а пока – настройтесь на волну моей чувственности, следите за кардиограммой трепещущего пульса и вдыхайте ароматную свободу, отрешенную от правил приличия.

Настало время преодолевать границы, рушить стереотипы, пробовать неизведанное и вкушать запретное, ведь удивительная история дьявольского и ангельского ликов, воплощенных в мужчине и женщине, стремящихся наполнить свою жизнь невиданными красками, не оставит никого равнодушным. Итак – пробила полночь, а значит, мы с вами можем отправиться туда, где сбываются самые сокровенные фантазии. Время пришло.

Без четверти двенадцать я находилась дома у своего дядюшки в округе города Р. Глушь еще та: вокруг на многие мили ничего, кроме бескрайних зеленеющих полей и завывания холодного ветра, несущего в себе капельки воды с озера Мичиган. По календарю седьмое июня. Стоит выйти на улицу, как ты сразу попадаешь под влияние воздуха необыкновенного вкуса – свежего, манящего и дурманящего своей чистотой.

Здесь тихо, почти нет машин, общая отчужденность с лихвой компенсируется чувством умиротворенности, уютным блаженством и бесконечным полетом души. Но думать о спокойствии и размеренности бытия совсем не хочется, ведь сегодня мне предстоит совершить увлекательное путешествие.

Как только дядя Джон уснул, я на цыпочках прошмыгнула мимо его спальни и заперлась у себя в комнате на все возможные замки. Нужно быть готовой к тому, что ожидает меня этой звездной ночью. Отворив дверцы шкафа, я сделала глубокий вдох, а после неторопливо выдвинула ящик с самым сокровенным. Петли, тесемки, замочки, серебриющиеся в лунном свете, должно быть, и вправду завораживают, но рассуждать не время, да и любоваться ими тоже. Лиловое, белое, алое и даже цвета спелого винограда... нет-нет, наступил особый случай, торжественный и серьезный, так что выглядеть я должна респектабельно и строго, без малейшего налета инфантильности.

Погрузив кисть в пучину шелка и кружев, я бережно выудила из нее комплект, подаренный ко дню рождения одним своенравным молодым человеком. Спросите, где тот юноша сейчас? Должно быть, скучает по мне и считает минуты с момента нашего последнего расставания. Впрочем, это не главная тема вечера.

Скинув с себя легкий сарафан и облачившись в узорное белье насыщенного черного цвета, я пару раз покружилась перед зеркалом: кожа такая бледная, практически белая, мягкая на ощупь, изгибы гладкие, плавные – никаких острых углов. Сегодня я удивительно прекрасна, под стать тому мужчине, кто сможет оценить женственную красоту по достоинству. Ко всему прочему, дополнив образ ажурными чулками и

миниатюрными туфлями на тонкой шпильке, я распустила волосы, отливающие цветом шампанского при свете фонарей, и добавила капельку парфюма, заключающего в себе романтические нотки жасмина. Немного на тыльную сторону запястий, кромку волос за ухом, и главное – не забыть всего одну каплю в ямочку у основания шеи! Черные стрелки на веках, длинные ресницы, делающие взгляд едва ли не кукольным, персиковые румяна, оттеняющие линию скул, и самая яркая помада высшей стойкости, как приятный бонус. Осталось лишь накинуть плащ, запахнуть его потуже и скрыть лицо под полями шляпы, а после выйти из дома на шоссе и поймать машину, чем и займусь.

И часа не прошло, как я оказалась в городе. Серые дома, тусклый свет в окнах и путь к воплощению своих желаний. Один поворот сменяет другой, чужие запахи в воздухе смешиваются в один диковинный и интригующий, внезапный жар охватывает тело с ног до головы. А вон и мерцающая вывеска над лестницей, ведущей в глубь здания: «The False Temptation», – кажется, я пришла по адресу. Спустившись по шершавым ступеням вниз, я медленно переступила порог. Внутри был лишь длинный мрачный проход, а в конце его виднелась дверь, которую мне в мгновение ока преградил высокий широкоплечий мужчина.

– Сколько лет? – пробормотал он хриплым голосом.

– П-п-простите? – На мгновение я замерла подобно статуе, вцепившись в сумочку обеими руками.

– Повторяю, сколько вам лет?

– Ах... в этом смысле... девятнадцать исполнилось неделю назад.

Я нехотя достала документы и сунула их под нос амбалу. Саркастическая ухмылка тронула его тонкие губы.

– Простите за неудобство, просто вы так молодо...

– ...Выгляжу? Многие об этом говорят. Теперь я могу идти?

– Да, нет проблем.

Мужчина взял мою руку и поставил на запястье флюоресцирующую печать, а после пропустил меня внутрь огромного зала, до отвала заполненного людьми. Они двигались под музыку безумно, страстно, соприкасались телами и уходили в отрыв, забывая обо всем на свете. Когда дверь за моей спиной захлопнулась, я поняла, что бежать уже некуда и то, ради чего я здесь, из похотливой девичьей фантазии действительно имеет возможность стать былью. Просачиваясь между танцующих людей и прикрывая уши от резких звуков, доносящихся со стороны диджейского пульта, я наконец оказалась с другой стороны помещения, изумленно оглядываясь вокруг.

Мужчины и женщины – такие разные, обласканные лучами искусственного синего света – сводили меня с ума своим видом: блески, стразы, тела, вымазанные в краске самых разных цветов, заклепки и кожа, высокие сапоги на платформе – чего там только не было! Вульгарный макияж, жаркие объятия, ремни и застёжки, будоражащие воображение. Влюбленные дарят тепло друг другу, через секунду пары разбиваются и люди меняются местами, чьи-то ладони на ягодицах, руки на талии, пальцы в волосах. Юноши целуют девушек, затем себе подобных, женщины ласкают друг друга, наплевав на мнение окружающих и воспламеняя разгоряченное мужское эго. Огромная живая оргия, страсть, готовая выплеснуться с танцпола на улицы Р. в любую секунду. Похоть, разврат и искушение. Все как я люблю.

Минутой позже ко мне подошел невысокий худощавый мужчина, представившийся Ральфом и поинтересовавшийся, к кому я пришла. Я коротко произнесла имя человека, должного перевернуть мою жизнь с ног на голову, после чего Ральф взял меня за руку и силой повлек за собой в один из узких коридоров. По дороге он заглядывал в каждую встречную дверь, пока не приблизился к последней. Тройной стук, ожидание после него. «Секунду!» – произнесенное в ответ мягким мужским голосом. Вскоре вход распахнулся предо мной, а из комнаты выпорхнула симпатичная молодая девушка, буквально сияющая от счастья, после чего Ральф вежливо уступил мне путь.

Когда я оказалась в помещении, то оценила взглядом замкнутое ярко-красное пространство без окон и даже намека на них. По левую руку находилась высокая тумба черного цвета, а посередине стоял небольшой стол, возвышающийся на четырех ножках. Рядом со столом находился высокий мужчина, вальяжно прислонившийся к стене: взъерошенные волосы цвета ночи, сияющие голубые глаза, подведенные ярким карандашом, ногти, покрытые черным лаком, плащ в пол, надетый поверх кожаных брюк и футболки, перетянутой тугим ремнем наискосок. Полуперчатки, изумительные перстни на руках и пояс с массивной пряжкой также привлекли к себе особое внимание. Лукавая улыбка тронула его пухлые губы – он попросил Ральфа покинуть помещение, после чего мы остались наедине.

– Адам?... – Волна необузданного интереса накрыла меня с головой.

– Тсс... – Мужчина подошел ко мне совсем близко, так что я могла почувствовать его дыхание, а после склонил голову и вдохнул аромат моих волос, утопая в них одной рукой.

– Ничего не говори...

– Но сколько это будет... – Не успела я закончить фразу, как кончики мужских пальцев коснулись моих губ.

– Цена – не главное, о ней поговорим позже. А сейчас скажи, чего ты хочешь? – Адам обнял мою шею ладонью, после чего резко притянул к себе беспомощную жертву.

– Хочу... – В тот момент мысли покинули голову. Я закрыла глаза, провела кончиком носа по груди незнакомца и дрожащим голосом произнесла: – Хочу... тебя.

– Да, милая, этого следовало ожидать. Ну же, скажи, как сильно ты меня хочешь. – Его ладонь сжала тыльную сторону моей шеи до первой боли.

– Я... очень тебя хочу!..

– Не бойся, сделай это еще громче! – Нажим усилился, после чего я ойкнула и снова повторила эти слова, но уже на порядок отчетливее, при этом стиснув зубы.

– О да, твой голосок мне нравится – такой нежный, искренний... но сейчас не время разговаривать, правда? Так что делай все, как я говорю. Будешь хорошей девочкой, мм? – Молодой человек резко схватил меня за подбородок и проникновенно заглянул в глаза.

– Разумеется, буду...

– А сможешь поклясться?

– Да... да, я клянусь!

– Тогда начнем. – Адам потянулся ко мне и ласково провел расслабленным языком от скулы к виску, после чего, недолго думая, распахнул полы моего плаща, оценивая фигуру пристальным взглядом и задумчиво прикусив нижнюю губу. – Сейчас ты полностью снимешь его, затем шляпу, и сложишь их у дверей. Но только сделаешь это так, чтобы и я тебя захотел.

Мужчина отстранился несколькими решительными шагами назад и прислонился к столу, после чего я, словно в бреду, неторопливыми движениями приспустила плащ с плеч, оголяя тело сантиметр за сантиметром, затем провела ладонью от подбородка до зоны декольте, тонкими пальцами обхватила свою грудь и впилась в нее коготками. И вот уже хрупкая кисть скользит к талии, а кончики пальцев проскальзывают под кромку трусиков. Плавное вращение бедрами, руки обнажаются все больше и больше. Мгновение – я уже спиной к искусителю, и вот плащ падает к моим ногам. Стойка вполоборота, неторопливый наклон, ладонь скользит по ткани чулка к бедру, я же тем временем выпрямляюсь и степенно подхожу к мужчине, чьи глаза горят огнем желания, а после небрежным жестом избавляю себя от шляпы, что направляется прямоком к верхней одежде.

Осторожно касаюсь сочных губ Адама, он размыкает их с долей недоверия, но тем не менее впускает мой изящный палец в полость своего рта. Обхватывает его губами, закрывает глаза... мое сердце готово было вырваться из груди и отправиться на поиски рая! Легкое движение пальца: вот захвачен чуть глубже, а вот вновь показался наружу. Бережно пытаюсь высвободить его, но губы внезапно смыкаются вокруг еще плотнее, не

позволяя мне этого сделать. Снова колющая боль, резкая и острая... через считанные мгновения мне все-таки удалось высвободить свой пальчик. Ах, какая досада, так сильно болит! Лицо мужчины было невозмутимо. Я плавно обхватила губами раненую часть тела, на которой отпечатался ровный ряд чьих-то шаловливых зубов. Честно, стало легче. Но время не ждет, спустя несколько секунд Адам объяснил мне правила игры, подойдя к тумбе и роаясь в ее ящиках:

– Сегодня ты только моя. Не смеешь думать о других, вспоминать своих бывших, мечтать о ком-то постороннем, потому что я сразу это замечу. – Молодой человек вынул что-то из ящика, а после, быстро поравнявшись со мной, защелкнул на женской шее металлический ошейник с коротким поводком. – Ты обязана слушать, внимать моим словам, следить за происходящим и забыть о реальном мире, находящемся за пределами этой комнаты.

– Да... я согласна, – пролепетала растерянная девушка, полностью подчинившаяся властному и жестокому мужчине.

– Ты забыла сказать – хозяин, – прошептал Адам, снова заглядывая в мои глаза.

– Я согласна, хозяин.

– Умница. – Искуситель коротко поцеловал меня в висок, а после скомандовал: – На колени!

Я мгновенно приземлилась на холодный пол, устланный тканью бордового цвета, и покорно склонила голову. Адам вальяжно обошел меня и придвинул стол к противоположной стене. Лицо мужчины было удивительно спокойно: довольно крупные его черты, полные губы, пронзительный волчий взгляд – все в нем казалось мне чертовски привлекательным, именно чертовски, потому что ангелом в данном случае являлась я, сложившая руки на коленях и нервно перебирающая ногтями гладкую поверхность чулок. Вскоре поводок был намотан на руку садиста так, что я вынуждена была опереться руками на пол, лишь бы не разбить свой нос.

Истязатель снова оказался рядом и двумя пальцами поднял мой подбородок. В тот момент мое лицо приходилось на уровень его пояса, так что звук размыкающейся молнии еще долго не покидал мысли. Да, это было пошло, надменно и унизительно. Да, это было яростно и грубо, без рук и малейшей надежды на помощь со стороны. Хозяин приказал – рабыня же выполнила его развратную прихоть с честью и похвалой со стороны добровольного мучителя. Я помню лишь терпкий вкус, аромат вульгарности и разврата, секса – в буквальном смысле слова! Помню его движения навстречу моим податливым губам, ладонь, впивающуюся в пряди золотистых волос и блуждающую пальцами по затылку, голову, чуть опрокинутую назад: сомкнутые ресницы и приоткрытый алый рот, с которого слетали восхищенные, умопомрачительно сексуальные вздохи. Когда мы закончили, Адам одобрительно провел рукой по моей щеке, а после сглотнул слюну и снова направился к тумбе, не выпуская поводок из рук.

Достав оттуда небольшую плетку с широкой рукояткой, он пару раз бережно стегнул меня по бедру, пояснице, спине, затем все сильнее и сильнее. Вот уже боль не кажется мне такой легкой, напротив... навязчивое жжение и красные отметины на тонкой коже. Я выгибалась после каждого удара подобно змее, стонала не столько от остроты ощущений, сколько от возбуждения – сумасшедшего и яростного. Затем Адам присел на колени рядом со мной и щелкнул раскладным ножом в паре сантиметров от лица. Лезвие коснулось его пальца, и на том выступила алая капелька. Мужчина поднес руку к моим губам и едва заметно коснулся их, измазав при этом в крови и строго настроено запретив ее слизывать. А после его рот примкнул к моему, смешивая разнообразие вкусов в один, сбивающий с ног своей сокрушительной силой. Благо, в тот момент я находилась на полу и упасть не представлялось никакой возможности.

Вскоре подобные садомазохистские забавы наскучили моему знакомому, и он решил доставить низменное удовольствие своей покорной рабыне. В мгновение ока сильная рука проскользнула под тонкое кружево, коснувшись самого сокровенного и нырнув в глубь

женского естества. При этом кричать строго воспрещалось, можно было лишь издавать слабые, но от этого не менее чувственные и выразительные стоны. Оргазм накрыл меня с головой, эйфория после него держалась еще долгое время. Но кульминация происходящего должна была стать десертом после прошедших развлекательных утех.

Адам достал из тумбы невысокую парафиновую свечу – не шире дна стакана, но и не слишком тонкую. Неторопливо поджег ее и поставил рядом с моим взволнованным телом. Пока он снимал плащ, я трепыхалась, словно рыбка, выброшенная на лед, – не хватало воздуха, кислорода, хотелось завопить о том, чтобы он скорее слился со мной в единое целое! Вскоре я вновь оказалась в непристойно-животной позе, уже успевшей стать для меня чем-то привычным. Адам приблизился ко мне со спины, и скрипучая молния его брюк снова заверещала под пальцами. И в тот момент, когда я почувствовала жар искусителя внутри, когда первые ритмичные движения начали распалать и без того плавящееся сознание, когда я ощутила себя на седьмом небе от долгожданного счастья, на мою нежную спину обрушился град обжигающих восковых капель.

Снова звонкий стон, отчетливая боль, поводок, за который Адам потянул меня к себе, заставляя запрокинуть голову назад и закрыть глаза, в которых уже давным-давно мерцали звезды. Да, это было довольно жестоко, но от этого не менее волнующе, и тянулось до тех пор, пока вся свеча не прогорела до основания. После этого мужчина поднялся с колен. Я откинулась назад, приходя в себя и оценивая «хозяина» довольным взглядом.

– Сколько с меня? – Внезапно искренняя улыбка тронула мои губы.

– С тебя? Ужин дома вместо пресловутой пиццы и уютная постель. – Парень усмехнулся, помогая мне подняться и ласково подув на обожженную спину. – Вечно ты что-то придумываешь. Надеюсь, дядя Джон не сильно шокирован нашим приездом?

– Нет, что ты! Он любит меня, уважает моих друзей, поэтому и разрешил пожить нам у него какое-то время. – Я обвила шею Адама руками, после чего запечатлела на его губах нежный поцелуй. – Давай в следующий раз отправимся в Париж на Эйфелеву башню? Ну или в Лондон к моей троюродной тете, она будет только «за».

– И все тебе дома не сидится, ненасытная какая! – Молодой человек бережно обхватил губами кончик моего носа, сладко его чмокнув. – Сильвия, предложи еще смотаться в пустыню Сахару и заниматься этим в сорокаградусную жару! Если честно, я до сих пор не понимаю, как тебе удалось уломать владельца клуба на такую театральщину. Видела Джейн, когда та выбегала из комнаты?

– Да. Она сияла от счастья. На мгновение мне показалось, что вы действительно переспали, – лукаво подмигнув любимому, вкрадчиво прошептала я.

– Нет, что ты, – сидели за картами, пока ты не приехала. Она выиграла у меня пять партий подряд! Мы заждались. А Ральф вообще бегал как неприкаянный, слонялся туда-сюда без дела.

– Но я же сдержала обещание.

– Сдержала... – Юноша снял с меня ошейник и поднял одежду с пола, отряхивая ее и что-то бубня себе под нос. – Кстати, это белье на тебе смотрится изумительно.

– Правда? То, что надо: это был самый лучший подарок к моему дню рождения. Спасибо, милый! – Я напялила шляпу и плащ, после чего взяла Адама под руку. – Домой?

– Домой, пока нам от хозяев не досталось. Забираем Джейн и Ральфа, а после хорошенько высыпаемся. И учти – никакого секса на ближайшую неделю!

– Посмотрим-посмотрим.

Задорный смех наполнил собой красную комнату, после чего мы с Адамом покинули помещение. Казалось бы, так просто любить друг друга, дарить себя без остатка, радоваться каждому новому дню, но в то же время все мы в глубине души мечтаем о чем-то своем, сокровенном и очень интимном. Некоторые стесняются показать свое истинное нутро, освободиться от запретов и нырнуть с головой в пучину удовольствия, хотя на самом деле это легко, и, при желании, эксперименты могут стать постоянными

спутниками влюбленной пары – их стимулом, наркотиком, смыслом стремиться к чему-то еще более совершенному.

Такие забавные игры и авантюры захватывают, увлекают, поглощая большую часть свободного времени. Кто-то живет, преодолевая боль и хныча о содеянном, а кто-то этой боли ждет как манны небесной. Все люди разные, у всех своя судьба, но ничто не может стать помехой для исполнения самых сокровенных фантазий, так что дерзайте и будьте счастливы так же, как счастливы Адам и Сильвия в объятиях друг друга.

[Финальный аккорд]

С начала всех начал я глупо и неправильно дорожила тобой. Изучала, присматривалась, делила плюсы на минусы, даже не догадываясь о том, что ощущаю на самом деле. Озарение пришло позже – неожиданно отрезвляющее, причиняющее несоизмеримую с прежним счастьем боль. Я ведь не знала саму себя, не раскладывала мимолетные впечатления по полочкам, дабы понять, что они значат и какую имеют цену. Сейчас, отнеси я какому-нибудь интересующемуся коллекционеру каждое из прежних чувств – диковинных и редких, стала бы миллионершей. Да только мифические деньги не принесут даже толики удовлетворения.

Когда хотелось стать ближе, я смущалась, когда нужно было уйти, робела еще сильнее. Ждала тебя вечность, если не больше, и вечность прождала бы еще, да только правила игры под торжественным названием «жизнь» немного изменились. В тщетных попытках вернуть все назад, расставить необходимые нашей истории точки выматывала себя до изнеможения. Хотя кому это было нужно: случайным свидетелям, птицам за окном, мартовским котам, мяукающим на крыше, или тебе – не видящему, не слышащему, словно пребывающему в коме и тихо дремлющему подле меня?..

Пыталась разбудить нежно и ласково, резко и колко – устраивала концерты рядом с твоей постелью, читала романы, в полубреду от переполняющей нежности шептала что-то невыносимо трогательное. А ты спал крепким сном, зарываясь в подушки и периодически отворачиваясь к стене. Я опускала руки, но не сдавалась. Только по дрожащим пальцам можно было догадаться о волнении, переполнявшем меня. Я помнила о тебе даже спустя время после исчезновения с экрана надписи «The End», за которой, кроме пустоты, уже ничего не следовало.

Мы были. Были. Вместе или врозь, близко или далеко – не имеет значения. Я осталась, а ты испарился без подведения итогов и чтения нотаций. Я представляю, что частичка моей души улетела в другую галактику – туда, где обретет неведомый покой. И ты вместе с ней сейчас наверняка обнимаешь горящие звезды и купаешься в их ослепительной энергии. Теперь орел свободен. Разве не это высшая награда? Разве его можно удержать в золотой клетке? Даже если гордец побит, угрюм и растрепан – в душе все равно останется самолюбивым и властным царем птиц. Ты заслужил спокойствие, непокорный мечтатель. Я не смотрела тебе в глаза. И не посмотрела бы, представься случай. Ты резал меня, рвал на куски и собирал их снова в ином порядке, выстраивая по своему усмотрению и пытаясь получить идеал, на который подопытная жертва ничуть не была похожа, а потом внушал мне, что я достойна высших благ, поскольку и являюсь совершенством. Долго же я терпела, позволяя манипулировать фрагментами своей сущности!..

Ты – искуситель, который не углубляется в раскопки нравственности, а только довольствуется тем, что бабочки льнут к нему, теряя пыльцу с крыльев и падая на черствую ладонь того, кто прежде казался им ангелом. Слепые мотыльки рассыпались в руках либо были безжалостно выкинуты за ненадобностью. И лишь один лежал, не шелохнувшись, в надежде отыскать тепло, отметка которого на шкале окружающего мира тем временем приблизилась к чудовищному, катастрофическому минимуму.

Я то молила тебя, то оскорбляла. То боготворила, то ненавидела. Но основа для всех чувств едина. Ты отпугивал меня либо бежал. Иногда шел в наступление, а иногда вовсе прятался в тень. А я надеялась. Теперь же это слово покинуло мой мир, как после расставания с обидчиком душу ущемленного покидает тревога. Лишнее время стало поводом для размышлений: когда в твоём запасе множество свободных минут, ты имеешь полное право тратить их на анализ прошлого. Да, я пыталась вернуться, но сердце дрогнуло и вовремя остановило меня, заставило избежать очередной ошибки.

Самое приятное в жизни ждать и дожидаться, а не просто сидеть у окна, сморкаясь в кружевной платок и не сводя глаз с расплывчатой линии горизонта. Я существовала в твоей вселенной, ты существовал в моей, но «нас» не было никогда. Жаль, что поняла это только сейчас. А я ведь любила тебя... любила когда-то давно, но сейчас уже и не вспомню, было это правдой или дивным сном. Прошлое расстается с нами, как расстались мы друг с другом. Замыкающий аккорд удивительной симфонии, сплетенной из желаний и событий, связывающих двух разных людей, на редкость справедлив:

Идеи погибли. Закрыты все двери.

Ступай, не стучись – я не верю, не верю!..

Ушел, растворился в рутинном потоке:

Мы были одни, а сейчас одиноки.

Но слезы исчезли, теперь я довольна.

Шипами от роз уколотся не больно,

Больнее любить, но любить без отдачи –

Ни франка, ни цента, ни пенни не значить.

Снежинки садятся на бледную кожу.

Могли мы тогда, но сейчас ведь не сможем.

Зима привела за собою печаль...

Слова напоследок: МНЕ ИСКРЕННО ЖАЛЬ.

[Ледяное пламя]

Жарким летним вечером мы с сокурсниками отправились на природу – к густому лесу в десятке миль от шумного города. Кое-как записав спальные мешки и палатки в багажник автомобиля, пятеро озорных ребят направлялись на поиски приключений. И часа не прошло, как яркое небесное светило приблизилось к четкой линии горизонта, которая вскоре покрылась аккуратными макушками деревьев. Закат был необычайно красив: небо розоватого оттенка, оплетенное кружевными лентами перистых облаков, выглядело маняще и притягательно. В воздухе витал необычайно свежий аромат свободы. Молодая листва, полевые цветы, многообразие сочных красок – целая палитра!

Высокий блондин Лайам, с глазами удивительного цвета морской волны, сидел за рулем. Синтия устроилась рядом, бросая на любимого взгляды, полные нежности. Парочка выглядела спокойной и умиротворенной. А вот на задних сиденьях царил шум и гам, не дававший мне сосредоточиться на своих сокровенных переживаниях. Бойкая Лейла и неугомонный Джейк весело щебетали о том, как чудесно проведут эту ночь вдвоем, предвкушали неизбежную близость на траве среди незабудок и душистого клевера. «Только вот клопов и шмелей никто не отменял», – буркнула я себе под нос, устремив сердитый взгляд в серебриющуюся под лучами закатного солнца чашу.

Вскоре мы свернули с асфальтовой дороги и прыгали по кочкам еще несколько минут, пока наконец не выехали на симпатичную лужайку, устланную белоснежным покрывалом из ромашек. Ребята выгружали вещи из автомобиля, а я, скорчив недовольную мину, решила неторопливо прогуляться. За поляной следовала сплошная зеленая стена. Подойти ближе я не решалась, поскольку страх перед лесными дебрями поселился в моей душе много лет тому назад, когда я умудрилась отстать от отца и

заблудиться среди сосен и кедров. Каким счастьем мне тогда казалась долгожданная встреча с папой после часа блужданий в крошечной темноте! Но ведь конец той истории мог быть плачевным. Впрочем, не буду вдаваться в воспоминания, ведь есть дела куда поважнее.

Синтия окликнула меня, сказав, что все для пикника готово. Отлично, уже почти стемнело, а у нас застолье намечается! Приблизившись к расставленным палаткам, я заметила костер, который Лайам умудрился разжечь. Каждого из нас озарило багровое пламя, мерцающее бликами на жизнерадостных румяных лицах. Я устроилась на покрывале, после чего мне вежливо протянули пластиковый стаканчик, в который была налита горячая смесь джина с вермутом. Джейк произнес символичный тост, что-то типа «за мир во всем мире и безграничную любовь на круглой голубой планете», после чего мы чокнулись и сделали первые несмелые глотки самодельного мартини.

Вскоре я перебралась поближе к огню. Пламя костра не обжигало нежные ладони, я играла с ним, касалась его, оно же в ответ обнимало мои изящные пальцы и пугалось в них. Лейла резко оборвала мою невинную забаву, сказав, чтобы я прекратила баловаться, пока полукруги не спалила, на что я сдвинула брови домиком и коротко отрезала:

– Кто-то вообще не собирался ехать в эту глушь, так что теперь, раз уж уговорили меня отправиться в путешествие, мучайтесь, «друзья» мои.

– Мэг, да что на тебя нашло?! Мы все тебе очень рады! Ты наша любимая сокурсница... – Синтия внезапно замолчала, сделав очередной глоток коктейля.

– Ну и? Мало быть сокурсницей. – Голос мой звучал особенно холодно.

– Мэгги, хватит, – прошептал Лайам. – Ты моя близкая подруга, а значит, и остальных. Не бубни, я притащил тебя сюда для того, чтобы ты перестала грузить себя депрессивными мыслями. Да, трудности в учебе, множество житейских хлопот сказываются не лучшим образом на жизни юной леди, но имей совесть и не порти настроение присутствующим.

И вправду, тот, кто произнес эти слова, был единственным моим другом из всей этой шайки, человеком, к которому я искренне тянулась, которого уважала, которому была предана душой и телом, что так и не дождалось его – первого мужчину, в чьи объятия я бросилась бы не раздумывая. Но он не воспользовался моей наивной доверчивостью и в результате объявил о помолвке с кареглазой стервой, что пристально смотрела на меня, словно волчица, готовая наброситься в любую минуту. Сердце мое предательски колотилось, хотелось выцарапать Синтии глаза за всю ту боль, которой она подвергла меня в свое время.

Я так долго мечтала о принце – сказочном и прекрасном, нуждающемся во мне, моей поддержке и помощи, но Лайам оказался не из робкого десятка и все трудности преодолел самостоятельно, а после нашел ту, что смогла дополнить собой его тихий и спокойный нрав, – взбалмошную истеричку. Что ж, это его выбор. Сделав последний глоток, я поднялась с покрывала и скрылась за створками отдельной палатки, где никто не смел меня побеспокоить.

Завернувшись в спальный мешок, я закрыла глаза, пытаюсь отвлечься от переживаний и тревог. Все разбрелись по своим «домикам», оставив меня мучиться в одиночестве. Спустя четверть часа я звонко чихнула. Затем еще раз. И еще. Мысль о том, что ребята могут проснуться, совершенно меня не тревожила. Что-то щекотало мое лицо. Разомкнув ресницы, я провела ладонью по своим щекам и оглядела пальцы: все они были в какой-то серебристой пылице, будто только что слетевшей с крыльев невесомого ночного мотылька. Трава рядом была сплошь усыпана серебристыми пылинками, они кружили в воздухе и стремились осесть на моей бархатистой коже. Я выбралась из мешка и поспешила покинуть свою палатку, дабы разузнать, что это и «с чем его едят».

Трава в лунном свете переливалась тысячами искр – серебряная пыль была повсюду, дорожка из нее простиралась до самого леса. Я направилась по следу и вскоре уткнулась носом в первое попавшееся дерево. На его все еще теплой коре красовалась тонкая

трещина. Я коснулась ее, провела по впадине от начала до конца и взглянула на руку – она вся светилась серебром. Должно быть, это шутка и кто-то издевается надо мной. Вернувшись назад и заглянув в палатку Лайама, я не обнаружила ничего подозрительного. Лейла с Джейком тоже мирно посапывали в своих мешках, вместо того чтобы «сближаться», как сначала и планировали. Снова подойдя к высокому дереву, я недовольно фыркнула и собрала всю свою волю в кулак, решив покончить с безобразием и немного углубиться в дебри для того, чтобы понять, куда же хотят привести меня эти маленькие серебристые кристаллы, рассыпанные вокруг.

Странно – вся моя ладонь, испачканная в дивной пыльце, сияла настолько, что ближайшие пару метров в кромешной тьме удавалось разглядеть без помощи фонаря. Я ступала по влажной траве, держа руку перед собой и следя за потоками блестящих искр, кружащих в воздухе и периодически заставляющих меня чихать. Не помню, как долго шла, сколько времени было на часах, знаю лишь одно – вскоре я оказалась там, куда лунному свету было не пробиться. Мрачно, страшно, и никого вокруг.

Еще несколько шагов вперед, сырая земля уходит из-под ног, боюсь оступиться и... В глазах моих было изумление: под лучами мерцающего света, исходившего от моей руки, удалось разглядеть невысокий холм с круглой дверцей посередине. Может, все это мне только снится?.. Не стоило выпивать! От места, где я оказалась, веяло таинственностью, граничащей с абсурдом. В деревянной двери было проделано небольшое круглое окошко, в которое я и поспешила заглянуть. Внутри темно хоть глаз выколи – ничего не видно. К слову, дорожка сияющей пыли на траве вела именно к этому месту и уходила под холм. Я осторожно коснулась бронзовой головы льва над ручкой: на ней был толстый налет старины, сама же ручка в форме подковы мгновенно поддалась моим проворным пальцам, после чего петли противно заскрипели и путь был свободен.

Согнувшись в три погибели, я сделала несколько неуклюжих шагов и, протянув перед собой ладонь, освещающую путь, смогла разглядеть стол, на котором красовалась шкатулка. Подойдя ближе, я взяла ее в руки и хорошенько изучила: синяя эмаль, витиеватый узор золотом и выгравированная надпись: «Домик для верной помощницы Лилии от принца Эрика». «Что еще за принц? Оглянись, девочка, двадцать первый век на дворе!» – сказала я себе, лишь бы поскорее очнуться. Но минуты не прошло, как крышка шкатулки задрожала и отворилась, моему же удивлению не было предела: крохотный мотылек, точнее, девушка с искрящимися крыльями за спиной ветром вырвалась наружу и стала парить в воздухе перед моим лицом. Она выглядела сказочно: миниатюрная фигурка, шелковое платье и диадема в волосах не больше, чем ноготь на моем мизинце. Удивительное чудо, представшее передо мной, оказывается, еще и умело говорить.

– Кто ты? – тоненьким голоском пролепетала фея.

– Я? Лучше ответь, кто ты и что вообще происходит!

– Я Лилия, разве не ясно? Как ты сюда попала? Уходи немедленно, чужакам не место в моем доме! Дорону это не понравится!

– Постой... Я ничего не понимаю. Ты Лилия, вопросов нет, маленький говорящий мотылек, так понимаю? А кто тогда Дорон? – недоумевала я.

– Верный друг, скрашивающий мое одиночество на протяжении столетий. Он скоро будет здесь, так что поторопись, иначе нарвешься на его гнев и беды не миновать! – Девушка мельтешила перед моим носом, стараясь вытолкнуть незваную гостью.

– Так, с меня хватит! – Я схватила сварливую хозяйку и заглянула ей в глаза. – Немедленно объясни мне, в чем дело, иначе я с места не сдвинусь! И мне плевать на твоего друга и его гнев!

– Фр-р-р... какая дотошная... – Лилия вырвалась из моих ладоней и присела на крышку шкатулки, сложив крохотные ручонки на груди. – Я – волшебная фея, служившая в прошлом верой и правдой юному наследнику престола Эрику. Раньше на месте этого леса был чудесный дворец, сейчас же от него остались только руины и окаменелый сад,

что чуть западнее моего дома. Дорон – помощник принца. Мы с ним наделены бессмертием и вот уже который год живем бок о бок, всячески поддерживая друг друга.

– А принц? Где он сейчас? – поинтересовалась я.

– Он был так жизнерадостен и так прекрасен, сейчас же заколдован и находится в дивном саду из увядших цветов, куда мы с Дороном и должны направиться с минуты на минуту, чтобы проведать нашего дорогого Эрика. – Фея тихо всхлипнула. – Теперь ты довольна?

– Да, по крайней мере, мое любопытство удовлетворено. Можно, я пойду с вами?

– С ума сошла?! Дорон был охотником в свое время: заметив чужака в наших краях, он придет в ярость и не посмотрит на то, что ты столь милое и симпатичное создание! Беги скорее, иначе поздно будет! – Лили поднялась в воздух и стукнула меня по носу.

– Нет уж! Из-за тебя и твоих крыльев я чихаю весь вечер, так что будь добра, выполни мою маленькую просьбу – возьми с собой к принцу!

– И не подумаю!

– Лилия... – внезапно послышалось чье-то тихое рычание.

– Боже, боже мой! Он пришел... прячься!

Фея мигом покинула комнату, я же последовала за ней. На улице было холодно и неуютно, крохотный мотылек кружил в воздухе, теряя свою искрящуюся пыльцу, я же все отчетливее слышала приближающиеся увесистые шаги. Вскоре между ветвями деревьев показался чей-то силуэт. Это был огромный, тяжелый... медведь?!

И вправду, вскоре со мной поравнялся лохматый гризли. Шерсть его была спутанной и грязной, глаза горели красным огнем, а белоснежные клыки сверкали в темноте. Лилия подлетела к нему и стала умолять о том, чтобы не делал глупостей, на что косолапый прерывисто прошипел:

– Кто эта девчонка?! Я голоден, так давно не ведал вкуса свежей человечины.

– Дорон, не стой! Она не сделала ничего плохого, просто заблудилась! Давай отпустим ее восвояси? – Фея металась из стороны в сторону, периодически ударяясь о косматого друга и осыпая его серебристыми искрами.

– Она знает о принце? Если да, то мы не можем ее отпустить!

– Беги, глупая! Беги, пока не поздно! – пищала Лилия, попеременно обращая то ко мне, то к Дорону. – Она никому ничего не скажет, будет хранить эту тайну за семью замками!

– Я пойду с вами... – Мой тихий шепот нарушил причитания девчушки.

– Что?! – взбесился гризли.

– Что слышал! Хочу увидеть принца...

– Да как ты смеешь?! Я разорву тебя в клочья, прежде чем ты сделаешь шаг! – Медведь оттолкнул фею, двумя прыжками приблизился ко мне и злобно оскалился.

– Ничто меня не остановит! Рычи сколько влезет, старый дурак! – Мой пронзительный крик эхом отразился от крон деревьев.

– Вот как! – Внезапно рослый Дорон повалился на спину и, катаясь по сырой земле, захохотал. – О-хо-хо! Смелая девчонка попалась! Обычно все, кто видел меня, бежали прочь отсюда. Молодец, так держать!

– И?.. – Я бросила взгляд на фею, которая в недоумении повела плечами, соорудив равнодушную мордашку.

– Запрыгивай! – задорно произнес медведь.

Гризли поднялся с травы и подставил мне спину. Я мигом вскарабкалась на нее, и старый ворчун понесся вперед. Малышка Лили только и успевала перебирать прохладный воздух своими тоненькими крылышками в погоне за нами. Вскоре мы прибыли к каменным воротам, за которыми располагались руины замка, а также старинный сад, где и покоился сказочный принц. Дорон поставил меня на землю и галантно пропустил вперед. Я неторопливо ступала по вымощенной камнем дорожке, оценивая пейзаж вокруг заинтересованным взглядом.

Мрак окутал эти места, туман наводнял пустынные тропинки, осколки колонн и обломки стен валялись повсюду. И в самом конце пути, у пробитой ограды несколько сгорбившихся деревьев дали понять, что мы на месте. В глубине сада на бетонной скамье сидел прекрасный юноша. Казалось, что он был жив, дышал и вот-вот взглянет на меня своими огромными глазами, но лишь аристократическая бледность выдавала в нем каменную статую. Рядом на скамье стоял узорный подсвечник, в ручке которого мерцал голубой топаз. В руках юноши покоились развернутая книга с девственно-чистыми страницами и изящное перо. Я подошла к Эрику и присела рядом, едва коснувшись его руки. Она была холодна как лед.

– Ничего не изменилось... он все еще спит... – прошептала малышка Лилия.

– Да. Но сколько бы лет ни прошло, он все так же свеж внешне, а значит, в глубине его и сердце такое же юное! Не будем терять надежду. Вернемся завтра, может быть, тогда он снова оживет. – Голос Дорона был полон тоски и печали.

– С чего вы взяли, что он оживет? – тихо вымолвила я.

– Как это с чего? Наша сказка обязана иметь хороший конец! По-другому не может быть! – возмутилась фея.

– А вы что-нибудь делали для того, чтобы он очнулся? Раз заклятие наложено, должен существовать способ снять чары. На десять закрытых дверей всегда найдется хоть один ключик!

– Юная леди... чего только мы не пробовали, ледяное пламя нам не раздобыть! – пробубнил старый медведь.

– Стоп! О каком пламени идет речь?

– Принца зачаровала злая колдунья, добивавшаяся его любви на протяжении нескольких лет. Он был непреклонен, искал создание чистое, легкое, совершенно невинное. Кристель наложила заклятие, в силу которого герой не мог оставаться в темноте, она сгубила бы его! И каждую ночь он приходил в этот сад со свечей, чтобы начать свою историю и записать ее в эту книгу, но вдохновение так и не посещало его. Пламя той свечи не обжигало, Эрик мог касаться его. И вот однажды, отчаявшись, он затушил огонь, и тьма поглотила его, превратив в статую, которую ты видишь сейчас. По преданию, принца может разбудить лишь ледяное пламя, которое зажжет тот, кто сможет удержать его в своих руках. И я, и Дорон боимся огня больше всего на свете! Ему он опалил шкуру в свое время, мне крылья, теперь я теряю пыльцу и оставляю ее повсюду. – Лили закончила свою речь и понуро опустила голову.

Внезапно все события прошедшего дня промелькнули перед моими глазами: красная машина, долгая дорога сюда, ребята, мартини из пластиковых стаканчиков, костер... костер? Вскочив со скамьи, я приказала Дорону вновь закинуть меня к себе на спину и отнести к поляне, где мы остановились с приятелями, только очень тихо. Фея радостно взвизгнула, после чего, не теряя ни минуты, все втроем направились на поиски огня.

Спустя четверть часа мы оказались у кромки леса. Гризли вновь опустил меня на землю, и я на цыпочках приблизилась к костру. Пламени уже не было, лишь несколько угольков мерцали посреди пепелища. Я взяла в руки тлеющую деревяшку, поднесла ее к своим губам и обдала дыханием, в результате чего первый робкий огонек появился на поверхности. Я тотчас забралась на спину медведя, и он понес меня в сад, где нас преданно ждал юный принц.

Я бежала к скамье изо всех сил, пряча огонек в ладонях, опасаясь того, что он вот-вот потухнет. Искры обжигали – ласково, но в то же время колко. На коже остались отметины, напоминавшие мне о том, как подожгла свечу из собственных рук, и как та ответила мне лучезарным пламенем. Я коснулась щеки Эрика и заглянула ему в глаза. В считанные мгновения все вокруг заволочло сиреневатым туманом, а принц вздрогнул, после чего устремил на меня недоумевающий взгляд. Он ожил, он сделал первый глоток свежего воздуха, после чего пришел в себя и поблагодарил меня от всей души.

Сейчас Дорон живет в том же лесу вместе с маленькой Лили. Они выполнили свою миссию и теперь свободны. Но, спросите меня вы, что же произошло со мной и сказочным юношей? Добродушный медведь довез нас до поляны к утру, после чего мы сели в красную машину, и я решительно нажала на газ. Не знаю, сколько еще куковали ребята на том ромашковом поле, оно и не важно теперь. Главное, я счастлива вместе с моим принцем. Осталось лишь научить его отличать хот-дог от гамбургера и носить джинсы с футболкой. Но современный мир герою очень даже по вкусу, а значит – еще не все потеряно и у нас есть надежда на тихое уютное счастье в живом мире, полном красок и чудес. А тот подсвечник до сих пор стоит на трюмо, сияя ледяным пламенем, которое спасло однажды того, кого ждала я всю свою жизнь. Счастливый конец? Да, особенно для Лайама, на которого вновь обрушится гнев его вспыльчивой возлюбленной, ведь ей придется провести еще пару-тройку ночей в компании клопов со шмелями. И поделом.

[Точка кипения]

Восточный мотив

Амизи, Иаби и их команда направлялись напрямиком из Кены, что находится к юго-востоку от Каира, на поиски таинственного города, о котором рассказывал прадед-путешественник. Легенда гласила, что в городе том находится площадь, в центре которой расположен фонтан. Вода из того фонтана дарует божественное благословение, и человек, испивший ее хотя бы раз, обретает невесомые крылья, помогающие ему подняться над Землей, попасть в лучший мир и обрести вечный душевный покой. Но важным условием являлось то, что волшебство это даровалось каждому по заслугам.

Герои были измождены жизнью, они пресытились мирскими благами и хотели найти то, что смогло бы вдохнуть в каждого надежду, или, по крайней мере, желали заполучить некий ориентир, позволяющий слепо идти к цели сквозь огонь и воду. Они ждали исполнения самой заветной мечты, которая сделала бы их по-настоящему счастливыми. Каждому было за сорок, но они по-прежнему любили друг друга. Любовь была искренна, чиста и невинна, словно лепесток лотоса при свете дня.

Пара собрала самых близких людей, наняла опытных проводников, и все вместе направились в путь через огромную пустыню. В первый день ничто не предвещало беды. К концу недели путники изрядно устали и устроили привал. Вскоре небо заволочло густыми облаками пыли. Песчаная буря надвигалась стремительно и накрывала собой бескрайние раскаленные земли. Верблюды бросились бежать, совершенно не думая о том, как будут обходиться без них хозяева. Двое людей пропали. Как ни искал их Иаби – все без толку. Утром команда скрепя сердце вновь тронулась с места.

Сутки прошли, затем двое. Верный друг Амизи, решив обследовать ближайшие территории в одиночку, отбил от команды и повстречался со змеей. Она приблизилась к растерявшемуся мужчине и нанесла решительный удар, который оказался смертельным. Человек погибал в страшных муках. Амизи же умоляла Богов пощадить его, но ни одна слезная мольба не была услышана ими. Женщина горько оплакивала потерю близкого, проклиная себя за то, что вообще согласилась на эту авантюру.

Пешком, усталые и грязные, искатели приключений шли навстречу своей судьбе. Жажда мучила их, еще один верный помощник погиб. Спустя десять дней в команде не осталось никого, кроме влюбленной пары. Кто-то струсил и повернул назад, кто-то не выдержал натиска жары и рухнул на землю, схватившись за сердце. Мужчина шел по пустыне, держа спутницу за руку, крепко сжимая ее ладонь.

Вдруг перед глазами предстало чудесное видение: полный колодец. Герои подошли ближе, не веря своему счастью. Иаби уступил своей возлюбленной возможность первой испить из источника. Она набрала воду в ладони и едва коснулась ее губами. Смуглый

брюнет последовал примеру супруги, но несколькими глотками не ограничился. Они снова побрели на поиски города.

Солнце по-прежнему распалило измученных путников, пустыня не щадила их. Опять хотелось пить, сил в запасе оставалось все меньше. Внезапно на склоне бархана появилась темная точка. Подойдя ближе, люди поняли, что это глиняный сосуд. Иаби вновь уступил очередь жене, она сделала глоток и отдала напиток любимому. Он насытился вдоволь, и пара вновь побрела по бескрайним пескам.

Тяжесть грузом ложилась на сердце, воздуха не хватало, мужчина причитал и охал, в то время как Амизи молча примирилась со своей долей. Когда путники поняли, что города не существует, а их ждет неминуемая гибель, они не сказали друг другу ни слова, а просто обнялись в последний раз, но, тем не менее, не прекратили двигаться дальше. Женщина не могла идти, муж нес ее на своих плечах и нечаянно споткнулся обо что-то, почувствовав, как ступни коснулась прохлада. Он опустил жену и поднял с земли неглубокое блюдо. На дне было несколько капель воды. Путешественник видел, что спутница не пришла в себя, и втихоря осушил посуду, а после закопал ее в песок. Амизи открыла глаза, и легким шепотом с ее губ сорвался вопрос: «Мы уже пришли?» «Еще нет, любимая», – ответил Иаби. «Я видела сон, а во сне том – дивный город, наполненный цветами и сочной зеленой травой. Я видела фонтан и ощутила прикосновение холодных ручейков воды к своим губам. Как давно я не испытывала подобного. Жажда мучает меня, и я понимаю, что жизнь покидает тело». В голосе ее присутствовала неизбежная тоска. Иаби опустился на колени рядом и провел рукой по темным волосам супруги: «Если бы у меня была вода, я не раздумывая отдал бы ее тебе».

Спустя несколько минут он снова поднял жену и медленными шагами двинулся вперед. Впереди замаячили башни земляно-серого цвета и стена с огромными воротами посередине. Таинственный город был найден. Кружилась голова, хотелось пить. Иаби снял свои одежды и положил на них Амизи, пытаясь разбудить ее. Но та спала вечным, непробудным сном. Сердце мужчины наполнилось болью. Он оставил тело и, собрав волю в кулак, побежал к своему счастью: падал, стонал и вскоре приблизился к дверям. Они были приоткрыты.

Путник следовал по узким улочкам, пока не увидел чудесный фонтан. Но воды в нем не было, вместо нее струился горячий песок, коснувшийся иссохших ладоней Иаби. Слезы выступили на его глазах. В тот момент мужчина проклинал себя и искренне желал смерти, но она так и не пришла. Амизи же направилась к самым звездам, обретя те самые крылья, что ведут в Рай, даруют душевный покой чистым и искренним душам.

Губительная слабость

Влюбленные друг в друга Кимберли и Джефф возвращались по проселочной дороге со дня рождения коллеги. До города оставались считанные мили, вокруг не было никого, лишь ледяной осенний ветер нес с полей ворох сухих листьев, путающихся под колесами. Юноша был за рулем, жара этим летом стояла жуткая даже в столь поздний час. Его мучила жажда, но под рукой не было ничего, кроме пива. Он отхлебывал его из стеклянной бутылки и несмотря на то что Ким настойчиво просила этого не делать, всячески упирался, ссылаясь на то, что ему нужно охладить собственную голову.

Держась за баранку свободной рукой, водитель не заметил, как на дорогу выбежало какое-то животное, по виду напоминающее барсука. Молодой человек резко ударил по тормозам, машина съехала с дороги на обочину и перевернулась в воздухе. Столкновение с землей было очень сильным. Девушка очнулась первой, по виску стекала тонкая алая струйка. Вскоре нашей героине удалось отстегнуть ремень безопасности.

Топливо медленно покидало пробитый бак. Заметив это, Ким принялась тормозить друга, пытаясь привести его в чувство: била по щекам, кричала, пыталась высвободить – в конечном итоге ей это удалось. Вытащив спутника из машины, раненая Кимберли

поволокла его по сухой траве подальше от места, где вскоре все заволочло дымом и гарью, а после прозвучал ужасный взрыв. Под рукой не было ни мобильного, ни рации, лишь груды раскаленного металла и Джефф, находящийся без сознания.

Голова Кимберли раскалывалась от боли, на любимом же не было видимых повреждений. Он дышал, и мысль о том, что парень жив, придавала силы его невесте. Она рыдала у него на груди, но тот не приходил в сознание. Сил идти дальше не было, ноги подкашивались, как только девушка пыталась подняться с колен. Она всю ночь просидела рядом, не отходя ни на шаг и беспрерывно окропляя тело любимого горькими слезами. Кровь же продолжала капать с ее головы на белую рубашку жениха.

Когда молодой человек очнулся, было раннее утро. Солнце гордо возвышалось над полями, птицы забавно щебетали, сидя на ветках деревьев, находившихся неподалеку, а девушка лежала на влажной траве. Джефф коснулся ее, прошептав, что все будет в порядке, но подруга не открывала глаза, как бы он ни старался, что бы ни обещал. Парень наказал себя больше, чем кого-либо, нечаянно убив любовь всей жизни собственным упрямством, при отсутствии которого счастье все-таки было бы возможно.

Остров для двоих

Мэг и Райан проводили медовый месяц на экзотических островах. Что может быть прекрасней: жаркое лето, безбрежный океан и лодка. Но вскоре обоих сморил полуденный зной, и судно унесло далеко от берега. Когда девушка проснулась, то первым делом начала паниковать. Страх сковал ее разум, путая мысли и сбивая с толку. Муж утешал свою ненаглядную, как только мог. Вскоре она немного успокоилась.

Они пытались грести веслами, но внезапное течение уносило их все дальше и дальше от райского бунгало, где были яства и пресная вода. Там оба ощутили вкус жизни. Теперь же от острова не осталось ничего, кроме зеленого пятна вдалеке. Прошло два часа. Затем четыре. Близился вечер. Пара была взволнована, но Райан все равно не прекращал бороться со стихией, пытаясь взять нужный курс. К сожалению, все его попытки были тщетны.

Вдруг Мэган заметила черный силуэт под водой, который стремительно приближался. Она закричала, поняв, что это акула, от которой посреди океана нет спасения. Огромный монстр долго ходил кругами вокруг лодки, предвкушая расправу с добычей и охраняя ее от своих сородичей. Устав ждать, он легонько толкнул судно носом. Потом еще чуть-чуть. Мэг металась, злилась, в истерике ругала мужа на чем свет стоит, упрекая в том, что из-за него они оба погибнут, в то время как сердце Райана обливалось кровью. Он не был виноват в случившемся и пытался сохранять спокойствие.

Вскоре, не выдержав страданий жены, мужчина прыгнул в воду. Он плыл навстречу неминуемой гибели, отвлекая чудовище и давая любимой возможность уплыть. Она понимала, зачем он это делает и каковы последствия, но даже не пыталась его остановить. Райан пал в этом неравном бою. Девушка рыдала, лупила веслом по воде, а тем временем на запах крови собрались хищники со всей округи. Несколько ударов – и дряхлая посудина дала трещину. В конечном итоге женщина смирилась и не пыталась сопротивляться, понимая, что не была достойна смерти мужа, который пожертвовал собой ради нее.

Подобных трагических историй немало в нашем мире, каждая из них имеет свою мораль, в каждой хранится свой смысл. Они неприятны и печальны, но лишь с помощью боли, вложенной в эти строки, я призываю вас задуматься над такими пороками, как жадность, упрямство и эгоизм. Отказавшись от них, каждый сможет сделать свою жизнь лучше.

[Два моих «слишком»]

Я присматриваюсь к тебе, неторопливо запоминаю каждую клеточку изумительно благородного лица, чтобы при случае возродить образ в памяти. Ищу взглядом, а когда нахожу – не могу отвести его даже на миг. Ты Изумителен, Интеллигентен, Исключительно важен. Я люблю разрывать чудесное фото на мелкие кусочки, а потом медленно и вдумчиво собирать его, словно пазл. Хочу любить тебя, ненавидеть, обожествлять, дарить всю себя без остатка, рассчитывая на взаимность.

Я больна тобой, я живу тобой, я вижу в тебе смысл каждого нового дня: от лучезарного рассвета до глубоких сумерек. Я рисую тебя в своем воображении – такого умного, сильного, тонкого и неожиданно чувствительного. Пьяна твоим шармом, за которым скрывается истинно дикая природа. Ныряю в омут ясных глаз – мудрых и бездонных. Постепенно теряю контроль над своими чувствами, готовыми выплеснуться наружу криком безумного восхищения.

Я мечтаю о тебе, мечтаю о том, чтобы ты был счастлив, успешен, верен своим принципам. Чтобы люди оборачивались тебе вслед и разделяли мой искренний восторг. Ты радость моя, ты печаль – отзвуки грома в темном небе и лучик солнца, скользящий по моим щекам и оставляющий за собой трогательный румянец.

Хочу обижаться на тебя, злиться, но неизбежно подходить первой и просить прощения. Хочу не только верить, но и преданно доверять тебе одному. Хочу отправиться с тобой в Лас-Вегас, выпить и обменяться обручальными кольцами, ничуть об этом не жалея. Вместе танцевать рок-н-ролл или играть в одном спектакле. Зверски кусать твои массивные плечи, оставлять на шее алые отпечатки губ и целовать тебя в кончик носа.

Хочу посвящать тебе стихи, рассказы, песни, а потом читать их вслух и умиляться собственной нежностью. Мечтаю стирать и гладить белоснежные мужские рубашки, дарить тебе запонки и парфюм от HUGO BOSS. Хочу завязывать галстук и готовить тебя к важным деловым встречам.

Мы просто обязаны нарядиться на Хеллоуин Ангелом и Дьяволом. Мне очень хочется носить подаренное тобой белье из самого изящного кружева. Хочу, чтобы ты на один день стал парикмахером и заплетал мои волосы в неуклюжие косы.

Я смогла бы покорить Эверест, прыгнуть с парашютом или изучать таинственный мир океанов... лишь бы ты был рядом. Хочу целовать тебя по-французски на дне бассейна с кристально-чистой водой. Представляю, как мы курим, сближаем наши лица, и я жадно вдыхаю дым, побывавший в твоих легких. А потом устраюсь у тебя на коленях и буду забавно смеяться от радости. Хочу запрыгнуть на тебя с разбега, обхватить ногами за пояс и долго не выпускать из своих объятий.

Я хочу шалить и проказничать вместе с тобой. Ущипнуть тебя за ягодицу и слизывать капли пота с твоего лба. Хочу, чтобы мы сделали одинаковые татуировки, купили деревенский домик и надолго поселились в нем, выпили виски с колой и разделили одну жвачку пополам. Хочу делать тебе массаж и страстно целовать пальцы любимых рук, а еще принимать вместе душ по утрам, завести большую собаку и неумело готовить пиццу, смеясь, швыряясь мукой, а после оттирая результат баловства с новых обоев.

Кажется, что я схожу по тебе с ума, но это чувство не сравнимо ни с одним другим. Оно легкое, теплое, возвышенное – самая бескорыстная телепатическая любовь. Я присматриваюсь к тебе, неторопливо запоминаю каждую клеточку изумительно благородного лица, чтобы при случае возродить образ в памяти. Ищу взглядом, а когда нахожу – не могу отвести его даже на миг. Ты Изумителен, Интеллигентен, Исключительно важен.

Часто задаю себе один и тот же вопрос: почему жизнь так несправедливо и жестоко разлучает половинки одного целого, ставит между ними множество барьеров и возводит нерушимые стены? Наверное, это делается для того, чтобы люди не разучились мечтать даже тогда, когда слишком ХОЧЕТСЯ, но слишком... НЕВОЗМОЖНО.

Часть II. Поэзия

[Свеча, бокал и сердце в нем]

Свеча, бокал – внутри отравы, там звонко плещется печаль.
Мое вино опять кроваво, но капель алых мне не жаль...
Всю душу разорвала в клочья, содрал с нее остатки грез,
И тихо-тихо плачу ночью, пока никто не видит слез.
Луна бледна, и я бледна, а свет струится по обоям.
Сегодня лишь тобой пьяна, сегодня тень меня укроет.
Горячим пульсом между строк оставлю память о былом:
Задетый болевой порог, бокал в руке и сердце в нем.
Нить превращается в петлю, что шею нежно обнимает.
Не жду, не верю и не сплю, пока огонь свечи мерцает.
Разбитых окон череда ведет из комнаты в другую,
Но это вовсе не беда – сквозь них и так смотреть могу я.
Пульсирует в вине тоска, а шторы ветром раздувает,
И платье цвета василька суровым черным отливает.
Когда рассвет меня найдет, заколку выну из волос.
Она прекрасна словно лед, сковавший в плен сиянье роз,
А на конце кинжала сталь – в ней сила всех земных стихий!
Осталось лишь вонзить в печаль, осталось замолить грехи.
Я делаю один глоток, в камине прошлое сгорает...
В часах песок, сухой песок. Он очень медленно, но тает.
И красный всплеск, и резкий звук! Жаль только, стены не отмыть.
Ты пуст, ты мертв – ни враг, ни друг. Придется мне тебя забыть.

[Пересчитывая грани]

Моя любовь равна победе, моя любовь полна огня...
Не отдаляйся от меня, ведь мы уже давно не дети.
Моя печаль – всему протест, как солнца плач в пустой вселенной
И голос вечности надменный, что громом рушится с небес.
Моя тоска полна надежды, как нимфа в озере обид –
Она не дремлет и не спит, она уже не та, что прежде.
Моя душа лесной тропой идет, срывая незабудки,
И каждый раз наивно, чутко я восхищаюсь лишь тобой.
Моя натура – тень и свет, лукавой быть ее прельщает,
Но лишь одна принцесса знает, как жить в компании из бед.
Моя ирония важна, подобна благородным винам:
От тяжести мирской рутины порой спасает лишь она.
Моя мечта – мечта навеки! Проста, банальна и избита:
Тогда, когда все карты биты, молю о близком человеке.
Мои потери... их так много. Сомненья вовсе ни к чему –
К тебе бреду я одному, к тебе в ночи ищу дорогу.
И тишина – моя беда, не чья-нибудь и не чужая,
С ней справиться могу одна я, так получается всегда.
Моя забота столь безбрежна, а чувственность всегда грешна,
Она спасает ото сна, когда целую звезды нежно.
Судьбы дорога – сплав из красок. Надеюсь, ярче нет на свете!

Моя любовь равна... победе. Без лишних слов и лишних масок.

[Капля горечи в крови]

Зыбкий трепет твоих ладоней не согреет меня в мороз,
Ты – король, что сидит на троне, опасаясь неожиданных слез.
Замок рухнул вчера в двенадцать, а сегодня опять чудесен. Нам давненько пора расстаться, только Рай ведь ужасно тесен.
Небо Франции лижет щеки, солнце Англии греет нежно: Мир бывает таким жестоким, а бывает таким безбрежным!..

[Сойти с ума...]

По крыше капли друг за другом – так медленно, сводя с ума.
Когда-то были мы друг другом, когда-то мне была нужна
Лишь ласка с каплями надежды твоих бездонных серых глаз.
Куда исчезло наше «прежде»? Исчез из жизни «первый раз».
Исчезли муки и невзгоды, ты только рядышком держись!..
По водосточным трубам воды, а вместе с ними наша жизнь.
Разбиты стекла на осколки, разбиты старые мечты,
Тебя я так любила, только... любил меня... любил ли ты?
Кто ты? Ты милый и прекрасный? Ты тот, кого ждала в мечтах?
Огонь в камине ярко-красный, и тлеют чувства на углях.
Я так боюсь, боюсь так сильно – тебя, улыбки, серых глаз:
Мне эта ноша непосильна, и так уже не в первый раз.
Теперь закрой глаза, стань ближе и обними меня слегка,
А дождь еще сильнее по крыше стучит, дыхание сбивая:
Я здесь, с тобой, твоя, живая!.. Так жарко, жарче быть не может.
Теперь ты мой, теперь есть «мы», теперь не нужно ничего:
Лишь волны трепетной любви накроют нас, и станет все
Таким, каким оно в мечтах, должно быть, было для тебя.
Моя судьба как в дивных снах: живу любя, умру любя...
Последний взгляд на небеса, а за окном все плачет дождь.
Я знала, что найду тебя, и ты меня теперь найдешь.

[Трепет воспоминаний]

Судьба нечаянно ворвется в дом родной,
Отбросив шторы, скрыв печали, потрясения,
А тихий дождь споет со мной
О том, как страшно жить мечтой,
Что предлагает руку зыбкого спасения.
Внедриться в душу может боль – она слепа,
Подчас убить способна вера безнадежная,
Но за окном горит луна,
Ей ночью вовсе не до сна,
Когда дорога вдаль лежит ужасно сложная.
Разбитых звезд в туманной полночи не счесть,

Развеять рок пытаться стоит лишь однажды,
Все упиваются борьбой,
А я слаба перед тобой –
Лишь тем, кто не простил ошибку дважды.
Привычных стен холодный блеск терзает ум,
Способность помнить меркнет в облаке сомнений:
Огонь камина в этот раз
Сменяет трепет милых глаз,
Что снова жаждут самых чутких откровений.
Прости меня, забудь о том, что так близки...
Письмо отправь, испепели все сны тревожные!
Оставь лишь тот, где мы одни,
Как слуги преданной любви,
Удары сердца собираем осторожные.
Ты птицей раненой порхаешь меж домов,
Долину темную пронзают звонко крылья:
Не забываешь обо мне
И счастлив тронуть в тишине
Те небеса, что сказку спутывают с былью.
Отпетой слабости я слышу страшный зов,
Дрожат колени – стоит рухнуть и разбиться,
Как стрелки всех земных часов
Запрут минуты на засов,
Бесстрастно веруя в людские небылицы.
Гордыни след на окровавленном песке,
А длань победы простирается на мили:
Мы забываем грешный страх
И, разлетаясь в пух и прах,
Молим о том, что в прошлой жизни так любили.
Наш мир наполнен всеми красками миров,
Я пред тобой была нелепо виновата...
Избавь рабыню от оков,
Не нужно больше лишних слов:
Касанье самых теплых губ – моя расплата.
Судьба нечаянно проникла в дом родной,
Отбросив шторы, зажигая солнцем свечи,
Ведь нежность шелка и тепло
В меня вселились всем назло!..
Я, не прощаясь, прошепчу едва: «До встречи».

[Я тебя помню]

Лайм, сирень и горстка пепла. Краски дней не различаю.
Я от слез почти ослепла. Помню – вечно. И скучаю.
Лайм сгниет, сирень завянет. Пепел уберу на полку.
Без тебя меня не станет. Сердце ноет... слишком долго.

[Весна]

Поднимем же бокал за то, чтоб вскоре всех согрело счастье,
И чтобы зимние пальто запрятать в самый дальний ящик.
Устроим праздник для души, ведь звезды в лужах замерцали,

А с белым снегом поспешим проститься после дней печали.
И лаской трепетной своей, примешенной к добру от сердца,
Наполним дни родных людей, закрыв обид тревожных дверцы.
Холодный иней на губах с приходом солнышка растает,
Забыты боль и вечный страх, а звезды в блеске глаз сияют.
Осушим же бокал до дна! И будет жизнь всегда милее,
Ведь в дом уже пришла весна, а значит – скоро потеплеет.

[Там, где живет покой]

Ветер отчаянно ветви ломает,
Крутит и вертит их дряблой душой.
Кто-то кого-то подчас понимает,
Кто-то мечтает остаться собой.
Ворох бумаг умирает в камине,
Золотом пламя на стенах мерцает.
Я возвращаюсь туда, где отныне
Вера в мечту нескончаемо тает.
Черпая силы из тьмы ожиданий,
Истинный свет собиралась объять.
Страшно ломалась под гнетом признаний,
Что разум бессильный пытались распять.
Жажда эмоций приходит без стука,
Ей подчиняются наши сердца!
Эту ужасную, гневную муку
Шлют за былые грехи небеса.
В век одиночества чары подвластны
Тем, кто знаком с ними долгие годы.
Здесь слишком тихо, зато безопасно,
Можно уютиться в любую погоду.
Чайки кричат, улетаю далеко, –
Плачут по близким, уютным краям.
Их расставание с домом жестоко...
С каплей тоски по утраченным дням.
Слабость проникла в разбитое тело,
Трепетный сон растворился к утру.
Я никогда ни о чем не жалела!..
Я никогда ни о чем не совру!..

Это так просто и все же так странно,
Дверь во «вчера» закрываю неспешно:
Память – бессмертна, судьба – многогранна,
Тень обнимает беззвучно и нежно.

[В своей стихии]

Ты резво вспорхнул и умчался к степям,
Где травы сухие опорой придутся,
А смелость отдал натяжным парусам,
Которые с ветром бесцельно дерутся.
Рассвет воцарился, ушли миражи,
Рассыпались дебри чудного заката...
Купалась во тьме и бессмысленной лжи.
Давно мы чужие, а значит – так надо.
Дождливая сырость накроет поля,
Дома в городах, деревушки, трущобы.
Печален финал, раскололась Земля:
Мы выживем порознь, выживем оба.
Пустыни и горы, увы, не близки.
Задумался: чем бы сегодня заняться?
Устроиться в русле бездонной реки
И снова к стареющей мачте подняться?
Тебя невзлюбили мои небеса –
Они оттолкнули разносчика горя.
И снова седые друзья-паруса
Зовут в бесконечное синее море.

[Главное слово]

Я хотела бы жить мечтой, упиваться моментом каждым.
Я хотела бы стать другой, раствориться в любви однажды.
Жить без боли и без обид, танцевать под луною с улыбкой,
Но ведь истина возгласит, что расплата нужна за ошибки.
Слезы горечи, что в руках, запиваю своими несчастьями,
А фантазии терпят крах, разбиваясь о землю на части.
Пустота вечный спутник мне, тишины волочу оковы,
А в глуби океанов, на дне жизнь течет, зарождается снова.
Холод ветра обнимет за плечи, трепет сердца останется в нем,
Все минуты сливаются в вечность, что бредет за моим окном.
Вера в Бога силы внушает, но она утекает сквозь пальцы,
Звезды с неба меня утешают, как беспечные света скитальцы.
Голод, вьюга, мороз не страшны – я спокойно привыкла к стуже.
И слова о любви не нужны. Мне любимый, единственный нужен.
Забываю сказать «прости», прежде чем закрываю двери,
И назад не ведут пути. Никогда ни во что не верю.
Я хотела бы стать землей, чтоб по ней ты ходил ногами,
Я хотела бы жить мечтой, водружая радости знамя.
Я хотела бы верить в чудо, но оно не придет неожиданно.
Я хотела, хочу и буду самой нежной и самой желанной.
Только счастья дождусь родного, что с собой приведет надежду.
Я к нему однозначно готова – дайте шанс, и все будет как прежде.

И готова принять ошибки, и с судьбой столкнуться готова...
Дерзость взгляда сменит улыбка: «Я – жива. Это главное слово».

[***]

Сейчас больна я не тобою, а может – вовсе не больна,
И по ночам сидеть без сна, а после с утренней росой
Собрать в ладони пустоту, вдохнуть в себя твою свободу.
Когда спокойствие найду? Теперь и в летнюю погоду
На улице совсем темно. И тихо капли друг за другом
Роняю со своих ресниц – надеюсь, будешь ты мне другом
И сможешь в трудную минуту спасти меня от темноты.
Не чужды мне цветные сны. Ты оглянись, ведь буду рядом
Всегда, когда я так нужна...
И теплым нежным милым взглядом я одарю тебя тогда,
Когда откроешь мне ворота в ту жизнь, которая в мечтах:
Еще семнадцать на часах, а ты спешишь до поворота...
Постой, не делай, как всегда, не оставляй меня одну!
И плач пронзает тишину, а путеводная звезда
Лишь светом блеклым сквозь туман скользнет по силуэту плеч,
Дотронется до глаз моих – их блеск сменится пустотой.
Ты помни, я всегда с тобой, и несколько глухих ночей
Я буду думать о тебе, о нашей дружбе на века,
О том, как встретился ты мне, о том, как звезды из окна
Мне светят в полночь и во сне, а отблеск солнца на луне
Взорвется тысячей огней – горящих, ярких, но чужих:
Мне стоит раствориться в них...
До новых встреч в моей душе, до новых писем в никуда.

[Столкновение]

Я полечу к тебе по встречной,
Сбивая дремлющих прохожих.
Никто из них понять не сможет,
Как родилась такой беспечной.
Что путь грядущий нам готовит?
Пора увидеться настала!
Пусть наша встреча длится мало –
Меня ничто не остановит.
Прыжок сквозь толпы без опаски,
Вот-вот тебя смогу найти:
Понять, простить и вновь уйти,
Крича в тиши, срывая связки.
На сердце раненом моем
Цепь расставаний безнадежных.
До колкой боли, слишком сложно
Проходит каждый миг вдвоем.
Мы с разных полюсов планеты,

Но в ритме вечности летим:
Друг друга ждем и так хотим
Найти желанные ответы.
Я – пламени искра, ты – лед,
Что от касанья мигом тает.
Любовники? Друзья? Кто знает?
Опасный яд и терпкий мед.
Вот мчусь к тебе по мостовой,
Слежу за временем с улыбкой,
Учусь на прошлого ошибках,
Нырять в память с головой.
На горизонте промелькнул,
Меж нами пустоту сужая.
Полет чарующе сближает,
Не дремлет счастья караул.
До столкновения мы вместе,
Оно звучит как взрыв в ночи!
Я зареву, а ты молчи...
Сейчас же все, как сон, исчезнет.
Коснувшись робко, разлетелись,
Вернувшись к полюсам далеким.
Мы дерзко, вычурно жестоки
Как мокрый снег в часы метели.
Смогла удачно приземлиться,
Разлука мне казалась вечной...
И вновь лечу к тебе по встречной,
Нисколько не боясь разбиться.

[Птицы]

«Искусственный разум, все люди бездушны», –
Твой шепот печальный во тьме моих стен,
А кровь пропуская по линиям вен,
Ранимое сердце, сбиваясь, трепещет,
И злость будто реками вольными хлещет.
Закройте глаза, перестаньте глумиться,
Остыньте, забудьте про ваши дела:
И небо столь ясно, мы все словно птицы –
Свободны душой, пока крылья сильны.
Но стоит сломаться – и вот, трепыхаясь,
Лежишь на земле и разбиты мечты.
Ведь кто-то возьмет, подберет твое тело,
Доставит туда, где тепло и светло:
Ты думаешь, может, тебе повезло?
Возможно, теперь все случится иначе,
Возможно, и жизнь будет слаще, чем мед...

Когда-то сидел ты свободно на ветке,
Когда-то летал в небесах под луной.
Теперь же в большой позолоченной клетке
Мечтаешь о том, чтоб вернуться домой.